

ВЛАДИМИР БУШИН

**И всё это
неймётся!**

МНД

ОСОЗНАНИЕ

Владимир Бушин

И ВСЁ ИМ НЕЙМЁТСЯ!

Москва
Самотёка

МИД

«Осознание»

2012

УДК 82-94

ББК 66.3(2Рос)8

Б 94

Редакционный совет

Алёшкин А. М., Зайцев А. А., Булатов С. М., Алёшкина Е. Н.,
Пресняков М. А.

Бушин В. С.

Б 94 И всё им неймётся! — М.: Самолёта : МИД «Осознание», 2012. — 317 с.

ISBN 978-5-98967-044-4

В новой книге Владимира Сергеевича Бушина, популярного пламенного критика и публициста, известного своей бескомпромиссностью и аргументированностью, собраны статьи из периодики 2011 года. «Герои» всё те же: прохиндеи, клеветники, очернители прошлого и настоящего великой Родины писателя.

*Выход книги из печати приурочен к 88-летию
Владимира Сергеевича Бушина.*

УДК 82-94

ББК 66.3(2Рос)8

ISBN 978-5-98967-044-4

© Бушин В. С., 2012

© Самолёта, 2012

© МИД «Осознание», 2012

Оглавление

В ЗАЩИТУ РУССКОГО ГЕНИЯ.....	5
РУССКИЙ КОММУНИСТ ШОСТАКОВИЧ.....	13
ГЕНИЙ И СОЛОМОН.....	17
ГЕНИЙ И ЗЛОДЕЙСТВО.....	30
ЗАКРОЙ ПОДДУВАЛО И НЕ СИФОНЬ.....	53
СКЛОЧНИКИ ВО СТАНЕ РУССКИХ ВОИНОВ.....	68
СТЕРВЯТНИК.....	87
ПРОБЛЕМЫ В ДОМАШНЕМ ВОСПИТАНИИ МИЛЛИАРДЕРЩИКА ПРОХОРОВА.....	116
ОТ ЛЬВА ТОЛСТОГО ДО ИГОРЯ ВОЛГИНА.....	125
СБРЕНДИЛ?.....	152

КРИМИНАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ И ПРЕСТУПНОЕ НАСТОЯЩЕЕ.....	168
О ФАЛЬШИВКАХ, ПРОЗРЕНИЯХ И ЗАБЛУЖДЕНИЯХ.....	178
СВОЛОЧИ СРЕДИ ЖИВЫХ ТРУПОВ.....	187
ЛЕВ ТОЛСТОЙ КАК ЗЕРКАЛО АНТИРУССКОЙ КОНРРЕВОЛЮЦИИ.....	199
ХОТЕЛ КАК ЛУЧШЕ... ..	220
ТРАГЕДИЯ ОБМАНУТОГО В ЛЮБВИ.....	228
БЕСНОВАНИЕ.....	243
ВАНЯ ГОЗМАН – ВУРДАЛАК.....	288
ЗАДЕЛО!.....	299
ЗА ЧТО Ж ВЫ САШКУ-ТО ПОТЕЕВА?.....	304
ВСЕ ЗНАЮТ, КТО УБИЛ БУДАНОВА.....	313

В ЗАЩИТУ РУССКОГО ГЕНИЯ

Владимир Бушин -
Владимиру Спивакову,
Народному артисту СССР

Уважаемый Владимир Теодорович, позвольте от души выразить Вам признательность за то, что благодаря Вам я неожиданно открыл бесценный кладёзь мудрости и красоты. Как, может быть, Вы уже догадались, я имею в виду книгу Соломона Волкова «Шостакович и Сталин». Мне довелось прочитать немало трудов на близкие темы, начиная ещё с отменного сочинения приснопамятной Анны Берзер «Сталин и литература» («Звезда» №11'95) и не менее замечательного фолианта Евгения Громова «Сталин и искусство» (М.1998). И я не стал бы читать ещё одну книгу этого ряда. Тем более, что автор вот уже 35 лет живёт в Америке да и многим ли известен Solomon Volkov, как означен он на форзаце книги, у нас в стране? Но, оказывается, Вы собственноручно написали обстоятельную, в двадцать с лишним страниц, вступительную статью к его сочинению. И какую! Полную восхищения и любви. Это в корне меняет дело.

Правда, скажу сразу, кое-что меня в Вашем предисловии озадачило. Например, Вы пишете: «Пастернак сказал своему другу: «Книга есть кубический кусок дымящейся совести». Хорошо, кусок совести. Но почему кубический? Я никогда не видел книгу в форме куба.

Не совсем ясно, что Вы имели в виду, когда писали: «Соломон Волков блестяще описывает дуэль Шостаковича со Сталиным». Дуэль!.. Ну, допустим, Сталин палил в композитора статьёй «Сумбур вместо музыки», а также очередями орденов, премий, почётных званий. Но чем палил Шостакович в Сталина? Так не он ли сразил вождя 5 марта 1953 года?

Или вот Вы сочувственно цитируете из книги Волкова строки Ахматовой:

*Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был...*

Сказано красиво, однако... Поэтесса имеет в виду лагерь и тюрьмы. Но, во-первых, она там никогда не была. Во-вторых, там и народ не был, а лишь незначительная его часть, никогда не превышавшая 2%. А народ как народ был на заводах и фабриках, на стройках и полях, в школах и на космодромах, в вузах и в сражениях за свободу и независимость родины. Там поэтесса тоже не была.

Могут возразить: «Но она поэт, она женщина, и не могла с отбойным молотком или с винтовкой, её оружие – слово». Верно. Однако замечательная поэтесса не всегда была точна. Часто цитируют её строки:

*Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не страшно остаться без крова,
Но мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.*

Прекрасно сказано. Конечно, не страшно. Тем более, что в Ташкенте, где это в 1942 году написано, пули не свистели, бомбы на кровли не падали. Однако сражение шло не за слово, не за культуру

вообще, а лишь в том числе. Немцы не преследовали русское слово, как ныне в Эстонии, они даже издавали на русском языке газеты на оккупированной территории. Суть того, что тогда происходило точно выразил Твардовский:

Бой идёт не ради славы -

Ради жизни на земле.

Да, именно ради жизни и в том числе ради языка, ради всей русской культуры.

Странно было прочитать и такое: «Шостакович чувствовал себя неудачником, страдальцем, так же как Иисус Христос, которого не понимали». Ну, о Шостаковиче речь впереди, но мог ли считать себя неудачником Тот, Кому, во-первых, повезло быть сыном Творца, притом ещё и единственным? Во-вторых, перетерпев страдания, Христос вознёсся на небеса и стал основателем великой религии, т.е. в конце концов его поняли – и это неудачник?

Но есть вещи посерьёзней. Так, у Вас говорится о Советском времени: «Это была эпоха, когда каждому было о ком плакать». Да, конечно, но так можно сказать о любой эпохе. Разве, допустим, в 1812 году не плакали о павших на Бородинском поле? И долгие века крепостного права люди плакали, когда их травили медведями, пороли, прогоняли сквозь строй и торговали ими, как собаками. Да что говорить! Помните Тютчева?-

Слёзы людские, о слёзы людские,

Льётся вы ранней и поздней порой...

Льётся безвестные, льётся незримые,

Неистощимые, неисчислимы...

Это о всех веках и народах. В истории человечества, увы, не было эпохи, когда каждому хотелось только улыбаться, радоваться да играть в пинг-понг. Разве не так? Поэт сказал:

Для веселия планета наша плохо оборудована...

Вызывает недоумение то, что у Вас дальше: «Но плакать надо было тихо, под одеялом, чтобы никто не увидел – ведь все друг друга боялись». Извините, маэстро, но это чушь. И говорить-то об этом смешно. Вы и сами плакали как Вам плакалось и Волков опровергает Вас, рассказывая, как Шостакович порой не просто плакал, а навзрыд прилюдно рыдал по тому или иному случаю, например, как уверяет Волков, по поводу вступления в партию. И никого Вы не боялись. Вспомните хотя бы собственный рассказ о том, как однажды ещё в школьную пору, будучи любителем бокса, Вы ответили какому-то обидчику: «Я аккуратно положил свою скрипочку на землю и ответил ему так, как следовало». А разве боялись Вы знакомого концертмейстера Виктора Либермана или Владимира Мильмана, своего соавтора? Да неужели трепетали от страха перед Исааком Гликманом или перед самим Соломоном, своим однокашником по музыкальной школе имени Римского-Корсакова, которого знаете всю жизнь? А ведь Вы говорите: все – всех! Поверить в это невозможно. Я лично тоже прожил жизнь без страха перед теми, кого знал, например, перед критиком Сарновым, поэтом Вашенкиным или художником Глазуновым. Страшно было только за некоторые их публикации.

Но вот сейчас люди действительно всего боятся – разного рода бесчисленных аварий, катастроф, пожаров, наводнений, заказных убийств, сексуальных маньяков, возродившихся страшных болезней и даже исчезнувшей было саранчи, непарного шелкопряда, уничтожающего леса... Правители, от которых Вы получили в 2006 году премию «Россиянин года» превратили нашу родину в страну повального страха и перманентного траура. Вот действительно, все боятся всего, даже милиции.

Но были в Советское время люди, которые всю жизнь дрожали от страха? Да, были. Это антисоветчики, ненавидевшие и власть, и народ. Примеры? Да вот хотя бы тот же Бенедикт Сарнов. Это весьма плодовитый похабник, но в данном случае может служить образцом. Он сам пишет о своём пожизненном личном страхе, но распространяет его на всю страну, на весь народ.

Странно было прочитать у Вас и о «кровавом деле врачей». Да, было в 1953 году такое «дело», но почему «кровавое»? Евтушенко – во всём всегда первый! – тогда же написал гневный стишок об этих врачах:

*Пусть Горький другими был убит,-
убили, кажется, эти же...*

Однако все 28 врачей, находившиеся тогда под следствием, через два с половиной месяца были объявлены невиновными. Никого не расстреляли, не посадили, не сослали, даже не оштрафовали. Но это не помешало помянутому Сарнову в его полоумном страхе рисовать такую картину задуманного властью

финала «дела врачей»: «Осуждённых должны были повесить на Красной площади, после чего по всей стране прокатилась бы волна еврейских погромов. И тогда, спасая уцелевших евреев от справедливого гнева народа, их сослали бы в места отдалённые, где уже строились для них бараки». Эту картиночку он таскает из книги в книгу. Ей-Богу, может дотаскаться до персонального барака.

И всё же, Владимир Теодорович, действительно, есть некоторые основания упомянуть тут пролитую кровь. Дело в том, что, как писал Вадим Кожинов, пять наиболее известных и высокопоставленных врачей из этих 28-ми, а именно В.Н.Виноградов, М.С.Вовси, Э.М.Гельштейн, В.Ф.Зеленин и Б.Б.Коган в 1937 году обвинили видного врача Д.Д.Плетнёва во вредительских методах лечения Горького и тот был приговорён к 25 годам лишения свободы, а в сентябре 1941 года его расстреляли. Если Вы имели в виду кровь Плетнёва на совести этих пяти, то правы и я с Вами согласен, но, кажется, Вы думали совсем о другом – о том, к чему толкали стихи Евтушенко.

По поводу книги Волкова «Диалоги с Иосифом Бродским» Вы пишете, что для Вас лично это - «современный аналог разговоров Гёте с Эккерманом». Извините, маэстро, но для меня лично Бродский не совсем «аналог» Гёте, что, разумеется, не может поколебать Вашей уверенности.

И ещё кое-что о слезах: «Когда объявили о смерти Сталина, вся наша школа плакала, я тоже пришёл домой в слезал». Это понятно, вся страна скорбела. Но ваша мама вдруг сказала Вам: «Слава Богу!...» Да,

были такие и мамы и папы. Лев Разгон, например, писал, что даже устроил пиршество по этому поводу. А вот что записал в дневнике знаменитый кинорежиссёр Андрей Тарковский в день смерти Мао Цзе-Дуна: «Пустячок, а приятно» (РГ.21.2.08). Спрашивается, что он Гекубе, что ему Гекуба? В моём дневнике, который я вёл на фронте, нет подобной записи даже 30 апреля, когда мы узнали о самоубийстве Гитлера.

И последнее. Вы пишете: «За границей, после того, как продирижируешь какой-нибудь из симфоний Шостаковича, тебе иногда говорят: «Beautiful!». В такие моменты я готов с горя провалиться в канализационный люк. Шостакович оставил нам свою кровоточащую музыку и музыканты, исполняя её, оставляют на сцене капли своей крови. Причём здесь «Beautiful»?» Право, всё это уж слишком велеречиво — от обильной крови, заливающей всю сцену, до зловонного люка. И потом, что ж, за границей совершенно не понимают Шостаковича?

Так вот, да, Volkov мало неизвестен, но Вас-то знает вся страна, весь мир. Вы не только лауреат Государственной премии СССР, но и кавалер французского ордена Почётного легиона, на Вашей груди Золотая медаль Моцарта, Ваш авторитет в музыке непререкаем. И я перешагнул через все частные несогласия с Вами, которые упомянул. Действительно, как можно не прочесть книгу, которой восхищается такой человек.

Тем более, что Вы пишете, что впервые увидели Шостаковича, когда Вам было десять лет. А я - летом 1942 года, когда был в Колонном зале на перо-

вом в Москве исполнении гениальной Седьмой симфонии. У меня до сих пор хранится программа того концерта. И помню тогда же появившуюся статью о симфонии Алексея Толстого, которому вышедший на сцену композитор показался похожим на «злого мальчика»...

РУССКИЙ КОММУНИСТ ШОСТАКОВИЧ

Владимир Бушин -
Владимиру Спивакову,
Народному артисту СССР

Отложив всё, я, Владимир Теодорович, углубился в чтение прославленной Вами книги Соломона Волкова «Шестакович и Сталин». Правда, сразу бросилось в глаза обилие безымянных персонажей и источников: «Один из приятелей Эйзенштейна».. «один профессор в США».. «один певец Большого театра»... «одна пожилая ленинградка»... «один чиновник» и т.д. Это напомнило мне несправедливо забытый «Архипелаг». Там тоже самое: «Один узбек»... «две комсомолки»... «одноглазый сторож»... «хитрый плотник» и т.д. без конца. Разумеется, это несколько подрывает доверие к сочинению. Но тем не менее перед моим изумлённым взором засверкали перлы и диаманты ума, эрудиции, тонкого вкуса. Передо мной открылись новые горизонты там, где этого меньше всего ожидал, я увидел то, что должен был знать, но, к стыду своему, не знал, не ведал и не подозревал.

Даже не знаю, с чего начать перечисление радостных открытий... Ну, что ж, по своей советской замшелости начну с классиков марксизма, с самого Маркса. Что у Волкова о нём? Вот! Чуть не двести лет мы повторяли его слова: «Религия – опиум народа». Ничего подобного! - объявил Ваш друг Соломон. - Религия опиум ДЛЯ народа». То есть, не сам народ породил религию, а кто-то придумал её, изобрёл и

сунул ему. Это же совсем другое дело. Новаторство! Вклад в сокровищницу!

А что о другом классике – о Ленине? «Это был человек, неказистый и простецкий». Таким, говорит, впервые увидел его Сталин. «Есть все основания полагать,- уверяет Ваш проницательный друг,- что именно тогда Сталин понял, что он, тоже маленький, невзрачный человек, может стать великом вождём». Тем более, что он был повыше Ленина – 174 сантиметра. Интересно, а с чего, допустим, Наполеон, который тоже был невысокого роста, решил, что может стать императором? Не исключено, что после того, как Людовику XVI отрубили голову и он стал ниже Бонапарта.

Итак, человек №1 и человек №2. Как Вы думаете, Владимир Теодорович, если бы Волков жил в России, назвал бы он невзрачным человеком ещё и президента Медведева, рост которого 165 сантиметров? Впрочем, отвечать не обязательно. Лучше посмотрим, что ещё пишет Ваш подопечный о Сталине, сперва – о его внешности: «На меня из полумрака выдвинулся человек, похожий на краба. Человек-карлик, похожий на двенадцатилетнего мальчика, но с большим старообразным лицом». Ваш протеже уверяет, что именно так описывал Сталина поэт Пастернак. Вот оно что! Выходит, как лицемерил-то поэт, когда писал о нём же:

*А в эти дни на расстоянье
за древней каменной стеной
живёт не человек – деянье,
поступок ростом с шар земной.*

Каков масштаб лицемерия! Карлик, краб, карака-тица и - земной шар! Горько узнать это...

А какие льстивые письма он писал Сталину! Помните? «Я повинуюсь чему-то тайному, что помимо всем понятного и всеми разделяемого, привязывает меня к Вам...Я давно мечтал поднести Вам какой-нибудь скромный плод моих трудов, но всё это так бездарно, что мечте, видно, никогда не осуществиться...» Лучше не знать бы и это.

Ведь и о Ленине писал возвышенно:

*Он управлял теченьем мыслей,
и только потому — страной.*

Наверняка, Волков мог бы и это лицемерие разоблачить, но почему-то воздержался.

Тут уже начался литературный мир, в котором книга открыла мне особенно много нового, и тут мне больше всего стыдно, как литератору, за своё невежество. Я знал, допустим, что Сталин встречался, беседовал или переписывался, или разговаривал по телефону с многими писателями — с Горьким, Демьяном Бедным, Михаилом Булгаковым, Александром Фадеевым, Симоновым, Эренбургом, Вандой Василевской, даже с забытым ныне Биль-Белоцерковским... Из иностранных — с Гербертом Уэллсом, Бернардом Шоу, Роменом Ролланом, Фейхтвангером, Андре Жидом и другими. (Unter vier Augen: Вы можете представить себе беседу, допустим, товарища Путина с Шоу, а Медведева — с Ролланом?) И всё это опубликовано и всё многократно описано. Но Ваш Соломон мудрый установил, что Сталин не по телефону разговаривал, а в облике краба встречался накоротке

ещё и с Маяковским, и с Есениным, и с Пастернаком. Вот новость!

А с какой целью? Оказывается, уговаривал заняться переводом грузинских поэтов, видно, хорошие гонорары сулил. Но удалось уговорить только Пастернака и не грузин переводить, а англичан в лице Шекспира. А Есенин, видимо, именно после этой встречи и воскликнул:

*Отдам всю душу Октябрю и Маю,
И только лиры милой не отдам!*

Не отдам крабу... А Маяковский? Великий знаток темы все тот же Сарнов в книге «Сталин и писатели» уверяет: «У Маяковского никаких личных контактов, не говоря уж о личных отношениях, со Сталиным не было». Выходит, врёт Сарнов. Конечно. Как и дальше: «Можно предположить (очень они горазды с Соломоном на всякого рода предположения, - **В.Б.**) о надеждах которые Сталин возлагал на Маяковского». Каких надеждах? Да известное дело, чтобы он воспел его. Мало ему было од и псалмов Пастернака, Ахматовой, Мандельштама и Джамбула. Но странное дело, Маяковский упомянул Сталина в своих стихах всего два раза, а ведь, оказывается, было время для од. Волков-то вон что пишет: «18 апреля 1950 года на следующий день после похорон застрелившегося Маяковского...» (с.188). 1950-го?! Значит, прожил он не 37 лет, как все считали до сих пор, а почти до шестидесяти лет. Но - больше ни строчки о Сталине. Вот упрямец! Это даёт все основания полагать, что поэт не застрелился, а убили его по приказу Сталина.

ГЕНИЙ И СОЛОМОН

Что ж говорит бездельник Соломон?

А.С.Пушкин. *Скупой рыцарь*

Уважаемый Владимир Теодорович, не могу продолжать в шутовском притворно-восторженном духе. Пора сказать прямо: книга Соломона Волкова даже для наших дней чубайсовской эпохи нечто совершенно необыкновенное. Это редчайший образец неуважения богини мудрости Афины, покровительнице наук и ремёсел. А уж сколько вздора о Шостаковиче, и о всём Советском времени!.. И всё, чем я игриво восхищался, чушь, - от «краба» до встреч Сталина с Маяковским, Есениным и Пастернаком. Ничего этого не было.

Впрочем, Ваш друг лжет не только на Советское время. Так, знаменитые стихотворения Пушкина «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» он именует «националистическими опусами». И, что, Вы согласны: на поток клеветы непозволительно отвечать, а отметить годовщину великой битвы – это национализм? В нынешнем году будет как раз 200-летие Бородинской битвы. Вы за то, чтобы запретить празднование?

Особенно возмущают Вашего обличителя такие строки:

Иль русского царя уже бессильно слово?

Иль нам с Европой спорить ново?

Иль русский от побед отвык?

Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,

*От минских хладных скал
до пламенной Колхиды..*

Да, именно так и пишет этот заатлантический пушкинист: не «от финских», а «от минских скал».

Но что читаем дальше! «По распоряжению Сталина в годы войны приведённая строфа широко перепечатывалась, но, разумеется, без упоминания о царе» (с.75). Строфа! Без царя, однако с «минскими скалами»? Да неужели Вы верите в это? Неужели сам Сталин приказывал: «Напечатать строфу, но без Николая Палкина!» Может, всё-таки это делал не он, а начальник Политуправления Красной Армии Л.З.Мехлис? Нет, и Лев Захарович не был таким олухом, как Ваш заокеанский друг. Да каким же образом у нас фильмы-то ставились, книги-то издавались о князьях и царях — об Александре Невском, Иване Грозном, Петре Первом? Или при этом царей именovali бригадами стахановских бригад? Как же у нас не только берегли их старые памятники, но и ставил им новые?

Неудивительно, что при таком взгляде на патриотизм Волков ухитрился в «Борисе Годунове» разглядеть «сочувствие Пушкина к Самозванцу». Да что там сочувствие! Поэт «просто любит» ставленником Польши. Ну, как, допустим, Солженицын любит генералом Власовым, ставленником фашистской Германии, как Путин — самим Солженицыным, известно чьим ставленником, а Грызлов — самим Путиным, ставленником Ельцина и Абрамовича... Более того, «Самозванцу Пушкин даёт выразить некоторые из своих заветных мыслей: «Я верую в про-

рочество пиитов». Да ничего тут нет заветного, это мысль не Пушкина. Так издревле, ещё во времена Гесиода кое-кто думал. Однако же какое единение душ великого национального поэта и безродного авантюриста, врага России, сконструировал Ваш умник. И не может налюбоваться на плод ума своего. У меня три полных собрания сочинений Пушкина, включая знаменитое академическое 1937 года, да еще однотомник и отдельные сборники. И всюду - «Иль русского царя уже бессильно слово?» Как же это проскочило!

И вообще, что касается Пушкина, то над ним в Советское время, уверяет Волков, просто глумились: в 1937 году из столетия со дня его смерти устроили не что иное, а настоящую «вакханалию» (с.79). О, я это помню: по радио и с эстрады Владимир Яхонтов и Дмитрий Журавлёв глумливо читали именно его «Вакхическую песню»:

Что смолкнул веселия глас?

Раздайтесь, вакхальны припевы!..

А вместо последней строки «Да здравствует солнце! Да скроется тьма!» они вопили: «Да здравствует Сталин! Да скроется Троц!» Сплошная вакханалия!

Андрей Платонов, уверяет литературный осьминог, ухитрился в эти ужасные дни напечатать хорошую статью о Пушкине, но – под псевдонимом. Почему так? А потому, что ещё в самом начале 30-х годов после резкой надписи Сталина на журнальной публикации его рассказа «Впрок» Платонову «выбросили из литературной жизни». Да как же узнали о надписи Сталина, сделанной в тиши каби-

нета? Разве он тотчас и опубликовал свои маргиналии, то бишь заметки на полях, как это делал когда-то покойный критик Юрий Суровцев? Владимир Теодорович, Вы же должны понимать, что надпись стала известна только после смерти Сталина, а Платонов умер раньше.

Да, у писателя были немалые трудности в жизни и в творчестве, но все тридцатые годы он активно работал и напечатал немало прекрасных вещей. Вспомните хотя бы «Такыр» (1934), «Третий сын» (1935), «Фро» (1936), «Река Потудань» (1937), «На заре туманной юности» (1938), «Родина электричества» (1939)... А сколько было у него именно тогда критических статей! О Горьком, Николае Островском, Юрии Крымове, о Чапеке, Олдингтоне, Хемингуэе... А пьесы для Центрального детского театра!

Статья Платонова «Пушкин – наш товарищ», которую имеет в виду Волков, была напечатана в журнале «Литературный критик» №1 за 1937 год и вовсе не под псевдонимом, в чём нетрудно убедиться, не обращаясь к архиву. В том же «ЛК» вскоре появилась его статья «Пушкин и Горький». В журнале «Красная новь» №10 (37) против обеих статей выступил известный тогда критик Абрам Гурвич. 20 декабря в «Литературной газете» Платонов ответил ему вовсе не как человек, живущий в страхе: «Критический метод Гурвича крайне вульгарен и пошл...». Так вот, ответ А.Гурвича тоже в «ЛГ» так и был озаглавлен – «Ответ тов. Платонову». Где же псевдоним?

Сочинение осьминога изобилует нечистоплотными выдумками такого рода и о других писателях.

Так, хочет уверить нас, что в двадцатые годы стихи Пастернака были запрещены. Владимир Теодорович, сообщите этому недотёпе хотя бы список основных изданий поэта именно в ту пору: «Сестра моя – жизнь» (1922), «Темы и вариации» (1923), «Избранное» (1926), «Девятьсот пятый год» (1927), «Поверх барьеров» (1929)... Ещё, говорит, тогда были запрещены и стихи Николая Заболоцкого. И у этого писателя судьба была не простая. Но у него в ту пору и запрещать-то было нечего, кроме, разве что несколько рассказов для детей, напечатанных в журнале «Ёж». Неужто злодеи их и запретили? А первая знаменитая книга поэта «Столбцы» вышла в самом конце тех лет - в 1929 году. Вокруг неё бурно кипели страсти, но никто её не запрещал.

Нет конца измышлениям и фантазиям этого ракообразного о нашей литературе. Дело доходит вот до чего. Иосиф Бродский, говорит, уверял меня, что Достоевскому, как его герою Раскольникову, «вполне могла придти мысль об убийстве ради денег». А мне кажется, что Бродскому вполне могла придти мысль об убийстве Волкова просто ради того, чтобы он замолчал.

Но Соломон этого не понимает и гонит облезлого зайца своего домысла дальше: «Схожие идеи об убийстве ради денег обуревали молодого Шостаковича». Вы только подумайте, великий композитор, гений, а вот вам, пожалуйста... И как это доказывается? Очень убедительно. В одном из писем, говорит, «у него прорвалось уж совсем «достоевское»: «Хорошо было бы, если бы все мои кредиторы вдруг

умерли. Да надежды на это маловато. Живуч народ». Да, «заимодавцев жадный рой» ужасно живуч... Владимир Теодорович, неужели Вы и теперь не понимаете, что за создание Божье Ваш друг и какую книгу Вы осенили своим славным именем?

И здесь пора приступить к главному – к образу самого композитора, ибо ведь он, а не ракообразные да членистоногие стоит в центре сочинения.

Вот сценка. В 1943 году Шостакович принял участие в конкурсе на новый гимн. Прослушивание было в Большом театре. Композитора пригласили в правительственную ложу. Он входит и, как говорящий скворец, произносит: «Здравствуйте, Иосиф Виссарионович! Здравствуйте Вячеслав Михайлович! Здравствуйте Клемент Ефремович! Здравствуйте Анастас Иванович! Здравствуйте Никита Сергеевич!»(с. 55). И это сервильное чучело – Шостакович?!..

Удивляться тут нечему, говорит Волков. «Ожидание удара преследовало Шостаковича всю его жизнь, превращая её в сущий ад». Именно здесь он видит пример такого ожидания: «Сталин сказал ему: «Ваша музыка очень хороша, но что поделать, музыка Александрова больше подходит для гимна». И повернулся к соратникам: «Я полагаю, что надо принять музыку Александрова, а Шостаковича...(Тут вождь сделал паузу; позднее композитор признавался одному знакомому, что уже готов был услышать: «А Шостаковича вывести во двор и расстрелять»). Да разве не прямо в ложе? Неизвестно почему, но вождь закончил так: «...надо поблагодарить» (с. 56).

Отчего на сей раз не расстреляли и всех остальных участников конкурса, кроме трёх победителей - Александрова, Михалкова и Регистана, неизвестно. (А сталинская благодарность, надо думать, имела не только словесное выражение).

Ни за что Волков не поверит и не поймёт, что если Шостакович действительно сказал так «одному знакомому», то дурачился, хохмил, потешался. А Вы, Владимир Теодорович, своим авторитетом поддерживаете этот лютый вздор человека, не имеющего ни маковой росинки юмора. Пишете, что когда работали над партитурой Восьмого квартета, посвящённого памяти жертв фашизма и войны, то «вдруг ощутил, что в одном месте Шостакович показывает, что его расстреливают, его убивают». Флобер сказал: «Мадам Бовари это я». И Шостакович, разумеется, тоже хотел вжиться в образы жертв фашизма. Но всё-таки мы понимает, что между Флобером и Бовари есть, ну, хотя бы половое различие. Ваш Волков этого не понимает.

«Многие годы,- пишет он,- Шостакович и его семья балансировали на грани катастрофы, под постоянной угрозой ареста, ссылки или полной гибели». Вот такой гибели, как тогда прямо во дворе Большого театра.

Однако живой композитор вовсе не производил впечатление человека загнанного, несчастного, ждущего беды. Он любил жизнь и жил со вкусом. Не только много работал, писал, но и много слушал, читал, был страстным футбольным болельщиком и даже имел диплом спортивного судьи, играл в теннис, прекрасно водил машину, любил весёлые ком-

панин, имел широкий круг знакомых, влюблялся, был не дурак выпить, в силу обстоятельств даже три раза жениться и в двух браках был вполне счастлив, родил физически нормальных сына и дочь... Вот между всем этим он и балансировал.

Волков может сказать: всё так, ибо страшные угрозы, беспощадные удары иногда маскировались под премии. Например, под Сталинские премии Первой степени в 1941-м, 1942-м, 1946-м, 1950-м, 1952-м годах. Пять зубодробительных Сталинских ударов! Легко ли вынести! Никто не получил столько этих ударов. А в 1954-м - Международная премия мира, в 1958-м - Ленинская премия, в 1966-м ещё и Золотая Звезда Героя... Всё верно, однако же ведь не дали ему ни орден Суворова, ни Кутузова. Обошли, обидели, оскорбили, унизили...

Я подхватываю: да, просто не было у нас художника, столь жестоко терзаемого Советской властью! Смертельные удары маскировались также под орден и почётные звания - три ордена Ленина, ордена Октябрьской революции, Трудового Красного знамени, звание Народного артиста СССР. Наконец, была и такая коварная хитрость, как удары под видом квартир, дач, кремлёвских пайков, поликлиник и т.п. Композитор жил в Ленинграде, на Кировском проспекте, но после войны ему предоставляют квартиру в центре Москвы, между прочим (какая чуткость!), тоже на улице Кирова и дачу в Болшево. Конечно, это были не две комнатки там и здесь, однако в 1947 году дали квартиру в новом роскошном доме МИДа на Можайском шоссе. Сын Максим вспоминает: «Это

была не одна квартира, а две. Их просто объединили». Просто... Для тех времён дело совершенно невиданное, другого примера я не знаю.

Сын же рассказывает, что в 1949 году Шостакович отказался ехать на Конгресс деятелей науки и культуры. Ему позвонил Сталин и будто бы состоялся такой разговор. Сталин уговаривал, а Шостакович отказывался: «Я не могу ехать. Я болен, и потом мою музыку запретили исполнять» - «Кто запретил твою музыку?» Вот уже липа. Сталин только с узким кругом старых соратников был «на ты». Это нынешние отцы отечества тычат куда ни попадя. Впрочем, память, когда дело касается Сталина, изменяет сыну композитора не только здесь. Он ещё говорит, например, что няня на день рождения всегда дарила ему «большую, как простыня сторублёвую бумажку с портретом Сталина». Не было у нас ни сторублевых, ни каких иных «бумажек» этого рода с портретами Сталина, как не было и «бумажек» словно простыня. Может, няня дарила в шутку керенки? Но и там портрет Сталина едва ли мог быть. А тот конгресс, кстати, проходил не в Нью-Йорке, как можно понять из этих воспоминаний, а в Париже и Праге.

Видя такие досадные сбои памяти, уже не удивляешься уверениям, что в 1948 году отец был озабочен, как прокормить семью. Да он же незадолго до этого получил Сталинскую премию первой степени. А это 100 тысяч рублей. По тем временам огромные деньги.

Я слышу стон из-за океана: «Как вы смее! Его же всю жизнь травили! Статью «Сумбур вместо му-

зыки» он до конца дней, носил на груди в целлофановом мешочке. Иван Гронский, конфидант Сталина, пообещал, что к формалистам «будут приняты все меры воздействия вплоть до физических».

Такое негодование Волкова мне понятно. Но, во-первых, кто такой конфидант Гронский? Как говорится, сколько у него дивизий? Конфидант был всего лишь главным редактором некоторых газет и журналов. Дивизий для физических воздействий не имел. Во-вторых, где это он «пообещал» - на редколлегии «Известий» или «Нового мира»? В-третьих, конфидант сам провёл 16 лет в лагере, но остался советским человеком. Пожалеть бы его за такой срок неволи, а не пугалом выставлять. В-четвёртых, и это главное, Шостакович не отверг же критику в этой статье своей оперы «Леди Макбет Мценского уезда», не упорствовал. Дней через пять после появления статьи он сам пришёл к председателю Комитета по делам искусств П.М.Керженцеву, и на вопрос того, признаёт ли он критику в этой статье, ответил, «что большую часть признаёт» и «хочет показать работой, что указания «Правды» для себя принял». Затем спросил, не написать ли статью или письмо с изложением своей позиции. Керженцев счёл это не нужным. В конце беседы Шостакович сказал, что композиторы очень хотели бы встретиться с товарищем Сталиным (Власть и художественная интеллигенция. М.1999. С. 289). И всё это он подтвердил, создав в 1956 году, когда тиран уже ничем ему не грозил, новую редакцию оперы, дав ей гораздо более разумное название «Катерина Измайлова». Её премьера состоялась в 1962 году, и

прошла с большим успехом. Так с чего бы стал он носить на груди помянутую статью?

Да, композитор знал несправедливости, обиды, но вся история со статьёй «Сумбур» раздута. Другое дело, что Шостакович, о котором при первом же его появлении заговорили как о гении и до этого только хвалили, был человеком очень чувствительным и ранимым. Подлинная драма для художника – невозможность донести своё произведение до читателя или слушателя. Но ведь опера «Леди Макбет» уже два года шла не только в Москве и не где-то, а в филиале Большого, но и в Ленинграде (за один год 50 раз «с аншлагами по повышенным ценам») да ещё и в Англии, США, Швеции, Швейцарии... Е.Громов добавляет: «в театрах Парижа и Копенгагена, Праги и Братиславы». Она имела оглушительно хвалебную прессу. О чём ещё может мечтать художник! А когда появилась статья «Сумбур», то ведь у Шостковича нашлись такие могучие защитники и дома и за границей, как Максим Горький и Ромен Роллан. Горький написал письмо Сталину.

К тому же никаких «оргвыводов» не последовало, как это было через десять лет с Анной Ахматовой и Михаилом Зощенко, которые не только угодили в постановление ЦК, но и были исключены из Союза писателей, как позже и Пастернак. И защитников у них не нашлось.

Но ведь суровой критике иногда справедливо, иногда не очень в партийной печати подвергались произведения даже «любимцев Сталина», как их называет Волков, например, роман «Молодая гвардия» Фадее-

ва, которого-де «вождь объявил классиком» (чего он, разумеется, никогда не делал) или повесть Симонова «Дым отечества». Тогда кто-то горько усмехнулся:

Он был красивым, молодым

Всё было – слава, молодечество...

Но что такое слава? Дым

Неблагодарного отечества.

Наконец, Шостакович, конечно же, гений. А у кого из таинственных существ этого рода жизнь прошла безмятежно – у Данте или Галилея, у Бетховена или Вольтера, у Пушкина или Мусоргского? И ведь никто из них не знал щедрот от власти, а только гонения, ссылки, клевета... Шостакович родился в интеллигентной семье в столице и всю жизнь прожил в Ленинграде и Москве в атмосфере искусства. И о нём сразу же повеяло: гений! А его гениальный ровесник Шолохов всю жизнь прожил в деревне среди мужиков. И сразу после выхода первой книги «Тихого Дона» пополз слухок: плагиатор... Да не слухок, а прямые обвинения и в молодости и в старости – от злобного пигмея Солженицына. Слава Богу, ничего подобного Шостакович не знал. Не приходилось Шостаковичу, как Шолохову тайно ночью бежать из родного дома от грозившего ареста и расправы. Не знаю, когда и как умерла мать Шостаковича, а мать Шолохова погибла под немецкими бомбами. А вспомним других русских гениев. Композитора минула участь Пушкина и Лермонтова, издевавших ссылки, надзор и погибших на дуэли в тридцать семь и в двадцать шесть лет, и судьба Достоевского, познавшего каторгу и умершего в шестьдесят, и муки

Льва Толстого, спастись от коих он надеялся бегством ночью из дома, и нищенские скитания по Руси Горького, и роковые решения Есенина и Маяковского... Так о чём же речь? Какой страдалец? Ничего из помянутого не изведав, в почёте и славе в полном достатке и благополучии, осыпаемый наградами и премиями, прожил до семидесяти лет. Между прочим, никому из великих русских композиторов прошлого такой срок судьба не подарила. Глинка, Бородин, Мусоргский, Чайковский, Римский-Корсаков... Только последнему посчастливилось перевалить за шестьдесят, а остальные – сорок-пятьдесят лет с небольшими хвостиками. Но ничего из этих соображений не интересует Волкова, ему нужна сооружённая им конструкция для клеветы на Советскую эпоху.

ГЕНИЙ И ЗЛОДЕЙСТВО

Владимир Бушин -
Владимиру Спивакову,
Народному артисту СССР

*Мне не смешно, когда маляр негодный
Мне пачкает Мадонну Рафаэля,
Мне не смешно, когда фигляр презренный
Пародией бесчестит Алигьери...*

А.Пушкин. *Моцарт и Сальери*

Замечали ли Вы, Владимир Теодорович, такое странное дело: иные немцы, которых нынешние творцы фильмов в войне порой приглашают «поучаствовать» в их непотребстве, как Алексей Пивоваров в своём недавнем фильме «22 июня», в отличие от самих творцов, держатся вполне достойно и порой говорят правду, на которую сами творцы совершенно неспособны. Так, в этом фильме один немец сказал, что вранье о том, будто Советский Союз готовился напасть на Германию, и Гитлер лишь опередил, - это вранье, самим Гитлером в 1941 году и запущенное, ныне - любимейший довод неонацистов. Наши оборотни не хотят выглядеть нацистами, но без конца вслед на Гитлером и Резуном, выкидышем КГБ, твердят: да, Советский Союз планировал напасть на бедную фашистскую Германию, но не успел.

Чем же объяснить правдивость иных немцев и патологическую лживость всех наших оборотней? Думаю, дело вот в чём. Для немцев война – горькое,

но далёкое прошлое, в котором по прошествии времени многое можно признать честно. А для наших оборотней враньё о война, и о всей Советской эпохи – острая животрепещущая потребность их нынешнего и даже будущего существования. Совершив предательство своих отцов и всего народа, они боются возмездия и потому лезут из кожи вон, чтобы убедить зрителей и читателей, особенно молодежь: Советское время было ужаснее путинского, не изменить ему просто невозможно, оплевать и растоптать его – благородное дело. Тут шевелящийся хаос страха и бешенства...

Но Ваш друг со своей книгой «Шостакович и Сталин» давным давно за океаном, вроде бы, ему ничто не грозит, и чем объяснить приступы его антисоветского бешенства и беспробудное враньё, я не знаю. Ведь то и дело уж так зашкаливает!.. Вот изображает композитора даже противником движения за мир и ненавистником самых видных, всемирно известных его сторонников, считая их приспешниками Сталина: «Я в тюрьме и боюсь за детей, за себя, а они на свободе и могут не лгать!.. Все они – Хьюлетт Джонсон, Жолио-Кюри, Пикассо – гады!» Это, говорит, он сказал однажды в задушевной беседе с девушкой по имени Флорой, а Флора – мне, а я – всему свету по секрету. Правда, сам композитор «под грубым нажимом советских властей» вместе с Флорой участвовал в работе Конгрессов в защиту мира и произносил там речи. Но какие! Их для него составляли в КГБ. Да почему же не в отделе пропаганды ЦК, где, кажется, эта Флора и работала? Бог весть! А о чём лгали бор-

цы за мир? Что, на самом деле каждый из них в душе хотел войны? Выходит! Поджигатели проклятые...

Владимир Теодорович, ведь Волков выставляет великого композитора просто идиотом в подобных пассажах. Ну, глядите: «Перед премьерой «Песни о лесах» в 1949 году приятель Шостаковича (Исаак Гликман? Абрам Ашкенази? Лев Либединский? Неизвестно. - **В.Б.**) сказал ему: «Как хорошо, если бы в оратории вместо Сталина была нидерландская королева!» Композитор воскликнул в ответ: «Это было бы прекрасно!» А ещё прекрасней, по логике Вашего друга, было бы, допустим, симфоническую поэму 1967 года посвятить не юбилею Октябрьской революции, а Черчиллю, который как раз незадолго до этого преставился.

А это? «Сталин впервые понял, что он не бессмертен». Когда? В семьдесят лет! Волков-то знает, что не бессмертен, ещё с детства, а тиран видите ли... Между прочим, на Тегеранской конференции Сталин сказал Рузвельту и Черчиллю: «Пока мы живы дело мира обеспечено, но лет через 10-12, когда мы умрём...» Нет, размышления на тему «*Memento mori!*» не были чужды Сталину.

И на ту же тему: «Шостаковичу удалось пережить тирана на целых 22 года. Это было подвигом!» Да какой же, прости Господи, подвиг, если тиран был старше на тридцать лет! Не соображает, ликует. И неведомо ему, что всё в руце Божьей. И что смерть, как сказал поэт, «иногда берёт не тех, кого бы надо». Благодаря этому сам Волков совершил множество великих переживальческих подвигов.

От таких пароксизмов торжества, право, просто отдыхаешь душой на тех страницах, где, скажем, тихо и скромно сообщается, что в начале войны Шостаковичу нахлобучили на голову пожарную каску, обрядили в пожарный наряд и, как позже в партию, загнали на крышу Ленинградской консерватории тушить немецкие зажигалки.

Весьма отраднo читать и о «самоидентификации Шостаковича с евреями, далеко выходящей за рамки традиционного филосемитства». То есть, по-русски сказать, композитор, как герой, которого играет Юрий Соломин в фильме «Московская сага», то ли в душе, то ли вслух восклицал: «Не хочу быть русским! Хочу быть евреем!» Это явление в принципе нам знакомо. Например, писатель Григорий Бакланов на страницах «Еврейской газеты» очень решительно даже не филосемитами назвал, а просто лишил их нации и записал в евреи Маршала Малиновского (украинца), маршала Катукова (русского) и генерала Доватора (белоруса). Ну, как же! Первый родился в Одессе; второй по отчеству Ефимович, как Немцов; третий – Лев, как Троцкий, - какие вам ещё доказательства! Впрочем, и русские тут не дремлют, работая на тех же диверсантов. Недавно на моём сайте одна дама зачислила туда же великого русского художника Репина. Ещё бы! Он же Илья, как Эренбург, а по отчеству Ефимович, как б.м.к. Швыдкой. Полный порядок!

Видимо, убеждение Волкова в филосемитстве Шостаковича соломинского закваса многое определило в его книге. Но какие же доказательства? Здесь

небольшая заминка. Есть документы, говорит, свидетельствующие, что в молодости Шостакович был не чужд разговорам «о «жидовском засилье» в искусстве». На это могли привести его хотя бы Безыменский, Кирсанов, о коих речь впереди... Но в зрелые годы он стал филосемитом из филосемитов соломинского типа, о чём свидетельствует его вокальный цикл «Еврейские народные мелодии». Убедительно. А не зачислить нам туда же, допустим, ещё и Лермонтова, у которого даже две «Еврейские мелодии», да Горького с его рассказом «Каин и Артём», да Куприна с его «Гамбринусом», заодно и Шолохова, любимейший образ которого – Аксинью и в немом кино и в звуковом играли еврейки.

Но оставим эту слишком чувствительную для некоторых персон тему, вернёмся к вещам несомненным.

Сын композитора Максим пишет: «Шостакович и помыслить не мог о побеге за границу – мы, его родные, оставались в заложниках». А то махнул бы со всеми своими премиями, орденами и звёздами, да? Судя по всему, сынок уверен в этом. Нет, яблочко от яблони может далеко закатиться...

«На встречах с журналистами,- продолжает яблочко,- отец на провокационные вопросы отвечал одно: «Я благодарен СССР и своему правительству». У него были все основания для такого ответа.

Но яблочко катится ещё дальше: «До сих пор американские журналисты недовольны его ответами: «Что это он так лицемерил?» Они не понимают, в какую страну отцу надо было возвращаться и ина-

че отвечать он не мог» (Караван истории. 2004, март. С. 204).

Отец ваш, Максим Дмитриевич, всегда возвращался в любимую страну, за которую готов был отдать жизнь. 4 июля 1941 года, на другой день после великой речи Сталина по радио, в «Известиях» было напечатано письмо Шостаковича: «Вчера я подал заявление о зачислении меня добровольцем в народную армию по уничтожению фашизма... Я иду защищать свою страну и готов, не щадя ни жизни, ни сил выполнить любое задание, которое мне поручат. И если понадобится, то в любой момент – с оружием в руках или с заострённым творческим пером – я отдам всего себя для защиты нашей великой Родины, для разгрома врага, для нашей победы».

На 635 страницах книги Волкова для этого письма не нашлось места. Уж очень оно не вписывается в образ лицемера, всю жизнь проходившего в благопристойной советской маске, каким изображает его и автор, и помянутые американские журналисты, и, конечно, другие доморощенные оборотни. Эти понимают, кто они и лезут из дублёной шкуры вон, чтобы доказать, будто многие большие художники тоже были антисоветчиками, но молчали, приспособлялись. Кто? И Горький, и Маяковский, и Есенин, и Шолохов, и Платонов... Вот добрались и до Шостаковича. И хотят за спинами гигантов спокойно и вволю жрать свои сникерсы и гамбургеры. К слову сказать, о том, как это проделывается с Платоновым поведал недавно талантливый и смелый критик Валерий Рокотов в статье «Из котлована» (ЛГ №31). Глубоко

верна его мысль: «Для Платонова коммунизм возможен и нужен. Он отвечает русскому характеру и русскому духу... Поздний Платонов для либералов ещё опаснее. Это человек, который выбрался из котлована, из чёрной пропасти отрицания. Это человек, который в нужде, горе, гонениях не утратил веры и начал создавать новый храм». Многие из этого можно отнести и к Шостаковичу.

А Волков уверяет, что ещё с молодых лет композитор, как и он, «был скептиком по отношению к советской власти». Иногда, говорит, для доказательства его коммунистических симпатий в молодости ссылаются на его письма к Татьяне Гливенко, его юношеской любви. Так приведи хоть одно письмецо! Нет, страшно, боязно, что рухнет вся его пирамида лжи. У него вот какой довод: «Забывают о том, под каким жестоким контролем при советской власти находились средства коммуникации, в частности письма». Вы поняли? Он хочет сказать, что письма Шостаковича перлюстрировались, и вот он среди пламенных признаний возлюбленной сознательно и лицемерно превозносил Советскую власть, впаривал свою лояльность. А побывав на заключительном заседании Всесоюзном совещании стахановцев 17 ноября 1935 года, писал и другу своему Ивану Соллертинскому: «После выступления Сталина я совершенно потерял всякое чувство меры и кричал со всем залом «Ура!» и без конца аплодировал... Конечно, сегодняшний день – самый счастливый день моей жизни: я видел и слышал Сталина».

Ну, как же не лицемер! Вы только прислушайтесь к финалу Четвертой симфонии, говорит Волков, и если у вас есть тонкий, как у меня, музыкальный слух, вы отчётливо услышите «заклинание: «Умри, Кашей-Сталин! Умри! Сгинь, Поганое советское царство!» Да как же, мол, верить, что он слушал Кашея и ликовал, и кричал «Ура!» Волков-то сам отродясь таких чувств и не испытывал, и не понимал. Кричать «Ура!» он мог, разве что, вместе с Окуджавой, только при виде таких картин, как расстрела Дома Советов... Владимир Теодорович, Вы попали в дом умалишённых и не понимаете этого...

А сын композитора считает нужным подчеркнуть, что в квартире у них портретов Кашея не было. Вот ещё дочь Маршала Малиновского сочла необходимым накануне юбилея Победы откреститься: «У нас в доме не было портретов Сталина» (РГ, 6 мая 2010). Да их ни у кого не было. Я не знал ни один дом, не встречал ни одну частную квартиру или избу, где висели бы его портреты. И даже в моём доме их не было.

Шостакович – один из самых «правоверных» советских художников. Ещё в 1927 году он принял заказ на сочинение большого симфонического произведения, которое так и называлось «Посвящение Октябрю». Но, увы, там в финале были такие трескучие стихи Александра Безыменского, что одолеть их композитору удавалось далеко не всегда. Однако принял же заказ, не отверг.

А в 1929 году - Третья «Первомайская» симфония с заключительным хором на слова Семёна Кирса-

нова. Автор прямо говорил, что цель его - выразить «настроение праздника, мирного строительства» Нет, бурчит Волков и решительно опровергает самого композитора: «никаких праздничных эмоций Шостакович в тот период испытывать не мог». Да откуда знаешь? Человеку двадцать два года, он влюблён и любим. В одном этом столько эмоций! Нет, симфонию надо было назвать не «Первомайская», а «Кладбищенская».

Между прочим, музыковед Аркадий Троицкий, брат Волкова по разуму, живописуя кошмарную советскую жизнь и муки мученические Шостаковича, в статье, посвящённой столетию со дня рождения композитора, в качестве примера кошмара указывает как раз на помянутых Кирсанова, «позднее репрессированного», и Безыменского, «оказавшегося жертвой сталинского Молоха». А я знал обоих, и мне достоверно известно, что оба тихо почили в Бозе, первый – в 1972 году, второй – в 1973-м на 75 году жизни.

Особенно хорошо помню Безыменского, имевшего страсть произносить на съездах длинные речи в стихах. Это был пламенный революционер. Его звали Александр Ильич. Казалось бы, о лучшем отчестве пламенный и мечтать не может. Но Троцкий, написавший в 1927 году предисловие к первой книге поэта, изыскал лучше : Октябrevич!

Так вот, Александр Октябrevич действительно подвергался репрессиям. Несколько раз его жестоко репрессировал Маяковский:

Уберите

этого бородатого комсомольца!

Он же день изо дня

То на меня

неистово молится,

то неистово

плюёт на меня.

Это стоит пяти лет лагерей общего режима. А уж это – десяти лет строгого:

Надо, чтоб поэт

и в жизни был мастак.

Мы крепки,

как спирт

в полтавском штофе.

Ну, а что вот Безыменский?

Так -

морковный кофе.

И лет сорок Александр Октябrevич прожил с биркой «морковный кофе» на шее. Ужасно!.. Однако это не остановило Шостаковича, он успешно работал с обоими поэтами.

Оказывается, до Волкова и его собратьев-ревизионистов никто ничего не понимал в музыке Шостаковича да и сам он не соображал, что делал. Взять хотя бы то, что и в начале творческого пути в 1927 году, как уже сказано, была у него Вторая симфония - «Посвящение Октябрю», его десятой годовщине, и уже в конце, в 1967 году – симфоническая поэма «Октябрь», посвящённая пятидесятилетию революции. Музыковед А.Троицкий пишет: «Удивительно, не правда ли?» И предлагает: «Чтобы точнее определить свои представления о времени Октября, заглянем в некое «зеркало», самое незамут-

нённое — в стихи Мандельштама». Господи, и когда они оставят его в покое! Когда отвяжутся? Суют затычкой в любую бочку. И почему «незамутненное зеркало», если поэт честно признавался: «Мы живём, под собою не чуя страны»?.. Наконец, известно, что Мандельштам так, например, выразился о Пятой симфонии Шостаковича: «Нудное запугивание». И добавил слова Льва Толстого о Леониде Андрееве: «Он пугает, а мне не страшно». Ну, ладно, ладно, заглянем... И вот...

*Ох, как крошится наш табак,
Шелкунчик, дружок, дурак!
Я мог бы жизнь просвистеть скворцом,
Заест ореховым пирогом -
Да, видно нельзя никак...*

Увы, не удалось просвистеть, не досталось пирожка, не полакомился. А кто здесь дурак и что за шелкунчик? Неизвестно. Что дальше?

*Ночь на дворе. Барская лжа:
После меня хоть потоп.
Что же потом? Хрип горожан
И толкотня в гардероб...*

Непонятно, с чего горожане ночью не храпят, а хрипят. Их душат коммунисты? И откуда и в какой гардероб они, хрипящие, ломаются. Опять всё загадочно. Что ж, ещё? Пожалуйста:

*Я трамвайная вишенка страшной поры,
И не знаю, зачем я живу.
Мы с тобою поедem на «А» и на «Б»
Посмотреть, кто скорее умрёт...*

Можно догадаться, что «А» и «Б» это московские трамваи, но куда герой собирается ехать и где, и как хочет он «посмотреть» чью-то смерть. И что в этом интересного?

Однажды ленинградский критик В.Н.Орлов, главный редактор «Библиотеки поэта», предложил Твардовскому напечатать в «Новом мире» подборку такого рода стихов Мандельштама. В ответе 13 января 1961 года Твардовский, признавая, что в «Библиотеке» издавать Мандельштама, «безусловно нужно», считая даже, что его поэзия «остаётся образцом высокой культуры русского стиха XX века», тут же утверждал однако, что «вся она, так сказать, из отсветов и отзвуков более искусства, чем жизни», что это «образец крайней камерности, где всё уже настолько субъективно и «лично», что кажется порой написано без малейшей озабоченности тем, будет ли что доступно пониманию какой-либо другой душе, кроме авторской». По-моему, всё это относится и к стихам, посредством которых нам предлагают проникнуть и в тайный умысел Шостаковича.

Обосновывая свои суждения, Твардовский сопровождал перечисление стихотворений замечаниями такого рода: «Сложны и темноваты»... «гораздо темнее и замысловатее»... «первая строфа ясна, дальше – мрак»... «что такое?»... «вроде бы понятно, да – нет»... «вторая строфа – не понять»... «что про что – Бог весть»... «не добраться ни до какого смысла»... «я не понимаю подобных стихов»... И резюмировал: «Как редактор, я бы лично затруднился такие стихи представить читателю, не будучи в готовности объ-

яснить их объективный смысл». Твардовский допускает даже такое предположение: «Может быть, особая усложнённость и внутренняя притемнённость при внешней и будто бы отчётливости стихов этого периода (тридцатых годов) объясняется отчасти особым болезненным состоянием психики автора, о чём говорят люди, знавшие его в последние годы жизни» (Вопросы литературы № 10'83. С. 197). Покойная Эмма Герштейн, много лет близко знавшая Мандельштама, вовсе не отмахивается от этого предположения, а, наоборот, подкрепляет его.

Никакого отношения к музыке Шостаковича приведённые стихи Мандельштама не имеют. Тем более, что они относятся к 30-м годам и в них ни слова нет о революции. Уж если считать возможным объяснять музыку посредством чьих-то стихов, то тут, пожалуй, подошла бы поэма Маяковского «Хорошо!». Дело не только в том, что Шостакович знал Маяковского и сочинил музыку к его комедии «Клоп» - эта поэма, как и Вторая симфония, написана в 1927 и тоже посвящена годовщине Октября.

Нет, Маяковский не по душе Троицкому, а Мандельштам, говорит, открывает мне, что «не о том Октябре написал свою симфонию Шостакович, о котором поётся в стихах её финала. Этот Октябрь был ему ненавистен. Эта симфония – об Октябре-насильнике, об Октябре-Хаме... Это нож в спину революции!». Ленин в своё время приветствовал книгу Аркадия Аверченко «Дюжину ножей в спину революции», ибо это была талантливая книга «озлобленного до умопомрачения белогвардейца». И дюжину

«в спину советской власти» Собчака, озлобленного до умопомрачения оборотня, тоже приветствовал его друг Путин, хотя она ошеломительно бездарна. Так вот в какую компанию усадил Троицкий великого советского композитора!

И так у них - всё! Сюита «Ленинград»? Да никакого там Ленинграда, там Тьмутаракань! Прелюд «Памяти героев Сталинградской битвы»? Какие герои? Там о дезертирах! Музыка к спектаклю «Салют, Испания!»? Вслушайтесь: он же всей душой на стороне генерала Франко, а не республиканцев.

Очень увлекательно Волков пишет об Одиннадцатой симфонии «1905 год». Да, говорит, «с внешней стороны» она повествует о трагедии Кровавого воскресения 9 января, когда царские войска расстреляли демонстрацию рабочих Петербурга. Но есть же ещё «внутренняя сторона». И раскрыть её помог, оказывается, покойный зять композитора Е. Чуковский. Он где-то когда-то вспомнил и кому-то рассказал, что первоначально на заглавном листе симфонии стояло «1906 год», т.е. год рождения Шостаковича». И что? Как что! «Это позволяет (он себе что угодно позволяет. - **В.Б.**) услышать симфонию по-другому: как памятник и реквием по себе». Плевать, мол, на расстрелянных рабочих, не о них он думал, а о себе, любимом.

Выходит, только и занят был человек всю жизнь своей персоной: и в Восьмом квартете «воздвиг надгробный памятник себе», и в Пятой симфонии финал-то «внешне жизнерадостный, оптимистический», но её «внутренняя пружина» - «тема гибели

автора, сам Шостакович погибает, его убивают, а народ вокруг не замечает и продолжает идти».

И вот ещё в симфонии «1905 год». А о Двенадцатой симфонии «1917 год», посвящённой Ленину, автор просто умолчал. Но мог, пожалуй, сказать бы: «Ленину? А вот покойная сноха Чуковского где-то кому-то рассказывала, что первоначально там стояло «Посвящается Троцкому».

И так дотягиваются до Седьмой симфонии, самой великой и знаменитой. Т.Критская пишет: «Она не могла быть простым откликом на вторжение Гитлера». Разумеется. Это ваша статья – простой и даже убогий в своей лживости отклик на юбилей композитора. В книге Волкова, говорит, «мы находим слова Шостаковича, указывающие на более глубокий смысл: «Сочиняя тему нашествия, я думал совсем о другом враге человечества». Совсем о другом! То есть не о нацизме, который обрушился на родину, а о чём? Во-первых, никаких доказательств, что композитор говорил это, нету, он, разумеется, и не мог так сказать. Это слова самого Волкова, а он, как это видно из всей его книги, «другим врагом человечества» считает Советский Союз, откуда удрал, Россию, социализм. Так вот, Соломон хочет убедить нас, что в роковой час заодно с Гитлером выступил против родины и Шостакович, ударил с тылу. То есть поставил великого русского композитора, коммуниста в один ряд с Муссолини, Маннергеймом, Антонеску и другими союзниками Гитлера по агрессии.

А вот что писал о Седьмой симфонии Алексей Толстой: «Гитлер не напугал Шостаковича. Он – рус-

ский человек, и если его рассердить как следует, то способен на поступки фантастические... Симфония возникла из совести русского народа, без колебаний принявшего смертельный бой с чёрной силой... Шостакович прильнул ухом к сердцу родины и сыграл песнь торжества». Ну, это, конечно, писателю тоже продиктовал КГБ, а утвердил Сталин.

И ведь вся эта галиматья разбивается в пыль одной лишь солнечной «Песней о встречном», написанной двадцатипятилетним Шостаковичем в содружестве с таким же молодым Борисом Корниловым.

Нас утро встречает прохладой,

Нас ветром встречает река.

Кудрявая, что ж ты не рада

Весёлому пенью гудка?

Не спи, вставая, кудрявая!

В цехах звеня,

Страна встаёт со славою

Навстречу дня!...

Мог бы «скептик советской власти» написать музыку на такие слова? И какую музыку!.. В 1945 году анонимно посланная на конкурс в Организацию Объединённых наций музыка песни стала его гимном. А к каким фильмам писал Шостакович музыку – от «Встречного» и «Юности Максима» до «Великого гражданина» и «Падения Берлина»! Скептик?..

И у Вас, Владимир Теодорович, поднялась рука уподобить работу Волкова «расчистке иконы реставратором», написать, что его книга «помогает докопаться до зашифрованной сути произведений Шостаковича». Да если до Волкова они оставались

зашифрованными, то есть никому непонятными, откуда же всемирная слава? Весь мир восхищался чем-то неразгаданным?

Конечно, симфоническая музыка даёт большой простор для толкований её смысла, но всё-таки если симфония названа «1917 год» и посвящена Ленину или героям Сталинградской битвы, то надо музыку и соотносить с этими событиями, с этими именами, а не с тем, что взбредёт в голову. Вот Восьмой квартет. Волков уверяет: это «размышление о Пастернаке»! Почему? А потому что поэт умер именно в этом году, - какие нужны ещё доводы? Правда, тут же добавляет: «Это реквием самому себе» в связи с недавним вступлением в партию.

И вот здесь – самое замечательное! Читаем: «Роковой 1960 год! Неожиданный для всех поступок Шостаковича. Многими он до сих пор расценивается как самая большая ошибка композитора: он вступил в Коммунистическую партию». Но что же неожиданного в том, что пятикратный Сталинский лауреат, кавалер трёх Орденов Ленина, Ордена Октябрьской революции, лауреат Ленинской премии вступил в партию Ленина-Сталина? Что неожиданного, если человек всю жизнь прославлял революционную борьбу своего народа, начиная с 1905 года, одну симфонию посвятил Ленину и проклинал врагов Советской родины? Как такому художнику могло претить всё советское? А уж если вопреки всем фактам однако же претило, то следовало не принимать эти многочисленные награды и премии, ну, хотя бы от одной отказаться в пользу молодого и талантливого

композитора, допустим, Валерия Гаврилина, который и жил трудно. По другим причинам не отказался же в своё время от премии Анатолий Калинин, не принял Юрий Бондарев орден от Ельцина, а недавно бывший министр геологии Евгений Александрович Козловский послал куда подальше с его побрякушкой президента Медведева, вздумавшего обласкать заслуженного старика в связи с 85-летием. Ты, говорит, только что повесил орден предателю Горбачёву и хочешь этими же руками мне, коммунисту, повесить?! Да пошёл ты!..

А Шостакович всё принял. Кто же он после этого, если вы правы? Как его тогда называть?

А что рокового в его вступление в партию - это лишило его творческого дара? Ничего подобного, продолжал очень плодотворно работать. Или он в этот же год тяжело заболел? Нет, здоровье несколько пошатнулось раньше, а в этом году композитор сломал ногу на свадьбе сына. Но как бы то ни было, а в славе и почестях прожил с партийным билетом у сердца ещё пятнадцать лет. Может, от него ушла жена? Ну... Он как раз вскоре развёлся с женщиной, с которой жизнь не ладилась, и в 1962 году в 56 лет женился на беспартийной девушке, которая была на тридцать лет моложе. Как ни странно, членам партии это не запрещалось. И уж одна разница в тридцать лет чего стоит для характеристики душевного состояния человека, хотя и сломавшего ногу.

Как обстояло дело со вступлением Шостаковича в партию, нам рассказывают Исаак Гликман, Лев Либединский, Абрам Ашкенази, наш Соломон, Татьяна

Крицкая и Аркадий Троицкий. (Вот обложили!..). Некоторых из названных Волков именует «преданными друзьями» композитора. Помните рассказ Оскара Уайльда «My devoted friend?». Право, они словно оттуда. Эти преданные друзья, говорит, оставили «бесценные воспоминания».

Кое в чём воспоминания не совпадают. Так, одни божатся, что Шостаковича «загнал в партию» лично член Президиума ЦК П.Н.Поспелов; другие – что это произошло «после настойчивой проработки композитора знающими своё дело органами», то бишь славного КГБ; третьи – что «в партию он вступать ни за что(!) не хотел, но в конце концов был вынужден подчиниться неумолимому нажиму начальства». Какого начальства – неизвестно. Преданные друзья уверяют: «По инициативе Хрущёва было решено сделать Шостаковича председателем Союза композиторов РСФСР, а для того, чтобы занять этот пост, ему необходимо вступить в партию».

Дорогой Владимир Теодорович, но это же лютая чушь! Дело было в разгар хрущёвской «оттепели». Но и раньше не существовало силы, которая могла бы кого-то «загнать в партию». А уж такую фигуру как Шостакович никто не мог как насильно поставить во главе Союза композиторов, так и «загнать в КПСС». Когда моя жена стала главным редактором киностудии Вузфильм, ей предложили вступить, но она ответила так: «У нас в семье уже есть один твердолобый большевик. Этого вполне достаточно». И всё.

Я слышу из-за океана сардонический возглас: «Ха!.. Его жена!» Правильно. Но вот кое-что поинте-

ресней. Союз писателей СССР в первые годы после его создания в 1934 году возглавлял Максим Горький, давно вышедший из партии. Когда в 1939 году было решено создать Союз композиторов, то оргкомитет поручили возглавить беспартийному Р. Глиэру. А в 60-70-е годы, как раз когда Шостакович стал первым секретарём Союза композиторов и членом КПСС, Союзом писателей СССР аж восемнадцать лет руководил Константин Федин, никогда в партии не состоявший, если не считать партией ватагу «Серапионовых братьев». Союз писателей России долгие годы возглавлял Леонид Соболев, беспартийный царский мичман, как он, помню, любил себя называть. С 1963 года почти двадцать лет Союз архитекторов возглавлял беспартийный Г.М. Орлов, знаменитый творец Днепрогэса, Каховской и Братской ГЭС. А известно ли Вам, Владимир Теодорович, что первые советские президенты Академии Наук с 1917-го по 1951 год – А.П. Карпинский, В.Л. Комаров, С.И. Вавилов были только членами забытого ныне МОПРа (Международная организация помощи революционерам), которую, по мнению Маяковского, некоторые сограждане поминали в своих святых молитвах:

*Упаси меня, Боже, от ДОПРа,
А от МОПРа я и сам упасусь.*

ДОПР – дом предварительного заключения.

Но мало того, Карпинский стал академиком ещё в год коронации Николая Второго. А президенты более позднего времени – А.Н.Несмеянов, М.В.Келдыш, А.Д.Александров - стали членами партии задолго до того, как заняли столь высокий и почётный пост. А

вот совсем иная сфера: Игорь Моисеев, одногодок Шостаковича, тоже обладатель всех мыслимых наград, премий и званий, руководил своим несравненным Ансамблем с 1937 года до недавней смерти, будучи вопиюще беспартийным. Я был знаком с литературным критиком Юрием Лукиным, многолетним редактором Шолохова. Он всю жизнь без партийного билета проработал аж в самой «Правде». Ну, и вот напоследок: двадцать с лишним лет ректором Московского университета был И.Г.Петровский, который даже и в МОПРе не состоял.

Подобный перечень можно продолжать долго. Закончу его упомянутым в книге Волкова маршалом Л.А.Говоровым. Он оставался беспартийным, будучи уже командующим фронтом в звании генерал-лейтенанта, мало того, когда-то ещё и у Колчака служил. Вполне вероятно, что всем названным беспартийным руководителям предлагали вступить в партию, может, и неоднократно, и вот генерал Говоров вступил, а остальные — ни в зуб ногой. И Шолохову предлагали, уж это известно достоверно, занять важный пост в Союзе писателей, но он — ни в какую.

Жизнь, господа, не так однообразна и уныла, как вы думаете. Вот два известных человека: писатель Корней Чуковский и журналист Давид Заславский. Их обоих ещё до революции резко критиковал сам Ленин. Об одном говорил, что «нам с ним не по пути», второго называл «политическим шантажистом». И что было дальше? Чуковский стал лауреатом именно Ленинской премии, а Заславский до самой смерти

работал в «Правде», громя на её страницах то Достоевского, то Пастернака: «литературный сорняк»...

Так вот как же выглядит нарисованный в книге Шостакович, которого «загнали палкой» в партию, рядом с этими людьми? В своём антисоветском раже Волков просто не соображает это. Ему главное — пнуть Советское время даже ценой вранья на гения, что он был тряпкой. Ведь, оказывается, что даже и заявление-то о приёме писал не сам Шостакович, а неизвестно кто, скорее всего, *devoted friend* Абрам.

А что было потом? Волков живописует: «Шостакович впал в истерику, громко плакал, производил впечатление персонажа из Достоевского на грани самоубийства». Тут и сын присовокупляет: «Отец позвал меня с сестрой в кабинет и, сказав «Меня загнали в партию», заплакал». Трудно поверить, чтобы отец позвал детей с целью спешно признаться им в своём ничтожестве. Ведь именно ничтожной размазнёй, трусом предстаёт он в этой истории.

Очень огорчает автора то, что Шостакович не только не нашёл общего языка с академиком Сахаровым и Солженицыным, но и подписал письмо против первого и резко, неприязненно говорил о втором, который по своему обыкновению пытался поучать его. И это естественные поступки для коммуниста.

Когда отмечалось столетие со дня рождения великого композитора, доктор физико-математических наук И.Г.Воронцов, отвечая на измышления М.Ардова, писал: «Православный священник, а как врёт в услужении у врагов народа российского!.. Шостаковича обижали? Да, но он никогда не скулил.

Дети Шостаковича врут, что его загнали в партию, что заставили подписать (письмо) против Сахарова, дети отреклись от отца. Георгий Свиридов говорил: «Шостакович был тверд, как камень».

Да, конгениальный собрат лучше знал его, чем Соломон, Исаак, Абрам и Лев.

P.S.

Кстати, лживые слова «Плакать надо было тихо, под одеялом, чтобы никто не увидел – ведь все друг друга боялись» с точностью до одеяла повторяются дважды: на странице 17 - как Ваши слова, Владимир Теодорович, и на странице 397 - как слова самого Шостаковича, будто сказанные им когда-то автору книги.

И вот ещё, читаем мы, однажды сказал Шостакович: «Если мне отрубят обе руки, я всё равно буду писать музыку, держа перо в зубах». Какие страсти!.. Да как же без рук он принимал бы многочисленные награды и премии? Но дело-то в том, что Волков уверяет, будто композитор сказал это Исааку Гликману в 1936 году, а Максим Шостакович говорит, что отец сказал это ему в 1948 году (Караван истории, март 2004. С.193). Это заставляет думать, что сии пассажи принадлежит не Шостаковичу и не Вам, что не Вы написали и предисловие к этой книге. Но, как сказал поэт, «разве от этого легче?».

ЗАКРОЙ ПОДДУВАЛО И НЕ СИФОНЬ!

В связи приближающимися выборами тех и этих, туда и сюда чрезвычайно активизировались как Предстоятель, так и Местоблюститель. Не устают нахваливать свою рабскую работу на галерах, увеличение скорости своей галеры (вы слышите как скрипят уключины?), на закрывают рта в прославлении роста благосостояния народа благодаря их рабской работе, превозносят друг друга как государственных мужей... А началась эманация восторга ещё минувшим летом.

И вот что интересно: уже тогда Предстоятелю внятно и публично было сказано: «Дядя, пора отчаливать!» И по телевидению все это видели. Но странно, сей спасительный призыв не имел никакого отклика, ни тишайшего отзвука. Полезно напомнить.

9 июня Предстоятель вдруг припожаловал на катере прямо на базу отдыха «Адлер» около Сочи в гости к студентам строительного отряда «Авторадио». И ему так хотелось нравиться молодым людям, что в состоявшемся разговоре он даже царя Николая, как и принято в народе, назвал Кровавым. Визит был как бы внезапным, будто спонтанным, вроде неожиданным. Но если честно, спонтанность тут была той же второй-третьей свежести, как 20 октября у визита Местоблюстителя на журфак МГУ. Причём, не только со стороны Самого, но и студентов. С той стороны был заранее заготовлен секретный «список Владимира Табака», по которому только и пропускали в знаменитую 201-ю аудиторию, в результате чего

студентов журфакта в ней не оказалось, а сплошь – правоверные подсадные утки из других вузов, члены высокоинтеллектуального движения «Наши» и подобные им цыплята Табака. Студенты же в свою очередь заранее заготовили для гостя плакатики и вопросики такого вопиюще дружеского характера: «Правда ли, что вы, по словам Сванидзе, лучше Ходорковского, который десять лет шьёт варежки в ГУ-Лаге?»

Ну, последствия этого широко известны. С одной стороны, самых активных вопросистов задержали и препроводили в отделение внутренних дел «Арбат». С другой, студентка Вера Качанова и её подруги на другой день вымыли полы в аудитории 201 и на всём журфаке. Это, естественно, напомнило, как 17 июля 1944 года в Москве прошли под конвоем 58 тысяч пленных немцев, а за ними – поливальные машины, смывшие все следы проклятого шествия. Значит, жива в молодом поколении историческая память отцов и дедов!

Но вернёмся в «Адлер». Само это слово (по русски - орёл) залетело сюда из немецкого, который Предстоятель с молодых времён знает и любит. Возможно, он об этом сейчас вспомнил и, может быть, подумал, что, как державный орёл, прилетевший на катере, он и держаться тут должен по-орлиному.

Студенты встретили Орла песней:

*Тебя я, Вова, так ждала,
В тоске слагая эти строфы...
Ну, как успехи, как дела?
Какие ждут нас катастрофы?..*

А потом вдруг сразу без обиняков первый же вопрос в лоб Двуглавному: «А зачем нам нужна эта Олимпиада в 2014 году да ещё и чемпионат мира по футболу в 2018-м?». И ведь кто вопрошает! Сами строители спортивных объектов Олимпиады. И где так сказанули-то! В Сочи, в самом дорогом для Предстоятеля месте во Вселенной, с которым он связывает столько спортивно-политических надежд. И такое впечатление, что ответ у строителей на свой вопрос давно уже есть и весьма решительный, как у студентов журфака, и они сейчас хотят для смеха только пощипать пернатого.

В самом деле, если от 9 июня взглянуть хоть назад, хоть вперёд – что увидим? Позади – крушение «Невского экспресса», около тридцати погибших; катастрофа на СШГ, 75 жертв; пожар в бардаке «Хромая лошадь», около сотни погибших... Впереди ещё более ужасная череда катастроф и гекатомб двуглавого режима: под Петрозаводском разбился старый Ту-134, погибло 47 человек; в Куйбышевском водохранилище затонул теплоход-инвалид «Булгария», погибло 120 человек, в том числе около 30 детей; в Томской области вынужденную «жёсткую посадку» совершил пенсионер Ан-24, погибло 7 человек... Неужели не соображаете с Местоблюстителем и своими жёнами, с каким чувством родственники погибших и миллионы соболезнающих им, весь народ слушают ваши радостные речи о росте благосостояния и стабильности, об Олимпиаде, смотрят на ваши контрольные наезды в Сочи? Я думаю, многие хотят сказать: «Нужны нам ныне ваши Олимпиады и чем-

Закрой поддувало и не сифонь

пионаты, как звезде зубы». Слышал такую неласковую поговорочку?

И что же он ответил студентам? А вот: «У людей должно быть ожидание праздника...» Да, но ведь народ уже двадцать лет получает от вас только такие «праздники», что упомянуты выше. Или вы считаете праздниками фейерверки лжи о Советской эпохе, фонтаны клеветы на её великих сынов, салютные залпы наглости против правды истории? Да, так и есть. Ибо всё это творится не только при вашем с Местоблюстителем одобрительном молчании, но и при активном участии.

«...праздника. А мы даже чемпионаты России проводили в Германии. А у нас катков не было!» Да в Советское время они были чуть не в каждом дворе! А кто их ликвидировал, кто убил массовый спорт? На-днях какой-то Сергей Неверов из «Единой» вопил по телевидению в лицо Геннадию Зюганову, что коммунисты ликвидировали детские сады. Трудно сказать, чего тут больше – наглости или тупоумия. Вот как в Москве росло число яслей и детских садов: 1970 г. - 2143, 1980 г. - 2279, 1985 г. (даже Горбачёв уже у власти) – 2465, 1986г. - 2517, 1987 г. - 2567... Постоянный рост из года в год. Но через четыре года захватила власть банда, и всё пошло под откос.

Отдали землю под банки, офисы да церкви с синагогами, вызвав восторг у таких, как Андрей Дементьев, певец Израиля:

*Разные пути ведут нас к Богу -
Через храм, мечеть и синагогу.*

Правда, он тут же честно признаётся:

Износился мой железный разум...

Верно. И мог бы добавить: «Умерла чугунная душа».

Между тем Предстоятель впаривал студентам: «Десятилетиями мы развивали оборонку..» А кто «мы» - вы с Местоблюстителем? Оборонку создавали и развивали советские люди, к которым вы оба имеете отношение лишь по случайному факту рождения в России. А могли бы родиться и в Нигерии.

«У них нет таких ракет, как у нас». У кого - «у них»? Даже в узком студенческом кругу, даже под гитару он не смеет назвать американцев американцами, а ракеты – советскими.

«Мы больше всех до сих пор в мире запускаем ракет». Вот каков запас советской прочности! Двадцать лет паразитируете на нём, жрёте в три горла', но до сих пор – впереди планеты всей! Однако летят они у вас не туда, и падают больше всех. Этим летом и осенью – шесть провалов подряд! А вот и седьмой - Фобос-Грунт. Захотелось им, видите ли, наконец, выяснить, есть ли жизнь на Марсе. И не пожалели на это пять с половиной миллиардов. Самое время пустить их в космос!

«В оборонку (Советское) государство вкладывало (средства) на протяжении десятилетий, а в отрасли гражданского производства, в услуги – ничего». И все мы жили в пещерах, ходили в набедренных шкурах и ели сушеную мамонтьятину. После этого объявления вы можете за ненадобностью уволить всех своих прихвостней, в первую очередь - остоевреев-

Закрой поддувало и не сифонь

ших Познера, Сванидзе, Млечина и двух Пивоваровых.

«Поэтому(!) у нас услуги пока дорогие и не очень качественные». То есть виновата опять тупая Советская власть, а не мы, умники, двадцать лет ведущие вас в загробный рай, находящийся где-то между Португалией и Непалом.

Вот тут-то, уже не выдержав, путозвонного трёпа, один студент и сказал: «Вы всё жалуетесь, что то пашете, как лошадь, то гребёте, как раб на галерах... Не устали? (дружный хохот). Не думали? Может, заняться чем-нибудь другим, полегче?» Ну, например, разведением кроликов или в соответствии с образом — открыть нотариальную контору и взять замом Местоблюстителя.

Это было сказано как бы дружески под гитарный перебор, но Предстоятель так ошалел и такое понёс! «У меня есть внутреннее убеждение, что у меня всё, всё, всё получается, всё удаётся». Так и сказал: всё, всё.. Чего же, мол, думать мне о кроликах или канторе, коли есть убеждение.

Кстати, замечу, что сотрудница «Российской газеты» Кира Латухина, понимая всю дурость этого заявления, сжалилась над бедолагой и в репортаже о встрече вместо «получается всё, всё», как было на самом деле, написала «в целом получается». Скажите девушке спасибо.

А вообще-то это умонепостигаемо! Ведь ни Соломон Мудрый, ни Навуходоносор, ни Пипин Короткий, ни Леонид Млечин никогда не говорили ничего подобного. Ну, действительно, у всех что-то получа-

ется, удаётся, а что-то нет. Что ж, приходится про-светить вас, Предстоятель, относительно некоторых страниц вашей занимательной биографии.

Начнём *ad ovo*, точнее со смутных времён контрреволюции. При первом же шорохе вам удалось сбежать из КГБ, из партии, зарыть партбилет на даче у тёщи и стать в Ленинграде правой рукой важного карьериста, лжеца и хапуги. Но, возглавляя его избирательный штаб, увы, не получилось посадить его на самое высокое кресло в Ленинграде на второй срок. Когда прокуратура заинтересовалась вашим благодетелем, пригласила его, а он на 13 повесток наплевал, и к нему хотели применить силу, вы тайно на таинственной «Сессне» отправили его во Францию, т.е. спасли шельмеца от правосудия – удалось! А вот спасти его от преждевременной смерти, увы, не получилось.

Вам хорошо удалось сторговаться с Ельциным: он делает вас главой администрации - директором ФСБ - главой правительства – президентом, а вы Указом №1 гарантируете неприкосновенность этому предателю и всему его кагалу да еще обеспечиваете роскошную жизнь им всем. Сейчас мы слышим: «Да я вовсе и не хотел быть президентом! У меня с души воротит от этого поста!» Любезный, но ведь путь-то был многоступенчатый, и ни одной ступеньки вы не отвергли, ни на одной не задержались. Вот, скажем, когда генерала армии Жукова решено было назначить начальником Генштаба, тот решительно отказывался, но он же военный, для него приказ - закон, пришлось подчиниться. И командарм Рокоссовский

Закрой поддувало и не сифонь

не хотел командовать фронтом, но и ему пришлось — куда деваться. Но вы-то, сударь, были дезертиром из партии и из КГБ, вас никакая дисциплина и субординация не принуждала, вы сами семенили и карабкались всё выше, выше и выше. А мы ведь помним ещё и то, как вы признавались не раз, что вам очень нравится быть президентом вымирающей страны.

Удалось громко объявить об удвоении ВВП, но не получилось добиться этого. Дело ограничилось удвоением своего президентского срока, и только.

Удалось уговорить Акаева на размещение американской базы в Киргизии, но не получилось хотя бы напомнить американцам, что они через полгода, как обещали, должны уйти оттуда, — сидят там уже 10 лет.

Удалось по требованию американцев и при молчании Думы ликвидировать мощные советские военные базы во Вьетнаме и на Кубе. Но не получилось получить за это от американцев хотя бы мерси с маком.

Удалось произнести в Мюнхене грозную речь об интересах России и о двойных стандартах в мировой политике. Но не получилось действительно отстаивать эти интересы: американские самолёты летают над нашей землёй и не думают отказываться от двойных стандартов.

Получилось, по схеме Ельцин-Путин (ты мне — я тебе) создать из ничего президента, который Указом №1 назначил вас главой правительства, но не удалось добавить ему ума.

Удалось создать карманное правительство. Его члены все, включая женщин, будто школьники, вска-

кивают, как только глава входит. Вы начинаете читать по бумажке какие-то наставления им, какие-то прожекты, а они сидят с напряженно-испуганным видом, записывают ваши мудрые словеса и молчат — какое же это заседание правительства? На таких заседаниях должны быть разговоры, обсуждения, споры, а их нет как нет. Словом, у вас не получилось создать образ делового работающего правительства. И совершенно непонятно зачем эти спектакли одного актёра назойливо дают по телевидению. Такие же спектакли регулярно закатывает и Медведев. Он своей актёрской живостью порой превосходит вас. Вот недавно обещал министрам за непослушание Колыму, а позже кому-то даже пригрозил расстрелом вопреки вашему мораторию на смертную казнь.

Вам очень красиво удалось в 2009 году объявить, что фронтовики, которым уже всем под сто лет, нуждающиеся в улучшении жилья, получают к юбилею Победы в 2010 году долгожданные квартиры, но даже к июлю 2011-го 50 тысяч фронтовиков, как писала 7 июля ваша правительственная «Российская газета», всё ещё ждут. Не получилось! Помянутый оратор Неверов и в этом обвинил коммунистов: вот, за столько лет, не смогли. Во-первых, вы уже двадцать лет и не смогли. Во-вторых, в Советское время огромное большинство фронтовиков имело жильё, и у них были привилегии в этом вопросе. Сошлюсь хотя бы на пример нашего дачного кооператива. Когда пришла пора распределения построенных квартир, то фронтовикам предоставили право выбора в первую очередь. В-третьих, Неверов, надо же сооб-

ражать, что прошли огромные сроки, у многих фронтовиков жильё совсем обветшало, у других разрослась родня, стало нестерпимо тесно... Не способен Неверов со своей «Единой» понять это!

Замечательно удалось вам, тов. Путин, окружить себя сонмом безликих, невежественных и наглых созданий вроде Швыдкого и Фурсенко, но не удалось защитить от их глумления и попраiania даже Большой театр – сердце русской культуры. Его захватила бездарная русскоязычная банда. При открытии театра после реконструкции Местоблюстителъ лепетал: «Ах, как важно сохранить дух Большого театра! Вы его сохраните! Мы вам в этом поможем!» И что же? На первой же премьере «Руслана и Людмилы», где Людмила изображена жидовской бандершей, зрители свистели, топали ногами, кричали «Позор!»... «Чернякова – на мыло!»... «Иксанова – в мясорубку!» За все 235 лет существования театра не было ничего похожего.

Так вот, как может человек, твёрдо уверенный, что у него в государственных делах всё, всё получается и всё, всё удаётся, то есть человек, не имеющий представления о реальных событиях не только в своей личной жизни, но и о положении дел в стране, – как может такой самовлюблённый слепец оставаться руководителем страны!

Ну, надо же понимать, что люди рождаются разными: одни – беленькими, другие – чёрненькими, третьи – рыженькими; одни – гигантами, другие – среднего роста, третьи – коротышками; одни – работающими, другие – с ленцой, третьи спят на ходу; одни – молча-

ливыми, другие - любящими поговорить, третьи – не закрывающими рта; у одних – ума палата, у других – только по сусекам, у третьих - хоть шаром покати... Так вот, тов. Путин, вы с Медведевым родились чёрненькими, малогабаритными, не закрывающими рта и – хоть шаром... Никто вас в этом не винит. Мы даже сочувствуем. Но так Бог пожелал. Разве поспоришь! Однако же и при этом надо набраться мужества и принять решение в интересах родины.

В «Литературной газете» №41 напечатана замечательно глубокая, честная, смелая статья Татьяны Воеводиной «Диалектика разрухи». Автор пишет: «История наших реформ показала: собственных идей наши начальники не имеют... «Что ему книга последняя скажет, то на душе его сверху и ляжет»... Детская готовность верить в любую муру даёт полную возможность внедрить в их голову любую чепуху!» Именно любую муру – от той, что большевики истребили 106 миллионов соотечественников (Солженицын) до той, что расстрел в Катыни – месть Сталина за поражение в 1920 году под Варшавой Западного фронта, которым он командовал, как уверяет академик Пивоваров (Путин). Именно любую чепуху – от той, что колхозы это тот же ГУЛаг (Млечин) до той, что линия нашей обороны до войны была обращена не в сторону возможного врага, а внутрь страны, чтобы население не удрало за границу (Чубайс).

«У нас было второе после США станкостроение в мире. Наши станкозаводы поставляли станки даже в ФРГ... Но мы бросили созидание, творчество... Мы бросили хозяйственно осваивать и обустраивать свою

землю... Мы радостно разрушили свою промышленность». Тут я несогласен: почему «мы»? Не мы, не народ, не Татьяна Воеводина, не Владимир Бушин, а те, кто проводил реформы и поспевал их: имена некоторых названы выше. Автор сама же рассказывает о «дюжих парнях», которые откуда-то явившись на один московский станкозавод, принялись кувалдами крушить сложнейшие и дорогостоящие станки. «Кто они и почему их никто не остановил?» Кто? Посланцы Чубайса. Почему? Потому что Чубайс был и остаётся любимцем Кремля, а тогда и сам занимал высочайшие посты вплоть до заместителя премьера.

«Промышленные объекты даром попали в руки людей, не имеющих опыта управления даже ларьком в подземном переходе». К этим объектам следует добавить и державные кресла в Кремле и в Доме Советов.

«Итог – разруха. Об этом все знают, но притерпелись и говорить об этом не принято, как со смертельно больным о его болезни... Никакого улучшения нет. Предприятия продолжают закрываться... Всеобщий развал и тотальное гуляй-поле, на котором бесчинствуют шайки. Никакого общественного богатства не создаётся, а перераспределяется богатство советское.

Не так опасна глубина разрухи, как её длительность. Сейчас техническое одичание длится уже двадцать лет – почти полный срок трудовой жизни поколения.

Промышленность это в первую очередь не заводы и фабрики, а навыки народа. Если есть люди,

имеющие соответствующие промышленные навыки, заводы можно восстановить, но мы как народ утратили эти навыки. У нас разрушено индустриальное сознание. *Народ в массовом порядке обезручен*. Мы были народом квалифицированных рабочих и инженеров, а стали народом офисных сидельцев и проходимцев, объявленных предпринимателями. Это значит, что мы как народ поглупели, дисквалифицировались». Тут полезно вспомнить, что после войны нам удалось в кратчайший срок ликвидировать разруху, восстановить экономику именно благодаря тому, что народ не потерял квалификацию, не утратил промышленное сознание.

«В сегодняшнем техническом сообществе есть поколение «дедов» (60 и более лет), поколения «отцов» (40-50 лет) практически нет. «Деды» завтра уйдут... Если прямо сейчас, сию минуту не собрать пригодных парнишек и не передать им дедовы навыки, - разруха станет необратимой. И никакое Сколково с его наноманиловщиной не поможет».

«Наша разруха – вещь преодолимая. Но надо осознать правду: она гораздо длительнее и глубже, чем после Октябрьской революции и Гражданской войны. Та длилась не более десяти лет. XIV съезд, вошедший в историю как съезд индустриализации был в 1925 году.

Что же делать? Надо прежде всего признать разруху. (Как Сталин в 1931 году честно и прямо признал отсталость России от передовых стран на 50-100 лет.- *В.Б.*). И не врать, что уже начался рост, всё исправляется... Разруху надо признать. Надо осознать,

что перед нами как народом стоит задача индустриализации и восстановления сельского хозяйства, образования, фундаментальной науки. И засучив рукава, приняться за всенародную работу. Если начать сегодня, то через пять лет мы увидим первые результаты, через десять они станут неоспоримыми, через пятнадцать – страну будет не узнать.

Это требует большой политической воли, без неё ничего сделать нельзя ни в какой области. Сегодня воли нет. Но это не означает, что так будет всегда».

Воли нет? А что же есть? Нет, воля есть и даже очень большая, но она направлена не на ликвидацию разрухи, каковую они никогда не решатся признать. Что же есть? А вот... Предстоятель говорит о росте благосостояния народа и в доказательство демонстрирует народу свой обнажённый мускулистый торс. Полюбуйтесь, православные! Местоблюститель уверяет, что демократия у нас всё растёт, ширится, и в подтверждение этого показывает, что сам он так демократичен, что готов чмокаться с любой дурындой, даже с дюжиной их подряд, лишь бы они назвали себя Medvedev-girls. Предстоятель предлагает народу полюбоваться, как он ловко удит рыбку в мутной воде. Местоблюститель рисует живую картину расцвета сельского хозяйства: садится за штурвал комбайна и собирает 12 тонн кукурузы, посаженной ещё великом Кукурузником. Предстоятель признаёт, что подводных лодок у нас почти не осталось от советского времени, но он лично может нырнуть на большую глубину в море и вытащить две античных амфоры времён знаменитой лесбиянки Сапфо. Ме-

стоблюститель произносит задушевную речь при открытии Большого театра, но запрещает своему сыну Илюше идти смотреть оперу «Руслан и Людмила», превращённую театральной бандой русофобов в порнографию... Ну, при этом, конечно, оба мечутся по всей стране, даже по всему миру и произносят эпохальные речи... А в это время каждый день в стране пропадают полсотни детей. Вот стоит в экране несчастная русская женщина в чёрном и кого-то просит, умоляет : «Отдайте моего ребёнка! Отдайте! Верните!.. Он мой!». Я несколько дней после этого не мог спать. Женщина стояла у моего изголовья и зывала: «Отдайте!..Он мой!...»

И всё подобное некоторое время ещё будет продолжаться. «Но это не означает, что так будет всегда».

СКЛОЧНИКИ ВО СТАНЕ РУССКИХ ВОИНОВ

Десталинизаторы бывают разные. Одни орудуют открыто, прямо, нагло. Это Сванидзе, Млечин, Федотов, Караганов, Генрих Резник и их братья. Они голосят главным образом и громче всего именно о самом Сталине: «Антропофаг! Кровопийца! Навуходоносор!»... Но есть десталинизаторы другого рода. Они даже нахваливают Сталина, но при этом одни тихо и скромно, другие во всё горло поносят его соратников: превознося одних, почему-то особенно любимых, противопоставляют их другим, о которых лгут. И тут первая их жертва – маршал Жуков, главный сподвижник Сталина в Отечественной войне, его заместитель как Верховного Главнокомандующего, все годы войны бывшего поистине правой рукой вождя. В этом десталинизаторском ряду как свежайший пример очень примечательна заметка Алексея Голенкова «Полководец номер один» («Своими словами» №30'11).

У автора нет присущего патриоту чувства гордости даже самыми выдающимися полководцами Великой Отечественной, маршалами и генералами армии-победительницы. Не найдя лучшего применения своим талантам, он сеет склоку, сталкивает лбами Жукова и Василевского с Рокоссовским, пытаясь убедить нас в большом превосходстве своего любимца над братьями.

Известно, что на протяжении долгих лет военной службы отношения между Жуковым и Рокоссовским порой складывались весьма не просто, иной раз даже

довольно драматически. Этому, конечно, способствовало и то, что в молодые годы Жуков одно время был в подчинении у Рокоссовского, позже - наоборот. А ведь оба — большие таланты и яркие личности! Рокоссовский, спустя двадцать с лишним лет после войны, поведал в своих воспоминаниях о некоторых досадных эпизодах в их отношениях, высказал ряд упрёков, но при этом и внятно заявил: «С Г.К. Жуковым мы дружили долгие годы. Судьба не раз сводила нас и снова разлучала. Мы познакомились ещё в 1924 году в Высшей кавалерийской школе (ККУКС) в Ленинграде, где, естественно, сложился дружеский коллектив командиров-коммунистов, полных энергии и молодости... Жуков, как никто, отдавался изучению военной науки. Заглянем в его комнату — всё ползает по карте на полу. Уже тогда долг, дело были для него превыше всего... Георгий Константинович рос быстро. У него всего было через край — и таланта, и энергии, и уверенности в своих силах» (Солдатский долг. М. 1968. С. 91-92). Это было написано уже незадолго до смерти автора.

А на другой год вышли воспоминания Жукова. Там, в частности, автор рассказывает, что в мае 1930 года в Западном особом ВО он, до этого командир полка, был назначен командиром 2-й кавалерийской бригады 7-й Самарской кавдивизии, которой с января этого года командовал Рокоссовский. И подчеркнул: «С Константином Константиновичем Рокоссовским мы учились в Ленинграде на ККУКС и хорошо знали друг друга. Ко мне он относился с большим тактом (это уже, видимо, речь идёт о служ-

бе в 7-й Самарской, - **В.Б.**). В свою очередь, я высоко ценил его военную эрудицию, большой опыт в руководстве боевой подготовкой и воспитанием личного состава. Я приветствовал его назначение и был уверен, что К.К.Рокоссовский будет достойным командиром старейшей кавалерийской дивизии. Так оно и было» (Воспоминания и размышления. М. 1992, т.1, с. 157).

В конце этого года в дивизии стало известно, что в Москве рассматривается вопрос о назначении Жукова на должность помощника инспектора кавалерии Красной Армии. И вот, как он вспоминал, ему позволил комдив Рокоссовский:

«Мы вас так не отпустим. Ведь вы ветеран 7-й дивизии, мы проводим вас как положено. Таково общее желание командно-политического состава 2-й бригады».

Я, разумеется, был очень тронут.

Через несколько дней состоялся обед всего командно-политического состава бригады, на котором присутствовало командование дивизии (Надо думать, во главе с Рокоссовским.- **В.Б.**). Я услышал много хороших, теплых слов в свой адрес. Шли они от чистого сердца и запомнились на всю жизнь» (Там же, с. 174). Наверняка такие слова говорил и комдив.

Дорогого стоит и рассказ Жукова о допросе, который в 1937 году перед назначением его на должность командира корпуса устроил ему в Минске член Военного совета Западного ВО Ф.И.Голиков, будущий послевоенный маршал. Он получил на Жукова донос,

и потому, в частности, спросил, вспоминал тот: «Нет ли у меня кого-либо арестованных из родственников и друзей. Я ответил: «Из знакомых и друзей много арестованных.» - «Кто именно?» Он назвал несколько сослуживцев, в том числе и Рокоссовского. «А с кем из них вы дружили?»-«Дружил с Рокоссовским и Данилой Сердичем, командиром нашего 3-го корпуса. С Рокоссовским учился в одной группе на курсах усовершенствования командного состава кавалерии в Ленинграде и работал вместе в 7-й Самарской кавдивизии... Я считаю этих людей честнейшими коммунистами».- «Вы и сейчас о них такого же мнения?- глядя на меня в упор, спросил Голиков».- «Да, и сейчас». Голиков резко встал с кресла и, покраснев до ушей, сказал: «А не опасно ли будущему комкору восхвалять врагов народа?». Жуков ответил: «Я не знаю, за что их арестовали, думаю, что произошла ошибка...» (Там же, с. 231-232).

В первом издании воспоминаний всё это было изъято из текста, как и в десяти последующих, но автор-то писал в расчёте на публикацию, а Ф.И.Голиков, что весьма существенно, был тогда жив-здоров и после выхода воспоминаний Жукова прожил ещё больше десяти лет. Надо ещё заметить, что в этих воспоминаниях нет никаких упреков Рокоссовскому и не ответил Жуков на его упреки в свой адрес.

Все эти сложности, подробности, тонкости не интересуют А.Голенкова. Он занят совсем другими «сюжетами», например: «Суворовых в Красной Армии нет. Есть Рокоссовский» (Сталин)». Подобных «сюжетов» в его заметке не меньше дюжины и ни

единого раза не указано, откуда что взято. Неужели авторитет его так велик, что читатели легко поверят всему, что напишет? Будучи автором нескольких книг исторического характера, автор должен бы понимать, что читатель сразу спросит: «Когда, кому Сталин это сказал или где написал?» Неизвестно. И потому сей «сюжетец» не вызывает доверия. Тем более, что достоверно известно: Сталина не восхищали подобного рода «исторические параллели», что он высказал хотя бы при попытке сравнить его с Петром Первым. Надо бы ещё понимать, что имя Суворова хорошо подходит для ордена, но масштаб его походов и сражений не идёт ни в какое сравнение с масштабом ратных подвигов наших полководцев в годы Великой Отечественной.

«На одном приёме, - читаем дальше, - провозглашают тост за Хрущёва. Все встают. Кроме двоих. Это Рокоссовский и Голованов». Он - Главный маршал авиации. Опять интересно: «Что это был за приём? По какому случаю? Где? Когда? Был ли на нём сам Хрущёв?» И снова ничего неизвестно, потому и данный «сюжет» более чем сомнителен. Тем паче, что Рокоссовский был не из тех людей, которые способны на дешёвое фрондёрство. Мелко это для такого человека.

А.Голенков продолжает: «Полководцем Номер Один я считаю Рокоссовского, пишет Голованов. - Он выше Жукова и Василевского». Столкнул, задвинул... Но это писал не Голованов, а страдавший хронической жукофобией Феликс Чуев, вволю потрудившийся над воспоминаниями Главного мар-

шала авиации. Феликс, царство ему небесное, был хорошим собеседником за бутылкой коньяка, но, злоупотребляя тем, что был вхож к Молотову, Кагановичу, Голованову, он нередко предавался вольным поэтическим фантазиям.

Так, в воспоминаниях Голованова можно прочитать, что во время войны у него была интенсивнейшая переписка со Сталиным, которую-де Хрущёв уничтожил. Да с порога видно, что это чушь. С какой стати у Верховного Главнокомандующего могла быть такая переписка с одним из своих подчинённых? На войне дело обходится директивами да приказами, радиограммами да телефонограммами. Тут не до эпистол, хотя, конечно, они порой и бывали. Например, краткая переписка Сталина с Мехлисом о положении на Крымском фронте в 1942 году. Или столь же краткая переписка в том же году Сталина с маршалом Тимошенко и драматургом Корнейчуком по поводу его пьесы «Фронт». А моя переписка, читаем в воспоминаниях Голованова, составила три тома. Хорошо, поверим на минутку. И в проделку Хрущёва поверим на секунду. Но ведь ему могли быть доступны только письма Голованова к Сталину. А где письма Сталина к Голованову? Они же были у адресата, и он наверняка должен был хранить их как великую ценность. И трудно поверить, что не делал копии своих писем по столь высокому адресу. Но ничего этого нет, никаких следов переписки ни в ту, ни в другую сторону не осталось. Совершенно ясно, что это лишь по причине её досадного отсутствия в природе.

Фантазии Чуева носят чаще всего либо демонически ужасающий, либо романтически возвышенный характер. Примером первого был его рассказ о том, что «На Ленинградском фронте Жуков расстреливал батальонами». Если даже на минуту забыть все соображения человечности и фактической достоверности, то для понимания истинной цены этих слов достаточно задаться вопросом: «А кто же держал фронт вместо этих расстрелянных батальонов в осаждённом городе, где был дорог каждый штык?» Ведь батальон это же сотни четыре человек.

Пример романтического фантазирования Чуева воспроизводит дальше сам Голенков: «Лето 1941 года. Рокоссовский отступает, контратакуя и выводя свой корпус из окружения». Ни в каком окружении 19 мехкорпус, которым командовал Рокоссовский, не был. «Немцы уже тогда его боялись». Жукова и наступающего не боялись, не бежали от страха, а яростно сопротивлялись до самого рейхстага, а Рокоссовского — и отступающего боялись!

«Вот пример (страха немцев перед Рокоссовским — *В.Б.*). Нам не удаётся отбить у немцев Сухиничи (под Калугой)». Как так «под»? Километров 70, если не больше. Я там был зимой 42-го. «Поручают Рокоссовскому. Он передаёт свои приказы специально по открытой связи, рассчитывая на перехват их немцами. Расчёт оказался верным: немцы ретируются». В страхе перед одним именем генерал-лейтенанта. Очень красиво! Но почему же этот панический страх не сработал, допустим, на Курской дуге, когда Рокоссовский был уже генералом армии, или в Бело-

руссии, когда он стал уже Маршалом, Героем Советского Союза и кавалером Ордена Победы? Нет, во всех этих битвах немцы сражались отчаянно...Эту выдумку Голенков взял у того же Чуева.

А на самом деле с Сухиничами дело было так. Наши войска освободили его в декабре 41-го. Но вскоре немцы захватили город снова. Управление и штаб 16 армии Рокоссовского получили приказ принять в подчинение безуспешно действовавшие там дивизии 10-й армии, которой командовал помянутый выше генерал Ф.И.Голиков, и восстановить положение. Рокоссовский писал: «Мы пришли к выводу, что выгодно будет ввести противника в заблуждение — пусть думает, что к Сухиничам движется не только штаб, а вся 16-я армия! Она немцам была уже известна по минувшим боям под Москвой». Да, хорошо была известна по доблестному участию в разгроме замысла «Тайфун». И что решили? «Головному эшелону штаба 16-й армии — а он уже размещался в Мещовске — дали указание не стесняться в разговорах по радио. Почаще упоминать 16-ю армию, называть дивизии (которых у нас не было), фамилию командарма. Одним словом, шуметь в эфире побольше» (Солдатский долг. М. 1968. С. 107).Как видим, речь шла не о приказах Рокоссовского, а о «разговорах по радио» работников штаба. А своё наводящее ужас имя генерал упомянул только в последнюю очередь. И что же в итоге? Утром 29 января наши войска изготавились для наступления на Сухиничи. Но вдруг из полка, стоявшего ближе других к городу сообщили, что к ним прибежали несколько жителей

и говорят, что немцы в панике покидают город, бегут. «По-видимому, дезинформация ввела-таки немцев в заблуждение и они решили заблаговременно ретироваться» (Там же). Вот такая отрадная история. Талантливый поэт был Феликс Чуев, но вот в рассуждениях о войне его иногда заносило.

Что у Голенкова ещё во славу Рокоссовского и в посрамление Жукова? А вот: «Зима 1942-1943 гг. Командующий Донским фронтом Рокоссовский принимает Сталинградский фронт у Ерёменко. Проводит операцию «Кольцо» - окружение 300-тысячной армии фельдмаршала Паулюса». Здесь всё перепутано. Во-первых, план контрнаступления и окружения немцев и итальянцев это не «Кольцо», а «Уран». В его разработке, естественно, большую роль сыграли Жуков как заместитель Верховного и Василевский как начальник Генштаба, а также генералы Н.Н.Воронов (артиллерия), А.А.Новиков и А.Е.Голованов (авиация), и Я.Н.Федоренко (танковые войска). Перед началом операции на фронт прибыл Г.К. Жуков. 4 ноября в районе 21-й армии Юго-Западного фронта он провёл совещание. «Вопросы перед командирами ставились интересные, смелые, - вспоминал Рокоссовский,- на совещании царила подлинно творческая обстановка. Превосходную эрудицию, широкую осведомлённость в обстановке проявил Г.К.Жуков» (там же, с. 153-154).

Во-вторых, Рокоссовский принял Сталинградский фронт, который вскоре был переименован в Донской (а Юго-Восточный – в Сталинградский), и операцию по окружению провёл не один Сталинградский

фронт, а три фронта – Юго-Западный (Н.Ф.Ватутин), Донской (К.К.Рокоссовский) и Сталинградский (А.И.Ерёменко).

В-третьих, после окружения немцев Сталинградский фронт упраздняется, его войска передаются Донскому, который под командованием Рокоссовского и ликвидирует окружённую группировку в составе 22 дивизий и множества вспомогательных частей. Это и есть операция «Кольцо».

Плохо понимая, что пишет, Голенков радуется: «Фельдмаршал Паулюс, сдаваясь, сдаёт свой пистолет только Рокоссовскому». Ах, ах... Как опять красиво и многозначительно! А что, другие требовали, а пленный не сдавал? Огнестрельное оружие, историк, «сдаваясь, сдают», точнее, у пленных его отбирают в первый же момент пленения. Неужели не приходит в голову мысль, что в состоянии отчаяния, в приступе стыда и позора после такого разгрома пленный может употребить своё табельное оружие против главных, конкретных, стоящих перед ним обидчиков. Известно же, например, по воспоминаниям шефа политической разведки Вальтера Шеленберга, что когда дела немцев стали уже совсем швах, Риббентроп вызвал его и сказал: «Надо убрать Сталина... Весь режим в России держится на способностях и искусстве одного этого человека...В беседе с фюрером я сказал, что готов пожертвовать собой ради Германии. Он одобрил мой замысел. Будет организована конференция, в работе которой примет участие Сталин. На этой конференции я должен убить его» (В.Шелленберг. Лабиринт. М., 1991. С. 359). А кто

мог поручиться, что Паулюс, автор плана «Барбаросса», или кто-то ещё из пленённых в Сталинграде немецких генералов не такие же самоотверженно фанатичные натуры, как Риббентроп?

А тот, оказывается, тогда уже всё обдумал. «Он, конечно, понимал, - пишет Шелленберг, - что на конференции будет очень строгая охрана и вряд ли удастся пронести в зал заседаний гранату или пистолет, однако слышал, что моя техническая группа изготавливает пистолеты, внешне ничем не отличающиеся от вечной ручки. Из него можно стрелять крупнокалиберными пулями примерно на 6-7 метров. Эти пистолеты были сделаны столь искусно, что никто не мог догадаться об их действительном назначении.

«Мы, конечно, могли бы пронести такой пистолет в зал, - сказал Риббентроп. - И тогда всё, что от нас потребовалось бы, это иметь твёрдую руку...» Если дипломат считал, что рука у него не дрогнет, то уж боевой генерал, дошедший с боями до Волги, просто обязан был иметь именно такую руку. И Риббентропа терзал тогда только один вопрос: как заманить Сталина на конференцию?

Шелленберг рассказал о его замысле Гиммлеру. Тот вроде бы посмеялся, но вскоре «предложил свой план, очень напоминавший план Риббентропа». Речь шла о мощной mine размером с кулак в виде комка грязи, которую можно было взорвать по радио с расстояния до десяти километров. Вся проблема состояла в том, как эту мину присобачить к машине Сталина. И тут сыскались два наших пленных, готовых выполнить задание. Где, говорят, ваша чудо-мина?

Давайте её, мы это дельце враз обтяпаем. Один стал уверять, что знаком с механиком из гаража Сталина. Да мы с ним, говорит, в первопрестольной на Зацепе не раз в одной пивнушке радость жизни вкушали. Где ваша чудо-мина? Дайте я её за пазуху. Лады! Диверсантов забросили с самолёта «к тому месту, где по данным агентов находилась Ставка». Возможно, по этим данным, она находилась где-то в Брянских лесах по примеру «Волчьего логова» Гитлера. А на самом деле – в Москве на улице Кирова, ныне решением прожжённого русского патриота Гав. Попова ставшая Мясницкой.

«Они спрыгнули с парашютом и, насколько мы могли установить, - продолжал шеф разведки, - точно приземлились в заданном месте». Но после этого, увы, только их и видели. «Я не уверен, что они вообще попытались выполнить задание,- заканчивает Шелленберг,- Более вероятно, что очень скоро они были схвачены или сами сдались органам НКВД и рассказали о задании» (Там же, с. 361). Это более, чем вероятно. Но не исключено также, что, оказавшись на родной земле, эти русские умельцы на радостях поспешили в ту самую пивнушку на Зацепе и закатили пиршество, не шибко богатое по военному времени, но всё же на нём они поднимали тосты за здоровье Гиммлера и Риббентропа, давших им свободу, что, впрочем, не избавило первого от самодостаточной дозы крысиного яда, а второго – от хорошо намыленной пеньковой веревки. Что же касается ручки-пистолета, то, возможно, разрядив её, именно ею Кейтель подписал акт о безоговорочной капитуляции.

Однако, нас несколько занесло, пора вернуться к Алексею Голенкову. Он пишет ещё и такое: «На приёме военачальников Сталинградской битвы Сталин всем жмёт руки, а Рокоссовского обнимает: «Спасибо, Константин Константинович». Феликс Чуев был талантливый поэт, но обожал такие эффекты: имя-отчество, объятья, лобзания, «Товарищ Сталин для меня святой!» и т.п. Однако, во-первых, Сталин, как известно, называл по имени-отчеству только Маршала Шапошникова, может быть, из уважения к тому, что он ещё в царское время был полковником Генштаба. А, во-вторых, когда и где был приём военачальников Сталинградской битвы? Не слышал.

Наконец, сам Рокоссовский рассказывал об этом вот что: «4 февраля (1943 года) по распоряжению Ставки меня и Воронова вызвали в Москву». Тут нелишне заметить, что в Сталинграде первый из них был генерал-лейтенантом, а второй - генерал-полковником артиллерии, но полученный ими 3 февраля перед отъездом в Москву приказ Сталина, в котором Верховный Главнокомандующий выражал благодарность войскам Донского фронта, адресовался уже маршалу артиллерии Воронову и генерал-полковнику Рокоссовскому.

Так вот, прилетели в Москву. «И в тот же день мы направились в Кремль и были приняты Сталиным. Он быстрыми шагами подошёл и, не дав нам по уставному доложить о прибытии, стал пожимать нам руки, поздравляя с успешным окончанием операции по ликвидации вражеской группировки. Чувствовалось, что он доволен ходом событий. Беседовали мы

долго... Сталин в нужные моменты умел обворозить собеседника теплотой и вниманием и заставить на-долго запомнить каждую встречу с ним» (Цит. соч., с. 192).

Что ещё? «Лето 1943 года. Исход Курской битвы решён в нашу пользу благодаря плану Рокоссовско-го, на котором он настоял вопреки Жукову и Васи-левскому». Опять лбами! Но вот сам Рокоссовский: «В ночь на 5 июля были захвачены немецкие сапёры. Они показали: наступление назначено на три часа утра. До этого срока оставалось чуть более часа. Если пленные говорили правду, надо начинать запланиро-ванную артподготовку. Времени на запрос Ставки не было, промедление могло привести к тяжёлым по-следствиям. Представитель Ставки Г.К.Жуков, кото-рый прибыл к нам накануне вечером, доверил реше-ние вопроса мне.

Считаю, что он сделал правильно. Это позволи-ло мне немедленно дать распоряжение об открытии огня. В 2 часа 20 минут 5 июля гром орудий разо-рвал предрассветную тишину...» (там же, с. 217). И кто же тут кому «вопреки»?

А вот что, тоже упомянув о пленных сапёрах, пи-сал Жуков: «К.К.Рокоссовский спросил меня:

- Что будем делать? Докладывать в Ставку или да-дим приказ?

- Время терять не будем, Константин Константи-нович. Отдавай приказ, как предусмотрено планом фронта и Ставки, а я позвоню Верховному и доложу о принятом решении» (Цит. соч., т. 2, с. 168). И кто же кому тут «вопреки»?

А Голенков опять своё: «1944 год. В операции по освобождению Белоруссии («Багратион») Сталин принимает план Рокоссовского (опять против Жукова и Василевского)...» Ну, просто вредители были эти два субчика! Только и знали, как бы насолить, только и думали, как бы сунуть палку в колесо победоносной колесницы. Автор не может понять, что решались сложнейшие и важнейшие для судьбы родины вопросы, что люди высказывали разные мнения, спорили, убеждали друг друга. А он в расхождении мнений, в фактах несогласий видит тупое противодействие тупых людей таланту, постоянное подсиживание, интриганство. Но ведь и сам Сталин, которого Голенков считает всеведущим и всемогущим, на самом деле нередко колебался, изменял свои решения, откладывал операции. Например, Жуков пишет в связи с планом той же Курской битвы, что командующий Центральным фронтом Рокоссовский ещё 10 мая докладывал в Ставку: «Подготовлена контрподготовка, в которой участвует вся артиллерия 13-й армии и авиация 16-й воздушной армии». Но «иначе смотрел» на дело командующий Воронежским фронтом генерал Ватутин. «Он предлагал Верховному нанести упреждающий удар по белгородско-харьковской группировке. В этом его полностью поддерживал член Военного совета Н.С.Хрущёв.

А.М.Василевский, А.И.Антонов и другие работники Генштаба не разделяли предложение командования Воронежского фронта. Я полностью был согласен с мнением Генштаба, о чём и доложил И.В.Сталину». А что тот? «Верховный сам всё ещё

колебался – встретить ли противника обороной (на Курской дуге) или нанести упреждающий удар... После многократных обсуждений Верховный решил встретить наступление немцев (на Курской дуге) огнём всех видов глубоко эшелонированной обороны» (там же, с. 155-156). Колебался Сталин и по поводу плана «Багратион». Да ещё как! На заседании Ставки два раза просил Рокоссовского выйти в другую комнату и ещё подумать, ещё всё взвесить.

А лишённый способности сомневаться Голенков заявляет, что в Белоруссии немцы на фронте в 900 километров были разгромлены, «несмотря на их превосходство в численности и технике». Историк просто не имеет представления о том, как шла война. Во-первых, не 900, а все 1100 вёрст. И ведь это же 44-й год! Тогда во всех крупных операциях у нас было уже не малое и всестороннее превосходство. И заслуга в успехе здесь не одного Рокоссовского, хотя, судя по всему, она главная. Для разгрома врага привлекались 1-й Прибалтийский фронт (И.Х.Баграмян), 3-й Белорусский (И.Д.Черняховский), 2-й Белорусский (Г.Ф.Захаров) и 1-й Белорусский (К.К.Рокоссовский). Как и в декабре 1941-го не Рокоссовский один со своей 16 армией «спас Москву» (С.Крюков) и не Жуков один со своим Западным фронтом, - спасли столицу совместные усилия нескольких фронтов и армий.

И соотношение сил в операции «Багратион» было такое: у немцев – 1200 тысяч человек, а у нас – 2400 тысяч, и дальше: орудий и миномётов - 9500 и 36400, танков и САУ - 900 и 5200, самолётов – 1350 и 5300... Ну знать же надо! Бесплезно призывать Млечина и

Сванидзе заглядывать в книги, ибо у них цель обратная правде. Но те, кто вроде бы хочет сказать правду о войне, должны же знать факты и цифры. А такие заявления и дают основание тому же малограмотному М.Солонину долдонить: «У историков наших противник всегда был «многократно превосходящий». Так на кого ж вы работаете, господа-товарищи?

И вот, говорит Голенков, какая несправедливость! Второсортный Жуков принял капитуляцию Германии, второсортный Жуков принимал Парад Победы, а первосортный Рокоссовский лишь командовал Парадом.

Да уймитесь же! Сталин-то лучше вас знал, кто есть кто. Рокоссовский — великий полководец, все его звания и награды заслуженны умом и талантом, мужеством и кровью, ему тоже должен быть установлен памятник в Москве. Но Сталин послал на Халхин-Гол не кого-нибудь, а Жукова. Командовать важнейшим Киевским военным округом был назначен не кто-нибудь, а Жуков. В декабре 1940 года в оперативно-стратегической игре на картах, руководя «синими», выиграл не кто-нибудь, а Жуков. В критические дни Ленинграда туда был послан не кто-нибудь, а Жуков. В битве за Москву командующим самым большим и самым важным Западным фронтом был назначен не кто-нибудь, а Жуков. Своим заместителем Сталин назначил не кого-нибудь, а Жукова. Он же первым из генералов за время войны получил звание маршала, Орден Суворова (дважды), Орден Победы (дважды). Наконец, только он один из военачальников окончил войну с тремя Золотыми

Звёздами Героя... Кому же ещё принимать и капитуляцию, и Парад Победы, как ни ему! А ведь есть товарищи, которые уверяют: да все эти высокие звания и большие награды даны только по причине рабоче-крестьянского происхождения Жукова! И вот, рисуя Сталина олухом, взявшим в заместители себе такого же олуха, они ведь клянутся при этом в любви к нему. А другой известный жукоед божится, что Жуков всю войну только и мечтал, как удрать к немцам. Вы, что, говорит, не понимаете, почему у него всю войну охрана была? Да именно для того, только для того, чтобы не сбежал. Третий ещё и так говорит: «А почему демократы поставили ему памятник? Непроста!...» Уймитесь, умники! Ведь надо же пустоportunому Путину хоть на что-то опираться.

А о самом Сталине у них можно прочесть, например, такое: «Известно, что когда Леонид Утёсов не хотел ехать в Сибирь с концертами, Сталин сказал: «Если товарищ Утёсов не хочет петь в Новосибирске, будет петь в Магадане». Вы только подумайте: Сталин занимается гастролями Утёсова! И не соображают они, что семянят вслед за Сванидзе и Млечиным, изображающих Сталина тупым самодуром, посылавшим на смерть и в лагеря по самому вздорному поводу. Да это же на уровне налогоплательщицы Полины Дашковой, уверяющей, что бедная Фанни Каплан вовсе не стреляла в Ленина, она в тот день 30 августа 1918 года просто пришла к заводу Михельсона с букетиком фиалок на любовное свидание и ждала возлюбленного, уверенная, что он явится с хризантемой. А тут вдруг стрельба. Ока-

зывается, большевики проводили эксперимент: они сами и всадили в Ильича две пули для проверки вождя мирового пролетариата на прочность и выживаемость.

Хотя это совсем о другом, но упомяну ещё одного учёного генерала, додумавшегося выводить рейтинги полководцам. Как шахматистам и теннисистам, как фигуристам на льду. Тот же уровень.

Даже немцы не изображают так Гитлера и не поносят так своих битых генералов, как вы – и Сталина, и генералов-победителей, спасших родину. Заткнитесь, склочники!

СТЕРВЯТНИК

ВОТ УЖЕ не первый год — может, и все десять — на канале НТВ фигурирует в роли диктора передач новостей хорошо упитанный Алексей Пивоваров. Не родственник ли Юрия Пивоварова, порхающего по каналам и программам телевидения седовласого академика? Неизвестно, однако. Похожи как две бутылки «Клинского», только одна бутылка с белой головкой, другая — с чёрной.

С задачей оглашения представленных ему текстов, т.е. с функцией говорящей головы черноголовый Пивоваров справляется. Но эта скучная работа — не для него. Как обнаружилось, его истинное призвание совсем в другом. Вероятно, по наводке то ли Радзинского или Радзиховского, то ли Сванидзе или Млечина этот их, возможно, русский прихвостень набрасывается на трагические страницы Великой Отечественной войны и, смакуя наши ошибки, неудачи, жертвы, уснащая действительно скорбные факты своим невежественным враньём, устраивает посредством кино пиршество мародёра на груде тлеющих костей. И не абы когда, а непременно к славному празднику советской истории — ко Дню Красной Армии.

Так было два года тому назад. Тогда его фильм о боях за Ржев оскорбил и возмутил покойного Владимира Карпова, Юрия Бондарева, генерала армии Гарева, которых он без их ведома жульнически сунул в своё варево, вырвав какие-то отдельные их слова. Возмутил и множество других известных и неиз-

вестных фронтовиков, и тех, кто даже не служил в армии. Разве тут в службе дело! Один ленинградец, как сообщило в те дни «Эхо Москвы», сказал даже так: «Посадить его за этот фильм на двадцать лет — мало, расстрелять — слишком почётно, а вот повесить, как Власова, — в самый раз». Ну, я это не одобряю, мне видится достойной уже совершившаяся другая кара, о которой скажу в конце статьи.

Но тех, кто предлагает вешать черноголовых, понять можно. И то сказать: уж так говорящая голова нахваливала немцев и так поносила Красную Армию, словно война ещё идёт, а он служит заместителем Геббельса и уверен в победе Германии. Добрался даже до нашего знаменитого автомата ППШ: ну, что это, хихикал он, за оружие? Его, мол, зарядить — целая история. Конечно, руками, которые в жизни ничего тяжелей карандаша не держали, это непосильный труд, тем более, с первого раза, а второго-то и не было. Но у нас другие руки... А подумал бы хоть о том, с какой стати этот автомат изготавливался миллионами штук и стал на войне нашим самым массовым стрелковым оружием? И за что его конструктор Георгий Семёнович Шпагин (1897 -1952) ещё в 1941 году получил Сталинскую премию, потом был награждён тремя Орденами Ленина, Красной Звезды и даже, словно полководец, — Орденом Суворова 2-й степени, а в конце войны стал Героем Социалистического Труда.

Я тогда спросил Пивоварова, хоть понимает ли он, какая разница между ППШ и ППЖ? Теперь, оказывается, понимает, но не всё: ППЖ, говорит, «были

только у старших офицеров». То есть это как бы полагалось всем старшим офицерам по штату. А высшим? А средним? А младшим? Ни Боже мой. Ах, дубина стоеросовая! Константин Симонов, лучше многих знавший войну, признавал:

На час запомнив имена —

Здесь память долгой не бывает —

Мужчины говорят: «Война!»

И наспех жёниц обнимают...

Да, бывало и так. А бывало и совсем по-другому. У нас начальником РСБ служил техник-лейтенант Иван Михайлин 1923 года рождения. Однажды обнял он — вроде бы наспех — военфельдшера Тамару Гусеву... ППЖ?.. А оказалось, — на всю жизнь. И Коля Торгашов совсем не старший офицер, а всего-то сержант, ровесник Михайлина, обнял наспех повариху Аню Карпенко... ППЖ?.. И она так в этих объятьях до смерти его в 1984 году и осталась. А старший сержант Иван Тендерук приласкал однажды телефонистку Клаву Поповкину, и тоже — до самой его смерти. А с Клавой, с Клавдией Трофимовой, мы и ныне дружим. И смеёмся над этим олухом царя небесного, не имеющим никакого представления, как сложна и многообразна жизнь, не знающим даже того, что ведь на войне была в основном молодёжь в комсомольском возрасте любви, она и разгромила восхищающих его фрицев, она и спасла Родину.

Есть у Симонова ещё написанное в 1943 году на фронте по живому факту «Открытое письмо» — женщине из г. Вичуга:

*Я вас обязан известить,
Что не дошло до адресата,
Письмо, что в ящик опустить
Не постыдились вы когда-то.*

Поэт пытался пристыдить.

А этот черноголовый мало того, что не постыдился запустить по ТВ своё «письмо», но ещё и уверен, что презентовал подарочек и фронтовикам, и всему народу.

«Российская газета» так и оповещала всех, всех, всех об этом «письме»: «Ко Дню защитника Отечества НТВ покажет новую документальную драму Пивоварова...» Драматург!

*Ваш муж не получил письма,
Он не был ранен словом пошлым,
Не вздрогнул, не сошёл с ума,
Не проклял всё, что было в прошлом.
Когда он поднимал бойцов
В атаку у руин вокзала,
Тупая грубость ваших слов
Его, по счастью, не терзала.
Когда шагал он тяжело,
Стянув кровавой тряпкой рану,
Письмо от вас покуда шло,
Ещё, по счастью, было рано.
Когда на камни он упал
И смерть оборвала дыхание,
Он всё ещё не получал,
По счастью, вашего посланья.*

А «письмо» черноголового дошло до адресата, мы, чьё дыхание смерть ещё не оборвала, получили его.

*Могу вам сообщить о том,
 Что, завернувши в плащ-палатки,
 Мы ночью в сквере городском
 Его зарыли после схватки.
 Стоит звезда на жести там
 И рядом тополь — как примета...
 А, впрочем, я забыл, что вам,
 Наверно, безразлично это...*

Как безразлична и наша судьба черноголовому
 убийце.

*Я не хочу судьёю быть,
 Не все разлуку побеждают,
 Не все способны век любить, —
 К несчастью, в жизни всё бывает.
 Но как могли вы, не пойму,
 Стать, не страшась, причиной смерти,
 Так равнодушно вдруг чуму
 На фронт отправить нам в конверте...*

Поистине, чума в конверте, как и в этом фильме...
 А стихотворение большое и, надеюсь, даже пивова-
 ровым понятно, чем оно было вызвано, но последние
 строфы всё-таки приведу:

*Живите, не боясь вины,
 Он не напишет, не ответит.
 В ваш город возвратясь с войны,
 С другим вас под руку не встретит.*

Вины-то он не боится, но ответ наш получит.

*Лишь за одно ещё простить
 Придётся вам его — за то, что
 Наверно, с месяц приносить
 Ещё вам будет письма почта.*

*Уж ничего не сделать тут —
Письмо медлительнее пули.
К вам письма в сентябре придут,
А он убит ещё в июле.
О вас там каждая строка.
Вам это, верно, неприятно —
Но я от имени полка
Беру его слова обратно.
Примите же в конце от нас
Презрение наше на прощанье.
Не уважающие вас
Покойного однополчане.*

Мне кто-то говорил, что Пивоваров родом как раз из Вичуга. Не матушке ли его писал Симонов? Не там ли научился он «чуму в конверте» конвертировать в «чуму на экране».

НАСТОЙЧИВОСТЬ И СМЕЛОСТЬ, с коими черноголовый являет нам свою тупость, просто загадочны. Вот после штатных ППЖ толкует ещё о «спецпайках» в армии. Его негодованию нет предела: «Спецпаёк был тем больше, чем выше звание или статус». Правильно. Но чего визжать-то? Ведь так всегда и везде, на НТВ — тоже.

Сравни свой «спецпаёк», что получаешь, сидя в мягком кресле перед камерой с чужими словами во рту, и бедолагу Сергея Малозёмова, которого, как волка, только ноги кормят.

Внял?

Теперь сравни свой «спецпаёк» с тем, что гребёт твой начальник Кулиستиков, его «спецпаёк» — о-го-го!

С другой стороны, вот Ольга Шувалова. Кто такая? Чья ППЖ? Какой статус? Оказывается, безработная, но — супруга вице-премьера. И что мы видим? В прошлом году её «спецпаёк» составил 642 миллиона рублей (Советская Россия. 26.2.11). Чего молчишь, трибун? Губами шевелит, а ничего не слышно. Как рыба на берегу...

Заметим, что новое вытворение, показанное ныне, имеет двухсоставное заглавие «Вторая ударная. Преданная армия Власова». И оба лживы, так что враньё начинается с места в карьер, ибо, во-первых, фильм не об этой армии вообще, не обо всём её боевом пути хотя бы кратко, а только об одной операции, в которой она принимала участие, — о неудачной, трагической Любаньской операции, начатой 13 января 1942 года. Суть её состояла в том, чтобы силам Волховского фронта из-за реки пробиться с юго-востока на соединение в Любани с войсками Ленинградского фронта, которые должны были наступать с севера, и разорвать блокаду второй столицы страны.

Незадолго до назначенного дня наступления командующий фронтом генерал армии К.А.Мерецков получил письмо:

«Уважаемый Кирилл Афанасьевич!

Дело, которое поручено Вам, является историческим делом. Освобождение Ленинграда, сами понимаете, — великое дело. Я хотел бы, чтобы предстоящее наступление Волховского фронта не разменялось на мелкие стычки, а вылилось бы в единый мощный удар по врагу. Я не сомневаюсь, что Вы постараетесь превратить это наступление именно

в единый общий удар по врагу, опрокидывающий все расчёты немецких захватчиков.

Жму руку и желаю Вам успехов.

И.Сталин

28.12.41»

Письмо было написано от руки и без всякого указания о должности, просто как личная просьба и совет. Похоже на то, как Сталин писал защитникам Севастополя: «Прошу вас, продержитесь ещё 48 часов...»

Вторая ударная, наступавшая на острие атаки (потому так и названа, над чем потешается гаврик) прорвала и первую, и вторую линию обороны немцев, углубилась в захваченную врагом территорию почти на 75 километров, оставалось всего 15 км до Любани, но дальше, увы, дело не пошло. А наступление с севера и вовсе не удалось. К тому ещё тяжело заболел командарм Н.К.Клыков, его вывезли в тыл. Вторая ударная оказалось в глубоком мешке, а потом уже под командованием Власова и в полном окружении, из которого в мае-июне удалось вырваться лишь части измождённых сил.

Причин неудачи несколько. Может быть, первая — спешка. Но ведь она так понятна! Надо было спасать Ленинград, который уже начал задыхаться в блокаде и вымирать от голода.

Да, это была трагическая неудача, каких в начале войны у нас было немало. А с конца 1942 года ещё больше неудач, ещё более трагических было у немцев, что и привело к известному финалу. Но наши победы не интересуют всех этих пивоваровых да живоглотовых, они парализуют их, лишают речи.

А ведь Вторая ударная проделала большой боевой путь и завершила его в составе Второго Белорусского фронта участием в победной Берлинской операции. Фи! Кому это интересно? Что на этом можно заработать?

И вторая половина заглавия — «Преданная армия» — убедительно свидетельствует, что творец как два года назад явился лжецом и холуём режима, так и остался, даже много в этом преуспел. Да кто же предал Вторую ударную? Ну, что за вопрос! Разумеется, Верховное Главнокомандование, Ставка, сам Верховный. А зачем? Ведь предательство всегда имеет цель. Какая цель могла быть тут? Только одна — помочь фашистским оккупантам разбить Красную Армию и захватить страну. Сталин именно этого и хотел? Да почему же тогда, как правители Польши на седьмой день войны, не бежал из столицы, не объявил её, как французы через месяц боёв, открытым городом, не сдал Ленинград, почему не приветствовал вторжение Гитлера, как норвежский премьер Квислинг или русские церковные иерархи за рубежом, генерал Краснов и философ Ильин? Наконец, зачем разгромил бедных захватчиков, взял Берлин и продиктовал фрицам безоговорочную капитуляцию? Голова-два-уха молчит...

Может, этот диктор просто не соображает, что такое предательство? Но ведь за эти годы на его глазах столько предателей прошло в образе Горбачёва, сыто дожившего до восьмидесяти лет, Ельцина, от перепоя не дожившего.

Уж не будем тормозить мертвецов, но вот живой и непьющий в 2001 году едет в Киргизию и угова-

ривает лысого бровеносца Акаева, которого Ельцин так любил щёлкать по сияющему темечку, согласиться на американскую военную базу на своей земле. Тот под напором Большого брата соглашается. База создаётся сроком на два года. Но прошло уже десять лет. Бровеносца за бездарность и шкурничество киргизы выгнали, «приютили» его в Москве, а американцы и не думают уходить. Вот предательство-то настоящее — и России, и Киргизии. А за эти десять лет американцы создали ещё несколько баз вокруг нашей родины. Что в ответ делает кремлёвский живчик? Ликвидирует наши базы на Кубе и во Вьетнаме, не им созданные и позволявшие нам контролировать оба полушария. Это новое доподлинное предательство. Вякнуть об этом ни тот, ни этот Пивоваров, конечно, никогда не посмеют: у них детки, им пищу приносить надо.

Не может сообразить он и того, что ведь сам же себя опровергает, объявляя Власова «любимцем», даже «любимчиком» Сталина, состоявшим у него «на особом счету». Но как можно предавать любимчика, балаболка! Разве твой начальник Кулиستиков предаст тебя, своего любимчика? Уж сколько лет во всей своей серости красуешься на экране, распространяя на всю страну зловоние, а он и не думает выгнать эту говорящую бездарность.

Власов объявлен любимчиком Сталина, конечно, для того, чтобы опорочить Верховного: вот, мол, каких любил он. Но где хоть одно доказательство? Может, Власов стремительно повышался в званиях? Ничего подобного. Только под сорок лет получил

первое генеральское звание, на пятом десятке после разгрома немцев под Москвой, где он командовал армией, — второе. И наград уж совсем не густо: Орден Ленина, полученный ещё до войны, видимо, за работу советником в Китае или просто за выслугу лет, Орден Красного Знамени за бои под Москвой, как все командующие армиями и даже фронтами, да медаль «XX лет РККА» — и всё. Со Сталиным он виделся только один раз — при назначении командующим 20-й армией. В этом назначении, как и в беседе с Верховным, тоже невозможно разглядеть ничего «любовного»: до этого Власов командовал корпусом, и вот — новая служебная ступенька. Словом, обычное дело, официальная деловая встреча.

За время войны таких назначений и встреч было у Сталина множество.

В 1997 ГОДУ Виктор Александрович Кузнецов, бывший ответственный секретарь газеты Второй ударной армии «Отвага», прислал мне из Уфы свою «Книгу памяти». Там в дневниковой записи за 20 апреля 1942 года он рассказывает о совещании в политотделе армии, на котором выступил только что прибывший новый командующий Власов. Перед началом контрнаступления под Москвой он после контузии под Киевом лежал в госпитале. Вдруг, по его словам, позвонил Сталин и спросил о его здоровье. Это опять-таки было не изъятием нежностей к человеку, которого Сталин никогда не видел, а кадровым интересом Верховного Главнокомандующего: можно ли его поставить командармом? «Конечно, — воскликнул Власов, — на другой же день я был здо-

ров!» Вот как подействовал на него один звонок Сталина. И дальше он говорил о Сталине с восторгом: «Удивляла его осведомлённость. Он всё хорошо знал. Дислокация не только армий, но и дивизий ему хорошо известна. Знает на память множество имён командиров» и т.д. Было сказано ещё немало прекрасных слов: «Командир должен быть отцом родным для бойцов... Человека любить надо... Мы должны помочь Ленинграду» и т.п. А в конце опять о Сталине: «Надо учиться у товарища Сталина спокойствию и выдержке даже в самые тяжёлые времена». Так что есть все основания сказать: не Власов был любимцем Сталина, а Сталин — любимцем Власова, но — только до того, как настали для генерала лично эти самые «тяжёлые времена». Тут его покинуло спокойствие, и он вскоре, когда его разыскали немцы, перешёл на немецкий язык: «Nicht schissen! Ich bin Vlasoff!»

Пивоваров приводит в усечённом виде характеристику Власова, данную ему Жуковым в радостные дни после разгрома немцев под Москвой. Она имеет сдержанно положительный характер. Однако голова восклицает: «Образцовый сталинский генерал! И никаких намёков на будущую судьбу Власова». За измену Родине судьбой генерала оказалась виселица. Так этот умник ожидал, что в характеристике будет сказано: «Генерал-лейтенант Власов А.А. в оперативном отношении подготовлен хорошо, организационные навыки имеет, с управлением войсками армии справляется. Но после окончания войны заслуживает виселицы». Увы, этого в характеристике не было, не доглядел Георгий Константинович, прошляпил.

Кстати, о конечной судьбе предателя мы слышим с экрана: «Генерал Власов с группой подвижников(!) повешен по решению Политбюро». Нет, все эти «подвижники»-шерамыжники были повешены не по решению, а по приговору, и не Политбюро, а Военной коллегии Верховного суда. Хотя в таких-то вещах надо бы разбираться.

Будучи питомцем и обитателем серпентария, Пивоваров во всём видит тайные замыслы, интриги, хитрости и, конечно, ужасы. Это всё есть и в том, что говорится о комфронте Мерецкове. Как известно, на второй день войны он был арестован. Надо полагать, подозрения были весьма веские: ведь речь шла о генерале армии, недавнем начальнике Генштаба, Герое Советского Союза. Голова ворочает языком, и мы слышим: «Это были фантазии Сталина о заговоре». Да почему же фантазии? Сколько примеров в мировой истории! От Цезаря до Индиры Ганди, от Линкольна до Гитлера, от Александра Второго и Столыпина до Ленина и Кирова, от Марата до Садата,... И ведь заговоры-то далеко не безуспешные. Почему же не мог быть заговор против Сталина? Были, и не один.

Но слушайте крутолобого дальше: «Как позже признался Берия, в отношении Мерецкова применялись беспощадные избиения. Это была настоящая мясорубка». Его любимое словцо! О «мясорубках» мы наслышаны много и в прежнем фильме. А есть, например, ещё телеакадемик Борис Илизаров. Он сочинил вопиюще умственную книгу «Тайная жизнь Сталина». Сей академик пивоваровского разбора не знает даже имени К.К. Рокоссовского (как и отчества

А.М. Василевского), но уж о «мясорубке»-то осведомлён дотошно. Так, заодно со своим братом по разуму К.А.Залесским уверяет, что «Г.К. (видимо, Георгию Константиновичу. — **В.Б.**) Рокоссовскому во время следствия выбили глаз, девять зубов, сломали три ребра и разбили молотком пальцы ног» (с. 410). Но так как положение на фронте было отчаянное, то Сталин, хоть и не знал комдива Рокоссовского, но освободил его и сразу после «мясорубки» назначил командовать механизированным корпусом, и тот с одним глазом, без трёх рёбер и девяти зубов на разбитых ногах побегал на фронт и добежал до должности комфронта, до звания маршала, дважды Героя и кавалера Орденов Суворова и Победы. Да и как было не дать всё это одноглазому и беззубому! И что, всё это, по слухам, не помешало очаровательной артистке Валентине Серовой увлечься так изуродованным?

Примерно то же слышим и о Мерецкове: «К сентябрю (то есть в конце августа. — **В.Б.**), когда вермахт рванул(!) к Москве (надо бы уточнить: «захлёбываясь кровью». — **В.Б.**), его освободили и направили командующим Волховским фронтом». Поверить, что в деле Мерецкова, как в делах и Рокоссовского, генерала Горбатова, конструкторов Туполева, Королёва и других, несправедливо арестованных, просто разобрались, установили их невиновность и освободили, — поверить в это Пивоварову не позволяют его лакейский ум, трусливая душа и финансовые интересы: за правду кто ему заплатит — Пушкин? А ведь следствие по делу хотя бы Рокоссовского прекращено было ещё в марте 1940 года, и тогда же,

а не в критический час войны, он был освобождён и поехал с семьёй отдохнуть в Сочи. Там у него на животворном солнышке выросли новые пальцы на ногах, от полоскания морской водой — новые зубы, появился и новый глаз, правда, неизвестно, как и откуда. И вскоре в полном блеске мужской красы молодой генерал возглавил 19-й механизированный корпус. Таким и узнала его Валентина Серова. Ах, встретить бы ему в Сочи на пляже, а ещё лучше в море черноголового Пивоварова, который ведь умеет плавать только в море лжи...

Но гаврик настаивает: сразу после «мясорубки» генерал Мерецков рванул на Волховский фронт! Это очень интересно, ибо Волховский-то ни в августе, ни в сентябре не существовал, он был создан только 17 декабря. Где же пропадал командующий три с половиной месяца? Наш вопрос не смутит теле-Трындычиху: «Как где? Приходил в себя, лечился после мясорубки, вставлял зубы, менял рёбра, зашивал мочевого пузырь!»

Но всё-таки: кому, когда Берия сделал помянутое признание о мясорубке? Он, что, дурак был? Это очень напоминает ходячую байку, будто Берия же на трибуне Мавзолея признался — и нашёл, кому! — Молотову, что смерть Сталина — дело его рук. Где это видано, чтобы люди добровольно, безо всякой нужды признавались в таких тяжких преступлениях!

Как и в первом фильме, Пивоваров подыскал себе подручных. Главный из них — некий оберфельдфебель Георг, фотограф Жора, сумевший улизнуть от карающего меча Красной Армии. Он вспоми-

нает, во-первых, о том, как плохо питались русские и как прекрасно кормили их, оккупантов: суп с мясом, свиная тушёнка, рыба, шоколад. Даже шоколад... Ещё бы! Ограбили всю Европу от Франции до Норвегии, от Роттердама до Смоленска... Но вот вопрос: что ж они под ударами голодающей Красной Армии при столь отменном питании так позорно ошоколадились в мае 1945-го?

И ещё: «У нас были большие потери, но у русских гораздо больше. А ведь у них было преимущество в живой силе в 20 раз». Хорошо. А сколько было русских? Пивоваров разевает рот: «В окружении оказалось около 100 тысяч». Значит, немцев было всего 5 тысяч, т.е. меньше, чем полдивизии. Прекрасно. Однако снова, как из пустой бочки из-под пива, раздаётся голос: «За шесть месяцев операции Вторая ударная потеряла только убитыми 150 тысяч человек и десятки тысяч при попытке прорыва из окружения». Да как же это могло быть, если окружили 100 тысяч? Может, слали и слали подкрепления? Нет, говорит, обещали подкрепления, но коварно обманули — не прислали. Значит, из 100 тысяч убили 150+10X тысяч исключительно благодаря русской бездарности и немецкому мастерству помянутых пяти тысяч нибелунгов.

Фотограф Жора рассказывает, как это было: по снежному белому полю без маскхалатов они шли и шли на нас, шли и шли, а мы их косили и косили из пулемётов, косили и косили. В прежнем фильме такой же недобитый фриц вещал нам то же самое о нашей коннице, а этот — о пехоте. Пивоварову то и другое любо, он ещё присовокупляет: «А оружие

только одно — крик «Ура!» Но слова эти — на фоне советской кинохроники, где мы видим бегущих в атаку по снежному полю солдат. Да, они кричат «Ура!», однако — все в маскхалатах с винтовками и автоматами. Как это понимать?

А потом даётся немецкая кинохроника об итогах сражения: «Взято в плен 202 тысячи солдат, 649 единиц оружия, 171 бронемашина, 2904 автомата, много пусковых установок, гранат, пистолетов и другой техники». Тут пропасть вопросов.

Значит, в армии-то было не 100 тысяч человек, а $150+202+10X$, т.е. что-то порядка 400 тысяч? И оружием-то было не только «Ура!», а вон сколько самой разной боевой техники. Однако почему при 400 тысячах бойцов оказалось всего лишь около 3,5 тысяч единиц оружия? А с другой стороны, откуда так много бронемашин — зачем они были нужны и что могли делать в гиблой лесисто-болотистой местности? Ведь полный сумбур. И никакой попытки как-то увязать уничтожающие друг друга данные, придать им правдоподобный вид. Чистое полоумие! Фильмы о войне ставить — это не пиво варить.

По данным известной книги «Гриф секретности снят», в Любаньской операции, т.е. во 2-й ударной, 4-й и 59-й армиях Волховского фронта и 54-й армии Ленинградского, наши живые силы составляли 308.367 человек. Безвозвратные потери, т.е. убитые, умершие от ран на этапе эвакуации, пропавшие без вести и пленные — 95.064 человека. Безвозвратные потери при выходе из окружения через Мясной Бор — 54.774 человека (с. 225). Потери ужасные...

КРОМЕ фашистского недобитка взял черноголо-
вый маэстро в помощницы себе старушку по имени
Изольда, падчерицу, как говорит, погибшего в окру-
жении солдата. Так вот, своими устами изо льда она
огласила: «Командование отдельных подразделений,
зная, что вывезти всех не могут, закладывало взрыв-
чатку под вагонетку с ранеными на узкоколейке и
взрывали». Этого не выдержал даже стоящий рядом
поисковик Александр Орлов, он сказал, что не верит
этому. А на лице его было написано: «Полно врать-
то, бабуся! Смотри, сама взорвёшься».

Нечто подобное мы слышали ещё от забытого
академика Сахарова. Этот Тристан в своё время за-
явил, что в Афганистане наши самолёты расстрели-
вали взятых афганцами в плен советских солдат. Ему
тогда на съезде народных депутатов наши афганцы
устроили выволочку. «Откуда взял?» — «Слышал
по радио» — «По какому радио?» — «Не помню» —
«Где это было?» — «Не знаю» — «Когда было?» —
«Забыл...» Но Изольда Пивоваровна не забыла Три-
стана, продолжает его дело.

А вот какие данные приводит по госпиталю
№21185 за июнь 1942 года (последний месяц окру-
жения) В.А.Кузнецов, всё видевший своими глазами:
«Раненых и больных поступило 1020 человек. Умер-
ло только 23 человека» (с. 216). Остальных Изольда
взорвала.

Да, большие потери, тяжёлое поражение, но
борьба-то была, сражались наши воины или сми-
ренно ждали вражеской пули, снаряда, бомбы? По
фильму получается, что только смиренно ждали по-

гибели. Ах, трепло! Ведь даже немцы изумлялись нашей стойкости. В.А.Кузнецов приводит, например, ставшую известной после войны запись в дневнике немецкого офицера Рудольфа Видемана: «Наша авиация работает здорово. Над болотом, в котором сидят Иваны, постоянно висит облако дыма. Наши самолёты не дают им передышки. А они всё же не сдаются в плен. Пустьдохнут в этом котле». И это в июне, уже в конце трагедии.

И не только не сдавались, но и наносили тяжёлый урон врагу, брали пленных. Так, рядовой Франц Шольц, взятый в плен 30 апреля 1942 года, показал: «505-й и 506-й пехотные полки из-за потерь объединили, они имеют один штаб и одного командира. 291-я пд так обескровлена, что в батальонах осталось не более 100-120 человек» (с. 78). Впрочем, тогдашний пленный и о питании говорил нечто совсем иное, чем фотограф Жора, нынешний друг Пивоварова: «В день дают 250 грамм хлеба и 250 грамм эрзац-колбасы» (с.79) Видимо, фотограф был на особом пайке, может быть, генеральском, потому и силы сохранил, и выжил, и улизнул.

Ещё в рекламе фильма Сергей Малозёмов, подручный Пивоварова, вопил: «Всех погибших солдат Второй ударной записали в изменники. Кому это было выгодно?» Вот именно, кому же выгодно объявлять своих солдат изменниками? Какой с этого барыш? Но и сам черноголовый несколько раз повторил: «Их подвиг в глазах родины навсегда будет перечеркнут клеймом предательства». В глазах родины! А какой подвиг? Никакого подвига в фильме нет, а есть лишь

одно — «мясорубка... долина смерти... грязь... кровавое месиво... труп на трупе...» Где же подвиг?

Но ученик Чубайса с его девизом «Больше наглости!» прёт дальше: раз предатели, власовцы, говорит, то, понятное дело, «за Любаньскую эпопею никто из них не получил ни одной награды, даже солдатской медали «За отвагу». Он думает, что эта медаль — самая скромная награда.

Ах, выблядок!.. Никто, ни одной... Значит, если я назову хоть одного награждённого, то ещё раз будет подтверждена твоя лживость холуя, и тебе надо на брюхе ползать перед святым именем награждённого. И вот групповая фотография в книге Кузнецова — «Ветераны Второй ударной армии в Мясном Бору» (с.278). В первом ряду несколько человек, грудь которых в три-четыре ряда увешена орденами и медалями. Жаль, что герои не названы. Но в книге воспоминаний «Вторая Ударная в битве за Ленинград» (Лениздат, 1983) немало тех воинов, что награждены именно за Любаньскую операцию.

Так, командир 327-й стрелковой дивизии генерал-майор Антюфеев, которого Пивоваров, как пьяный болван, спутал с полковником Ларичевым, вспоминал: «Бой за деревню Коломно, важный опорный пункт врага, нам обошёлся недёшево... Сражались бойцы самоотверженно. Из наиболее отличившихся были отмечены высокими наградами родины 26 воинов дивизии, в том числе: Орденом Ленина — 2 человека, Красного Знамени — 7, Красной Звезды — 5» (с.32). Остальные 12 — той самой медалью «За отвагу» да «За боевые заслуги». А дивизия стала 64-й

гвардейской. Или это не награда? Или именовалась так: 64-я гвардейская предательская дивизия?

Тебе, паценок, конкретные имена нужны? Изволь.

«26 января 1942 года в бою под деревней Глухая Кересть отличился 1-й эскадрон кавполка А.И.Смирнова-Бардова... Недавно второй Орден Красного Знамени украсил его грудь» (с. 63). Грудь предателя?

«3 февраля, прикрывая огнём пулемёта выход конников из боя, политрук Г.Б.Самаргулиани, (видимо, грузин) был тяжело ранен. За мужество в боях он награждён Орденом Красного Знамени» (с.64). Политрук-изменник?

«В феврале-марте 1942 года комсомолец санитар Вахонин Александр Николаевич вынес с поля боя 52 раненых бойца и командира вместе с их оружием. Награждён Орденом Красного Знамени»(с.118). Комсомолец-власовец?

«7 апреля в деревне Трегубово фашистам удалось подобраться к землянке, в которой лежало 17 раненых. Вот в дверях показался гитлеровец. Раздался выстрел, и фашист рухнул. Второго постигла та же участь. Это военфельдшер Люба Сосункевич, спасшая десятки раненых на поле боя, в упор уничтожала фашистов. На помощь подоспели бойцы» (с. 72). Её наградили медалью «За отвагу». Вскоре она была принята в партию. В «Единую Россию»?

Медалью «За отвагу» награждён и лейтенант Кузьмин. Подбил три танка (с. 67). Награду вручил Медведев?

Всех перечислить невозможно, но не назвать ещё и Героев Советского Союза никак нельзя. Так вот, 27 марта 1942 года звание Героя получил комдив 259 сд полковник, Афанасий Васильевич Лапшов. Золотой Звезды был удостоен и комиссар 267 сд Василий Петрович Дмитриев(с. 73) Правда, с опозданием — 21 февраля 1944 года. Но именно за то, что во время боя под Малой Вишерой принял командование на себя вместо погибшего командира полка и противник был отброшен, но комиссар убит. Он и похоронен в Малой Вишере. 19 марта 1942 года в боях за Чудово погиб Герой Советского Союза младший лейтенант Николай Васильевич Оплеснин. В Чудове и похоронен(с. 121). Да ведь и знаменитый татарский поэт Муса Джалиль, даже не упомянутый в фильме, был сотрудником газеты «Отвага», т.е. тоже воевал во Второй ударной. Там он был тяжело ранен, попал в плен и в 1944 году казнен. А когда после войны его история стала известна, его «Моабитская тетрадь», написанная с петлёй на шее, разыскана, ему и звание Героя присвоили, и Ленинскую премию присудили. Вот как Родина чтит таких «власовцев». У меня была в «Красной Звезде» статья о нём. Позже в Коктебеле я познакомился с его вдовой, с дочерью Чулпан и с внучкой Таней, подружкой моей дочери.

Между прочим, уходя на казнь, Муса оставил стихи товарищу по камере, кажется, французу. Тот и сохранил тетрадь, и передал её после войны нам. Можно ли представить на месте этого однокамерника Пивоварова или бабку Изольду, которые даже не смеют имя Джалиля произнести?

К слову сказать, радисткой в 844-м полку служила комсомолка Мария Пивоварова. Однажды немцы пробрались к штабу полка и попытались окружить его. Момент был опасный. Маша оставила свою рацию, схватила винтовку и вместе со всеми стала отбивать напор врага. «В разгар ожесточённой схватки, — вспоминал политрук полка Л.Измайлов, — бойцы вдруг слышали песню «Каховка». Это пела Маша Пивоварова. Её звонкий голос воодушевлял бойцов» (с. 72).

*Гремела атака, и пули звенели,
И ровно строчил пулемёт...*

И одна пуля угодила в сердце бесстрашной комсомолки.

Не родственница ли ваша, сучий сын? Да уж едва ли... А все эти славные имена, всех погибших и выживших героев негодяй сознательно предаёт забвению, иначе сказать, всех лишает наград от медали «За боевые заслуги» до Золотой Звезды Героя. Известно немало случаев, когда на престарелых фронтовиков, как это было на заре горбачёвщины с восьмидесятилетним вице-адмиралом Г.Н.Холостяковым, отпетые подонки нападают, убивают их и крадут многочисленные славные награды. Алексей Пивоваров делает то же самое в кино.

Тут опять и бабка Изольда: да-да, всех объявили изменниками, предателями, власовцами, и правительство никаких памятников Второй ударной не поставило...

Бабуся, правительство не может ставить памятники отдельным частям. Его памятники — общего-

сударственного значения: Воин-освободитель в берлинском Трептов-парке, Родина-мать на Мамаевом кургане в Сталинграде, могила Неизвестного солдата, Алёша в Софии... Другое дело, что нынешние правители, бездарные вроде тебя, и трусливые, подобно тебе, молчат, наблюдая, как сносят кое-где наши памятники, например, маршалу Коневу в Кракове и генералу Черняховскому в Вильнюсе, и громоздят немецкие мемориалы на нашей земле. Но если иметь в виду памятники вообще, то вы, бабуся, брешете, как юная красавица Новодворская. Были там памятники на братских могилах, на могиле Всеволода Багрицкого и другие. Фотографии их можно посмотреть в книге В.Кузнецова (с. 109, 262, 277) Конечно, нельзя ручаться, что всё это сохранилось и оберегается и при нынешней власти, занятой сбережением тигров.

Геннадий Геродник, рядовой лыжного батальона Второй ударной, в 1976 году побывал на месте боёв и потом писал: «Всё больше и больше имён героев Второй ударной появляется на мраморе и граните». Но упомянул и о памятниках иного рода: «В Чудове я видел улицу имени Героя Советского Союза Н.В.Оплеснина». Николай Васильевич, по национальности коми, 19 марта 1942 года погиб в Чудове.

Его именем названы улицы ещё в Сыктывкаре и Ухте. «Недалеко от Чудова деревня Коломовка переименована в Зуево». Это в честь дивизионного комиссара Ивана Васильевича Зуева (с. 122).

КАК ШУЛЕР, Пивоваров использовал тот факт, что была Вторая ударная, которой на Волховском фронте всего-то два месяца командовал Власов, и на-

звать её власовской никак нельзя, как не называем мы власовской и 20-ю армию, которой он командовал в битве под Москвой, и была так называемая Русская освободительная армия (РОА). Вот её справедливо называют власовской, а её солдат и офицеров — власовцами. Эту армию, состоявшую всего из двух дивизий во главе с полковниками Буняченко и Зверевым, Власову удалось наскрести и задействовать только к ноябрю 1944 года. В ней были и наши пленные, загнанные силой и страхом, но преобладали действительные враги Советской родины. Они-то и были в глазах Родины заклеены как изменники, предатели, власовцы. Но в фильме об этой армии и не упоминается, а все: от юного рекламщика Малозёмова до врущей бабульки Изольды, — твердят, что заклеили, проклинали, предали забвению именно трагическую и героическую Вторую ударную. Именно с груди её воинов они срывают ордена, а их самих предают забвению. Тут расчёт на простачков да на лень. В самом деле, не всякий же будет разбираться в этих трёх армиях, которыми командовал Власов, иным — что сунут эти пивоваровы, то они и глотают.

Наряду с размышлизмами о конкретной армии и конкретной операции в фильме ещё немало трёпа о войне вообще. Ну, прежде всего объявляется, что в 1941 году Красная Армия была разгромлена. Полностью! Да если так, ну шевельни извилиной, то почему же не последовало взятие столицы хотя бы в 1942-м, как в разгромленной Польше в 1939-м? Почему Сталин, как Петэн через месяц сопротивления, не обратился к армии и народу с воззванием «прекратить

борьбу», а, наоборот, уверенно заявил: «Враг будет разбит. Победа будет за нами!»? Почему мы не подписали капитуляцию, как разгромленные французы, бельгийцы, голландцы, а потом и разгромленные немцы? Кстати сказать, эти битые немцами голландцы вместе с испанцами («Голубая дивизия» генерала Нуньеса Грандеса) воевали именно здесь, под Ленинградом, о чём Пивоваров опять умалчивает, стервец. И едва ли бескорыстно. Вполне допускаю, что в Голландии у него пивоваренный завод, а в Испании — винокуренный.

Ещё уверяет, что у нас была «тотальная мобилизация». Это в Германии была тотальная, когда ставили под ружьё даже 16-летних. Есть и кинохроника: Гитлер идёт вдоль строя мальчишек и одного ободряюще похлопывает по щеке. У нас ничего подобного не было. Вот критик Бенедикт Сарнов. Он родился в январе 1927 года, в Германии таких забривали уже в 1944-м, а он и на фронт не попал и даже в армию. А Юрий Трифонов и вовсе с 1925 года рождения, он подлежал мобилизации в 1943 году, но — то же самое: от двух бортов — в лузу. А драматург Леонид Зорин, автор более сорока пьес? Всю войну в Баку учился в университете, в 1942-м восемнадцати лет принят в Союз писателей. Абсолютный рекорд! Нужны ещё имена? Их есть у меня. Где ж тотальная?

В фильме говорится ещё, что Красная Армия по приказу Сталина при отступлении забирала с собой всё население. «Этот приказ выделяется нечеловечностью! — негодует черноголовый гуманист. — Значит, выгнать людей из домов, дома сжечь...» Степень

безмозглости прямо-таки изумляет! Да это просто невозможно сделать в суматохе отступления, и толпа захлестнёт войска, лишит их возможности простейшего маневра. Покумекал бы хоть о том, как массу народа кормить при отступлении. Известно, что вместе с заводами, фабриками, другими предприятиями было эвакуировано порядка 10 миллионов рабочих и служащих этих предприятий. Но всё население!.. Да загляни ты в знаменитый приказ Сталина № 227. Там сказано, что на оккупированной территории осталось около 70 миллионов человек. Миллионов, а не тысяч!

А вот такая умственная подробность: «Для тех, кто прорвался, самое страшное было позади, но опасность не миновала. Они ведь вышли из окружения! Они — с оккупированной территории! Значит, кому положено, ещё разберутся, что это за герои такие». Чуете, чем пахнет? И тут пускается в дело старичок Чеков: «Как только я вышел из окружения, ко мне тотчас кинулся особист...» А вот что вспоминает Кузнецов: «В половине третьего мы были у своих. Нас встречали незнакомые бойцы, бросались обнимать, совали в руки сахар, сухари, масло. Не только сочувствие или сострадание видели мы в глазах встречавших. Это было удивительное чувство солидарности, сопричастности к общему делу, чувство готовности разделить такую же судьбу в нашей борьбе с врагом» (с. 135).

Тут можно добавить, что один из тех 70 миллионов, что пережили оккупацию, через сорок лет после войны на наше горе стал президентом СССР. Жаль,

что в своё время с ним не разобрались кому следует. Впрочем, ещё не вечер, а только 80 лет.

В тупом блукании набрёл Пивоваров на Илью Эренбурга. Этот зверюга, говорит, опубликовал манифест «Убей немца!» Да ведь тогда все наши писатели к этому призывали, всенародным девизом были слова Верховного Главнокомандующего «Смерть немецким оккупантам!» То есть смерть всем, кто вторгся на нашу землю с целью захватить и поработить её. Тут, разумеется, имелись в виду и румыны, итальянцы, поляки, испанцы, голландцы, французы и даже евреи, которых в плену у нас оказалось около 15 тысяч. Увы...

А вы чего хотели, черноголовый? Чтобы наши писатели увещевали немцев: «Уважаемые, ведь вы пришли к нам из страны Бетховена и Гёте. Как вам не стыдно убивать и грабить! Пожалуйста, ну, пожалуйста, прекратите. И возвращайтесь к своим Гретхен. Они соскучились...»

Я не знаю, был ли в Англии писатель, который в прозе, как Эренбург в статьях и Шолохов в «Науке ненависти», призывал бы «Убей немца!». Но в феврале 45-го, уже в конце войны, когда всё было решено, английская авиация в две ночи уничтожила музейный Дрезден и 70 тысяч его жителей.

Не знаю, был ли в Америке писатель, который в стихах, подобно Симонову и Светлову, призывали бы «Убей японца!». Но в августе 45-го, уже в конце войны, когда всё было решено, американская авиация уничтожила атомными бомбами Хиросиму и Нагасаки и 130 тысяч их жителей.

Такие жуткие факты истории совершенно не интересуют всю эту орду бесстыжих пивоваровых. Как и то, что мы из своих походных кухонь кормили освобождённых от фашизма немецких женщин, детей, стариков.

В конце не могу ещё раз не вспомнить бабушку Изольду, достойную избранницу Пивоварова, его верную соратницу. Ей показали, может быть, самый последний номер газеты, видимо, какой-то дивизии Второй ударной. Она читает, и её негодованию нет границ: «Поразительно! Они окружены, сколько убитых и раненых, а тут — «Врагу нас не сломить!.. Биться ещё настойчивее!.. Наша победа близка!..» Какой, мол, цинизм и бездушие. А она-то думала, что там будет написано: «Фрицы, самим нам стреляться или вы нас перешлёпаете?»»

Ничего ты не поняла, старая вобла. И в первый день войны, и когда враг стоял в 27-ми верстах от столицы, и когда он прорвался на Волгу, и когда мы штурмовали Берлин, — мы всегда твердили одно: «Враг будет разбит. Победа будет за нами!» Если бы воскрес твой отчим дядя Наум, разве он был бы рад встрече с такой воблой...

А патрон твой закончил фильм словами: «В этом глухом новгородском лесу многое понимаешь по-другому: и про войну, и про страну, и про самого себя». И он, бабушка, ни уха, ни рыла не понял не только о войне и о стране, но и о себе самом: думает, что он правдолюб и благодетель, а на самом деле — стервятник и холуй.

ПРОБЕЛЫ В ДОМАШНЕМ ВОСПИТАНИИ МИЛЛИАРДЕРЩИКА ПРОХОРОВА

На днях мы были свидетелями ещё одного мозгового ристалища на НТВ. Много было интересного. Например, глянул я и что вижу! Главный редактора «Огонька» Виктор Григорьевич Лошак. Как, «Огонёк» жив? И вот я впервые сподобился лицеизреть его главреда? На вид личность вполне платежеспособная. Если память не изменяет, после известного творца ленинианы Егора Яковлева и секретаря ЦК комсомола Лена Карпинского, почивших оборотней, Лошак лет десять вёл еженедельник «Московские новости». Вёл, вёл, вёл и куда привёл? К могиле. Журнальчик откинули копыта. Похоронили его в братской могиле вместе с дружбанами – с газетами «Столица», «Куранты», «Не дай Бог!» и другими копильниками демократии. Владимир Высоцкий пел:

На братский могилах не ставят крестов...

Это неверно. Если в могиле лежат одни православные или большинство их, то как же не поставить? И часовни ставят поблизости, и даже церкви. Но там, где погребены были богомерзкие «Московские новости» и богопротивная газета «Не дай Бог!», ставить крест ни в коем случае нельзя.

Но представьте себе, нашёлся чудотворец, который, вырыл мощи «Московских новостей» из могилы, отряхнул, покрасил и – а вы говорите чудес не бывает – они воскресли!

Но это меня вообще-то не интересует. Совсем другое дело заявление Виктора Григорьевича на помянутом ристалище: «За симпатию к Сталину надо

судить!» Вы подумайте только: за симпатию... То есть не за преступные дела, как Горбачёва или Ельцина, а всего лишь за мысли, за чувства, за эмоции. У меня есть книга «За родину! За Сталина!», где немало этой преступной симпатии. И вот Лошак готов меня судить. Да что я! Питали симпатию к Сталину, давали ему весьма высокую оценку множество известнейших людей во всем мире – от Ленина до Фейхтвангера, от Керенского до Жукова, от Вернадского до Шолохова... Увы, все они почили, а то и их всех Лошак поволок бы в военный трибунал. Но как показал своеобразный телевизионный плебисцит «Имя России», а ныне показывает там же «Исторический процесс», и теперь миллионы россиян ставят Сталина так высоко, что... Выше даже Исаака Бабеля, которому российские энтузиасты поставили на Украине памятник вслед за памятником Бродскому и Окуджаве в Москве, Чижику-пыжику и Мандельштаму в Ленинграде, а ещё и огурцу в Саратовской области. Что ж, прекрасно, бабелизация страны идёт полным ходом. Могу повторить за поэтом:

Я Бабеля читаю и читал,

Мне Бабель совершенно не противен...

Но Лошака интересует другое, он считает, что памятником Бабелю «Россия продемонстрировала свой деполитизированный подход в отношениях с Украиной». Сударь, да где ж это видано, чтобы отношения между государствами, т.е. внешняя политика была бы «деполитизированной»? Деполитизированная политика! Господи, до чего ж телевидение может довести даже платежеспособных господ!..

Так вот, как же быть с помянутыми миллионами, товарищ Лошак? «Под суд!..» Это ж как надо ополуметь на почве демократии. Не соображает даже того, что ему могут ответить в тот же мистический лад: «За симпатию к «Огоньку» и его редактору подписчиков журнала и читателей надо отправлять на съедение крокодилам в реке Лимпопо, а за антипатию – награждать орденом «За заслуги перед Отечеством» первой степени».

Но можно запустить и другой проект. Средневековая путинская цивилизация дошла уже до живописного показа по телевидению во всех подробностях с воплями, судорогами и корчами процедуры изгнания попами беса из психов и юродивых. Вот было это десятого сентября в программе «Постскриптум» у белого и пушистого Алексея Пушкиова. И все видели, как у одного дебила бес выскочил из заднего прохода и побежал в Кремль. Вообще-то первыми процедуре изгнания беса демократии надо бы подвергнуть именно обитателей Кремля - президента и премьера заодно с Новодворской, но можно начать и с таких, как Лошак.

Впрочем, что взять с Лошака! Разве кто доказал, что он дитя верблюда и ослицы? Разве есть надежда изгнать из него беса? Нет же. Бес там в печёнках сидит. А вот Михаил Прохоров... Рост два метра с чем-то! Вот где может быть целое обиталище бесов. Недавно его наградили каким-то орденом. Как полагается, вручать награду должен был президент Медведев. Но представляете, как он при этом выглядел бы при его росте? Поэтому попросил навесить орден

на долговязого миллиардерщика своего дружка напёрстного Путина.

Когда Прохоров объявил, что хочет возглавить партию «Правое дело», это вызвало эманацию восхищения известной архи-экстра-суперзвезды Пугачёвой на страницах «Комсомольской правды»: «Миша по определению не может быть плохим человеком». По какому определению? Известно, мол, что все Миши в мире – не плохие человеки? Да, есть среди них даже очень не плохие – Миша Ломоносов, Миша Лермонтов, Миша Булгаков, Миша Ботвинник... Но как быть хотя бы с Мишей-Два-Процента или Мишей Саакашвили, которого Путин грозился при случае повесить за причинное место?

«Миша – патриот! - продолжала певичка. - Он вырос на моих песнях». А много ли, сударыня, патриотизма в ваших песнях? Вот у Дунаевского или Пахмутовой – да, а где у вас? «Арлекино» - это подражание «Варягу»? «Всё могут короли» - вариация на тему «Широка страна моя родная»? «Миллион алых роз», неизвестно где, на какой почве и кем выращенных – это в одном ряду с песней «Вставай страна огромная!...»? А не вы ли поёте «Выпьем за тех, кто командовал ротами, кто умирал на снегу...»?

«Миша не воровал, не ворует и не будет воровать!» И теперь это называется самоотверженным патриотизмом? А воровал или нет, как говорится, вскрытие покажет. Но уже теперь вспоминается не столь давний рассказ Путина по телевидению о 87 миллиардах, пожалованных Мише для спасения от краха во время кризиса, которые он не отработал.

Пробелы в домашнем воспитании миллиардерщика Прохорова

Или Путин что-то сморозил? Или я что-то путаю? Мне ведь самому как раз 87.

«Миша не обременён семьёй. Он считает, что его семья – Россия!» Ну, мы это уже слышали:

*Моя фамилия – Россия,
а Евтушенко – псевдоним.*

И с такой великой фамилией со всей семьёй укатил в Америку, где, вероятно, не знают, что у него есть и третья фамилия – Гангнус.

А у Прохорова, несмотря на помощь Большой Берты в образе Пугачёвой, дело обернулось уж просто небывалым конфузом: его – фундатора и лидера, вождя и диктатора, наших дней Калигулу и Креза в одном флаконе, наделённого правом единолично исключать из партии «Правое дело» кого угодно, самого лично исключили из партии.

Но больше всего меня удивило в этой передаче заявление миллиардерщика, что его очень хорошо воспитали родители, и в свете прекрасного домашнего воспитания он негодовал и обвинял коммунистов в том, что они «приватизируют и победу в Великой Отечественной войне и выход в космос Юрия Гагарина». Этот вопрос поважнее проблем Арлекино, королей и Большой Берты.

Тут две стороны. Во-первых, коммунисты и сочувствующие им сограждане в печати и на улицах городов широко, увлеченно, от души празднуют День Победы и отмечают годовщины великих битв. А что делают в это время люди вашего круга, Михаил Дмитриевич? Ведь Радзинский, Радзиховский, Сванидзе, Млечин, два Пивоваровых, Резник это люди вашего

круга, не так ли? Во всяком случае, у них тоже прекрасное домашнее воспитание и они, как и вы, сильно преуспели при средневековом режиме и поносят как советское прошлое, так и нынешних патриотов, в том числе коммунистов. Так вот, они, как вы могли заметить, накануне помянутых дат, в самые эти дни или вскоре после них выступают с публикациями, речами, фильмами, в которых выискивают наши военные неудачи, раздувают их и пляшут на костях жертв. Не замечали за горой своих миллиардов? Ну, посмотрите хотя бы фильм одного из Пивоваровых, показанный в этом году по НТВ к Дню Победы. Мало? Тогда почитайте статью М.Солонина, напечатанную в «Комсомольской правде» к дню начала войны. Может быть, тогда что-то поймёте. Конечно, патриоты дают им отпор. Так что, мы не приватизируем Победу и готовы признать, что за неё проливали кровь и отец Радзинского, и дед Радзиховского, и бабушка Сванидзе, и дядя с тётей Млечина, и ваша кормилица... Мы не приватизируем великую Победу подобно тому, как олигархатые хапнули великое богатство народа, - нет, не приватизируем Победу, а защищаем её. И если вы считаете, что Пугачёва верно аттестовала вас, как патриота, то вам следовало бы принять посильное участие в нашем отпоре клеветникам.

Это одна сторона вопроса. А вторая состоит в том, что коммунисты, вся коммунистическая партия сыграли великую роль и в достижении победы над фашизмом и в прорыве в космос. Вот несколько цифр для размышления вам с родителями. К июню 1941 года в армии и на флоте было 593 тысячи коммуни-

Пробелы в домашнем воспитании миллиардершика Прохорова стов, а в конце этого года уже 1 миллион 234 тысячи, что составляло более 40% всей партии. К концу года свыше 500 тысяч коммунистов сложили головы в борьбе с нашествием. К концу войны число коммунистов на фронте возросло до 3 миллионов 324 тысяч. И ни одного из «Единой России». Помните при этом, что ЦК ВКП(б) направил для руководства народной борьбой в тылу врага 565 секретарей обкомов, горкомов и райкомов партии, 204 председателей областных, городских и районных Советов. Среди них – ни души из «Справедливой России». В различные периоды в оккупированных районах вели работу 90 подпольных обкомов, окружкомов, 620 горкомов, райкомов, партийных центров... При этом, например, в Смоленской области погибло 42 секретаря горкомов и райкомов. И хоть бы один-единственный жириновец! А всего за войну погибло 3 миллиона коммунистов (ВОВ. Энциклопедия. С. 354-360).

И примите во внимание, что коммунистами, а не участниками «Народного фронта», были Верховный Главнокомандующий, все члены ГКО, Ставки, все работники наркомата обороны, Генштаба, все командующие фронтами и армиями, большинство генералов и офицеров, множество сержантов, старшин и рядовых. Полезно вам знать и о том, что за годы войны звания Героя Советского Союза были удостоены около 12 тысяч человек, из них 8232 – коммунисты, 1471 – комсомольцы (Герои Советского Союза. М., 1984. С. 190). А если ещё вспомнить, что, с одной стороны, среди Героев более 70% были русские (там же, с. 191), а русских среди погибших - 66,3% (Все-

российская книга памяти. М., 2005. С. 253), то можно признать, что имеются веские основания считать Красную Армию коммунистической русской армией. Именно русской и называли её в годы войны в своей переписке Сталин, Рузвельт и Черчилль. Подобно тому, как наша родина называется по имени государственнообразующего народа Россией. В свете этих цифр, и радостных и трагических, можно понять и то, почему Сталин провозглашая тост за Советский народ, подчеркнул особую роль русского народа.

Что же касается прорыва в космос, то ведь и Сергей Павлович Королёв и Юрий Гагарин не в «Яблоке» состояли, не в вашем «Правом деле», а тоже были коммунистами. Как же всем этим не гордиться коммунистам нынешних дней! Отсюда и то именно, что вам мерещится приватизацией. Да мы не только войну приватизировали. Вот приближается 300-я годовщина со дня рождения помянутого Михаила Васильевича Ломоносова. Что в связи с этим предприняли ваши друзья? Какая партия готовится к этому? Я подозреваю, что люди вашего круга и не знают, кто такой Ломоносов. Спросите, допустим, у Немцова Бориса Ефимовича. Не удивлюсь, если он ответит, что это известный хоккеист. Так вот, а коммунисты уже приняли постановление о предстоящем юбилее и опубликовали его. Да разве только в Ломоносове дело! Достоинно отмечали юбилеи и Пушкина, Толстого, Есенина, Горького, Маяковского, Шостаковича... А вы? Вот в передаче «Апокриф» по ТВ проф. И.Волгин просвещал народ об эротических достижениях творца «Войны и мира»; показали по тому же

Пробелы в домашнем воспитании миллиардерщика Прохорова

ТВ фильм о Есенине, который ужаснул даже Евтушенко; издали книжечку о Шостаковиче, представив великого композитора лицемером, лжецом и тряпкой... И ведь этому нет конца. Так что, только мы, патриоты, защитники и хранители великой русской культуры.

Таковы факты, Михаил Дмитриевич. В Куршевле вы о них, конечно, узнать не могли, девочкам по вызову о них неизвестно, но странно, что на сей счёт не просветили вас родители, которые, возможно, и сами были коммунистами, но духовно погибли под тяжестью ваших миллиардов.

ОТ ЛЬВА ТОЛСТОГО ДО ИГОРЯ ВОЛГИНА

24 АВГУСТА 2011 Г.

Только что вернулись с женой из Ясной Поляны, куда ездили с милыми друзьями-уральцами Лебедевыми на их машине. Насмотрелись, надышались, намолчались у великой могилы. И даже привезли две банки мёда с толстовской пасеки. Колдует там с пчёлами старушка Мария Петровна, божий одуванчик...

А что нового в первопрестольной? Стал просматривать газеты. Взял «Литературку». На первой полосе сообщение, что в Одессе на российские средства сооружён памятник Исааку Бабелю. Тут и фотография памятника. Прекрасно. Уже поставлены памятники Окуджаве (на Арбате, видимо, на украинские гривны), Чижику-пыжику (в Ленинграде, вероятно, на рубли тех, кто с ним на Фонтанке водку пил), поэту Иосифу Бродскому (в Москве против американского посольства, возможно, на американские доллары), русскому Огурцу (кажется, в Саратове, может быть, на гроши тех, кто опохмеляется огуречным рассолом), и вот теперь — Бабелю. Замечательно! Бабелизация страны идёт на всех парах. Что сказал бы об этом Лев Николаевич, запретивший даже панихиду о себе?

Что там ещё? Отменная статья Александра Кондрашова «Старообрядец Сванидзе». По-моему, больше подошло бы толстовское заглавие «Живой труп». Ну, в самом деле, вот схватился он в умственном поединке с Сергеем Кургиняном, и тот разгромил его со счётом зрительской поддержки 60 тысяч против

6 тысяч или 10:1. То есть сражен, убит, раздавлен — труп! Но он поднимается и опять лезет — живой!

А. Кондрашов уместно напомнил, что ведь Сванидзе, корифей и символ «подавляющего либерального меньшинства», при Ельцине руководил телевидением и всеми его могучими средствами защищал, прославлял преступный режим, при котором население вымирало по миллиону в год, и больше всего, конечно, русских. Вслед за патриотами, которые давно кричат об этом со всех лобных мест, только что сей факт признал, наконец, на съезде «Единой России» и сам товарищ Путин. Сдвиг всё-таки. А корифей, ничему не научившись за двадцать лет, никак не может терпеть другую точку зрения, т.е. хоть отчасти быть либералом. «Подобно антирелигиозным (как и религиозным — *В.Б.*) фанатикам,— пишет А.Кондрашов, — он не способен к соглашению, упёрто ведёт дело к расколу, к развалу и наращивает всенародную ненависть к либералам. И речь идёт о развале уже России».

И тут же: «От Сванидзе пахло большевизмом, Троцким, с симпатией упомянутым». Ну, они его все поминают с большой симпатией: Радзинский, Млечин, Чубайс... Но надо заметить, что В.И.Ленин, знавший Троцкого несколько лучше, чем мы с Кондрашовым, незадолго до смерти в известном «Письме к съезду» счёл нужным напомнить большевикам именно о «небольшевизме» Троцкого. Так что давайте каждому — своё: котлеты — нам, а дохлые мухи троцкизма — живому трупу. Тем более, что большевики не развалили Россию, а спасли её от развала,

объединили и вывели на небывалую высоту, достойную гения Льва Толстого.

27 АВГУСТА 2011 Г.

В «ЛГ» известный историк Юрий Жуков отвечает на вопросы газеты о его книге, странно озаглавленной «Первое поражение Сталина». Будто у него их было невпроворот, и вот первое. Автор говорит, что двадцать лет размышлял, пытался понять, почему распалась великая держава, и пришёл к выводу, что «при самом создании первого в мире социалистического государства в его фундамент была заложена мина замедленного действия». И кто же заложил? Оказывается, сам создатель — В.И. Ленин. А что за мина? Статья Конституции о том, что «все союзные республики имеют право на отделение». Ну, во-первых, для этого всё-таки требовалось два условия: внешняя граница и население не меньше одного миллиона. До войны по второму признаку не могла отделиться, скажем, Эстония. Но не в этом дело.

Главное, уверяет историк, что из-за статьи-мины «в конце 80-х годов центральное руководство Советского Союза не смогло(!) противостоять(!!!) сепаратизму в национальных республиках». Господи, ведь всё происходило на его глазах, на памяти взрослого образованного человека, историка. И вот!.. Да какое такое центральное руководство противостояло? Кто именно «не смог»: министр иностранных дел Шеварднадзе? член Политбюро Яковлев? президент Горбачёв?.. Первый трусливо подал в отставку с высокого поста, улизнул от всякого противостояния и

ответственности. Второй поехал в Прибалтику и не противостоял сепаратизму, а разжигал его, но, вернувшись в Москву, уверял, что там всё в порядке. Третий, вместо того, чтобы немедленно арестовать и предать суду, как изменников, Ельцина, Кравчука и Шушкевича, ликвидировавших в Беловежской пуще единое государство и немедленно доложивших об этом американскому президенту, дрожал за собственную шкуру в кремлёвском сортире. А ведь всё было бы иначе, «если бы, — как тосковал Толстой, — правительство было хоть немного русским!» Необязательно по паспорту, конечно, а по духу. Ведь вот в эти годы прошли перед нами один за другим четыре премьера-еврея и четыре вице-премьера — тоже. Как в Израиле. Я не против, мне не жалко, ешьте. Но...

Оказывается, серб Душан Маковицкий, врач Льва Толстого, оставивший четыре огромных тома «Яснополянских записок», был антисемитом. В.Ф.Булгаков, последний секретарь писателя, заметил в дневнике: «Если бы не этот недостаток, то Душан был бы святой», — говаривал Лев Николаевич о своём друге». И пытался переубедить его: «Симпатичные черты можно найти у всякого народа. И у евреев есть выдающиеся черты, например, их музыкальность... Недоброе чувство может быть только к отдельному человеку». Действительно, вот, допустим, отдельно взятые Сванидзе или Млечин — у них и музыкального чувства нет! И, как показывают телевизионные «поединки», у огромного большинства сограждан нет к ним доброго чувства за их идеи и суждения, а к их противникам

— великое. Что же до четырёх ельцинско-путинских премьеров и четырёх заместителей их, то, может, и есть у них музыкальность, даже отменная, как у Цфасмана, однако русский или, лучше сказать, государственный дух, был лишь у одного, и как только он проявил сей русский дух, пригрозил хапугам нарами, так Ельцин тотчас его выставил и посадил в кресло премьера очередного музыкального еврея. «Душан Петрович спорил с Львом Николаевичем с большим упорством». Сейчас непримиримый друг писателя, вероятно, использовал бы доводы и наших дней, утверждая, будто Чубайс и Немцов — типичны.

Но вернусь к Ю.Жукову. Он изображает дело так, словно в «распаде» СССР всё происходило совершенно закономерно, в полном соответствии с конституцией. Если память отшибло, полистал хотя бы убийственные «Парламентские дневники» бывшего Председателя Совета Республики Верховного Совета РСФСР Владимира Исакова (Екатеринбург, 1997) или его же «Расчленёнку» (М., 1998). Это был вовсе не распад, а разгром страны уже после плебисцита, на котором 76% граждан разных республик и национальностей твёрдо сказали: «Мы, народ, за единство Советского Союза!»

А статья о праве на отделение появилась в конституции 1918 года вполне закономерно: страна разваливалась, в разных её углах появилось множество всяких образований вроде Дальневосточной республики во главе с разного рода органами власти: Радой, Сеймом, Курултаем... И объединить страну одним только кнутом в виде, допустим, Первой

конной армии, было невозможно, нужен был ещё и пряник этой статьи, и Владимир Ильич его выпек. Автор пишет, что «к тому времени Ленин был уже серьёзно болен и не всегда адекватно оценивал происходящее». Нам бы с вами, дорогой Юрий Николаевич, ленинскую неадекватность. В 1918 году он был вполне здоров, хотя, в отличие, допустим, от Медведева, жил и работал с двумя пулями в теле. А Сталин, действительно, выступал за автономизацию. Но ведь и в этом случае границы прошли бы там же, где они пролегли при федерализации.

Другое дело, что, действительно, «эта статья никогда не снабжалась никакими пояснениями: на основании чего может произойти отделение, какие должны быть выполнены процедуры» — тут автор совершенно прав. Это было непростительное упущение. В конституции должны быть «пояснения» и к статье о передаче какой-то территории от одной республики другой. Этого не было, чем в своё время и воспользовался Хрущёв для передачи Крыма ридной мати Украине. Надо думать, первым условием и в том, и в другом случае должен быть плебисцит. Его не было в Крыму. Нет сомнения, что жители, в большинстве русские, проголосовали бы за Российскую Федерацию. Я уверен, что даже и в Прибалтике как в 1989 году, так и в 1991-м население проголосовало бы за СССР, но там националистическая власть не проводила плебисцит.

Но почему же Сталин не осуществил план автономизации после смерти Ленина, допустим, в 30-годы или после войны? Есть дела и положения, в кото-

рых обратный ход уже невозможен. Именно так и тут: вдруг понизить статус союзных республик, уже вкусивших его достоинства и преимущества, было просто невозможно, это оказалось бы унижительно для республик и способствовало бы росту национализма. Больше того, в конце войны федерализм был даже углублён: в некоторых союзных республиках были созданы свои министерства иностранных дел, а Украина и Белоруссия наряду со всем Советским Союзом стали членами созданной сразу после войны Организации Объединённых Наций.

Но статья об отделении оставалась неразработанной, чисто декларативной — видимо, потому, что национальная политика в целом была вполне успешной, и никому в голову не приходило, что кто-то когда-то захочет отделиться. Конечно, это было недальновидно.

30 АВГУСТА 2011 Г.

Продолжаю просматривать накопившиеся газеты. В «ЛГ» большая статья уже поседевшего, но всё ещё небритого Сергея Миронова, только что «без инфаркта и паралича» перенёсшего отлучение от Совета Федерации. Между прочим, когда Синод отлучил от церкви Толстого, то сперва Софья Андреевна, а потом сам писатель дали на это достойные ответы Победоносцеву, обер-прокурору Синода, который, по слову Блока, «над Россией простёр совиные крыла». Интересно, а как встретила отлучение Миронова от Совета Федерации его софья андреевна? И что сам он сказал или написал прокурору Чайке или обер-

прокурору Медведеву, простёршему над Россией свои крыла? Неужели проглотил пилюлю молча?

Тогда, в 1901 году, на выставке передвижников в Петербурге к репинскому портрету Толстого люди несли и несли цветы до тех пор, пока перепуганная власть не убрала портрет. Но вот на съезде «Справедливой России» нам показали большой портрет отлученца с седыми усами — и хоть бы один одуванчик! Тогда Толстой получил множество приветственных писем и телеграмм, в том числе такие, под которыми стояло 398 и более тысячи подписей. Миронов уверяет: «Я получаю великое множество писем». По свидетельству Булгакова, больше всего писем Толстой получал от крестьян. А кто пишет Миронову? И много ли сочувствующих его отлучению? Тогда устами Александра Ивановича Куприна, страницами его прекрасного рассказа «Анафема» своё слово в защиту гения сказала и русская литература. А кто из нынешних писателей заступился за отлученца наших дней? Не заступился даже Валентин Распутин, хотя тот поставил его сразу, вплотную за Достоевским. Тогда в Полтаве на спектакле «Власть тьмы» зрители устроили бурную овацию автору. А было ли что-нибудь подобное в честь Миронова на спектакле съезда его партии? Тогда рабочие Мальцевского стекольного завода прислали писателю красивую глыбу зеленого стекла, на которой было написано: «Пусть отлучают Вас как хотят и от чего хотят фарисеи. Русские люди всегда будут гордиться Вами — великим, дорогим, любимым». В кабинете Миронова, говорила мне Людмила Ивановна Хитяева, когда мы встре-

тились в университете С.Бабурина, была богатая коллекция минералов. Покидая своё место, он передал коллекцию в музей. Похвально. Однако ни на одном камешке не было ни единого доброго словечка...

Но о чём же статья-то? О, тут полный джентльменский набор драгоценных минералов отлучённого интеллекта: от Козьмы Пруткова («Зри в корень!») до Достоевского («Борются Бог с дьяволом...»). А между ними — и Бердяев, и «мудрые идеи академика Сахарова», блаженного, и «казарменный социализм советского образца», и ужасный «призрак Сталина», и восхищение «шведским социализмом», и гневный, но мудро безадресный вопль «Сколько можно терпеть грязь, пошлость, цинизм, хамство, невежество!...», и, наконец, пошлость в натуральном живом виде.

В кресло Миронова посадили Валентину Матвиенко. Это рождает недоумение. Да неужели в Москве невозможно сыскать подходящую фигуру? Ведь уже много лет Матвиенко работала в Ленинграде, знает обстановку и её там знают, и с удовольствием отправили в Москву. Но власти-то зачем срывать человека с насиженного места? Да неужто так незаменима? И приходится сделать вывод: у либералов кадровый голодомор. Или это только для того, чтобы досадить бедняге Миронову, грозившему недавно сменить в Ленинграде власть во главе с мадам? Очень похоже...

Представлял сенаторам Валентину Ивановну старейший из них — Николай Иванович Рыжков, последний советский премьер. Ах, какую пылкую речь произнёс он о своей бывшей соратнице! Но одно

место меня изумило. Она, воспитанница Академии общественных наук при ЦК КПСС, кавалерша ордена Трудового Красного Знамени, возглавляла Комитет Верховного Совета по делам женщин, охраны материнства и детства. Мы, говорит, работали в тесном контакте, не покладая рук, и добились великого достижения во благо женщин. Старшее поколение, говорит, помнит, как наши матери и жёны, сёстры и дочери через неделю после родов шли к станку и в поле, в школы, в магазины, на железную дорогу... Словом, вот она какая была зверская Советская власть.

Через неделю?.. Боже мой, и это мы слышим от главы советского правительства, члена Политбюро, человека, которому уже перевалило за 80! Да как вам не совестно, любезный? Что, ваша супруга Людмила Сергеевна родила дочь Марину и через неделю побежала на «Уралмаш» к станку? Вы и Матвиенко не можете не знать, что в советское время существовал так называемый «декретный отпуск». По нему женщине предоставлялся целиком оплаченный отпуск на 56 дней до родов и на 56 дней после родов. Если она рожала более одного ребёнка или роды были по каким-то иным причинам тяжёлыми, то послеродовой отпуск составлял 70 дней. Кроме того, правда, уже без оплаты, роженица имела право не работать до года. Это для вас новость? Вступление Матвиенко в новую высокую должность вы с самого начала обставили ложью.

А чего же именно вы добились? Во всех случаях — 70 дней, как раньше при тяжёлых родах. Так

сейчас все роды и есть тяжёлые. При вашей власти широко распространилась страшная, ранее очень редкая трагедия: вроде бы успешно зреющий плод вдруг перестаёт развиваться, умирает во чреве. А чего стоят муки женщин, которым приходится ехать рожать в далёкий город, потому что в их городе или посёлке ликвидированы либо вся больница, либо родильное отделение, которые раньше были в любой крупной деревне, как, например, в моём Рыльском, что в Тульской области на Непрядве, где теперь больницы нет.

Но что ж вы с Матвиенко молчали, когда было ликвидировано учреждённое во время войны звание «Мать-героиня» и орден «Материнская слава» трёх степеней с их немалыми льготами? Правда, через несколько лет восстановили в демократическо-комическом виде как награду обоим супругам. Как же! Муженёк тоже потрудился на славу. Мы, ельцинисты, за справедливость, за равенство во всём и в этом деле тоже...

А не вы ли придумали «Материнский капитал», который не так-то просто получить? А если мать, увы, умерла, то вдовцу, как об этом рассказывало телевидение, приходится обивать пороги судов, где ему говорят: «Капитал-то материнский, а мать умерла — всё. Закройте дверь с той стороны». Не хватило ума даже на то, чтобы назвать сей великий «капитал», на который можно построить хорошую собачью будку с отоплением и клозетом, детским.

Впрочем, вы оба, пожалуй, могли и забыть о советском декретном отпуске, ибо у вас — всего одна

дочь, у Матвиенко — всего один сынок, а вот Софья Андреевна Толстая родила тринадцать детей. По советскому закону — мать-героиня. И она, графиня, действительно через неделю приступала к своим многочисленным обязанностям по хозяйству, переписыванию рукописей мужа, приёму и устройству бесконечных гостей и посетителей. У неё отпусков не было. Может быть, тут и есть одна из причин того, что пятерых они схоронили.

У вас, Николай Иванович, много наград: по два Ордена Ленина, Трудового Красного Знамени и Государственных премий да ещё орден Октябрьской революции... Сдайте их в музей Толстого на Кропоткинской — им тошно у вас. А там пусть их перепишут на имя Софьи Андреевны, великой труженицы и святой мученицы. А путинский орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени и медведевский «Похвальный лист» за хорошее поведение можете оставить.

2 СЕНТЯБРЯ 2011 Г.

Включаю телевизор. Выпуск новостей. Новость №1: у Берлускони 35 любовниц. Рассказывается об этом подробно, дотошно, с портретами — и нескольких качественных любовниц, и организатора гаремного проекта, и самого неуёмного шалуна с подбитым глазом от брошенного в него недавно бронзового сувенирного макета Миланского собора. А в самом конце выпуска новостей как о занятом пустячке — сюжет о возвращении с космического корабля «Союз ТМА-21» Андрея Борисенко, Александра Самокрутова и Рональда Гарана. Это, мол, советская пропаганда из

таких событий делала сенсации, а у Эрнста, Добродеева и Кулистикова новый, свежий взгляд на вещи: нет на свете ничего интересней и увлекательней, чем блуд, тем паче — на таком государственном уровне и такого размаха. И разве посмеют им возразить на это президент или премьер? Путин в этот же день лишь пошутил о проказах друга Берлускони, а работа своего телевидения, отучающего сограждан думать государственно и патриотично, его не касается. Какой там патриотизм, если с утра гражданам России впаривают важнейшую новость о 35 любовницах.

30 апреля 1910 года Толстой сказал Булгакову: «Все изобретения цивилизации удобны и интересны только сначала, а потом они надоедают. Вот хотя бы это, — он указал на граммофон, — ведь это просто ужас!..» Граммофоны тогда только появились. А что сказал бы Лев Николаевич о нашем телевидении с его враньём, порнографией и круглосуточной свистопляской, с его Млечиным и Собчак, Пивоваровым и Радзинским, СПС и Моисеевым...

3 СЕНТЯБРЯ 2011 Г.

Прочитал в «Комсомолке», что Никита Михалков сам выдвинул свой фильм «Цитадель» на «Оскара», а члены нашего комитета по этой американской премии поддержали его. Однако не только Владимир Меньшов, председатель комитета, отказался подписать решение коллег, но и Андрей Кончаловский, родной братец, не выдержал. Да как же так можно, говорит! Взять хотя бы то обстоятельство, что ведь братан поставил трилогию.

Действительно, кинотрилогия: «Утомлённые солнцем» (1994), «У.С.-2» (2010) и «Цитадель» (2011). И первая часть в своё время получила «Оскар» или что-то вроде него. Это было совершенно неправомерно: премия за часть трилогии! Но американцы не могли тогда не дать её за такое люто антисоветское, жлобски антисталинское творение. И вот теперь выдвигается последняя часть трилогии? Нелепость! К тому же, во-первых, фильм катастрофически провалился в прокате: его постановка обошлась нам с вами, читатель, в 40 миллионов рублей, а вернуть удалось что-то около 5 миллиона. Где 35 миллионов, Зин? Так же было и с «У.С.-2». Пенсионер Г.Л. Качара, живущий в Новосибирске, рассказал в «Советской России», как пошёл он в кинотеатр посмотреть этот фильм, а там, кроме него, ещё только один зритель. В чём дело? Время самое подходящее – 8 часов вечера. Администратор говорит: «Кина не будет. Вот если бы набралось хоть семь человек...». Пенсионер сказал: «Чёрт с вами. Будет вам семь человек: две живых души да пять мёртвых». И купил ещё пять билетов. Так в обществе мертвых душ посмотрел он этот шедевр. И такое сей шедевр произвёл на пенсионера впечатление, что потом, когда выяснил, что по закону никакого ограничения числа зрителей в зале нет, он подал на кинотеатр в суд, и отсудил 900 рублей за билеты для мертвых душ и тысячу – за моральный вред для своей живой души.

Всего лишь тысяча – несправедливо. Вред-то огромный! Ну, каково нормальному человеку смотреть, как наши солдаты идут на штурм немецкой

крепости с палками в руках. Михалков говорит в духе Кулистика: «Это новый современный взгляд на войну. Я его выстрадал! А зритель до него пока не дорос». Но я не исключаю и того, что режиссёр втайне мыслил себя при этом не столько новатором, сколько продолжателем толстовский традиций. Ведь Толстой, писал в «Войне и мире» о «дубине народной войны», которая гвоздила армию Наполеона. Ну, дубина, дрын, скалка, бейсбольная бита – какая разница! Вот скалкой в его фильме и гвоздят оккупантов.

И нашёлся единомышленник, защитник певца скалковой победы в лице Глеба Панфилова: «Цитадель» не получила хорошего проката? Так это здорово!.. Помните, как ругали Сергея Бондарчука за «Войну и мир»? О потом он «Оскара» получил!» (КП. 21.9.11). Сравнил фаллос с пальцем. Кто ругал «Войну и мир»? Была восторженная пресса. И я, в том числе, напечатал тогда в «Красной звезде» весьма похвальную статью. И «Оскара» Бондарчук получил не потом, а именно тогда. А «потом» - это грязное поношение великого артиста на пленуме СК в 1989 году.

Уже то, что Михалков назвал фильм «Цитадель» свидетельствует о его незнании войны. Ведь таково было у немцев кодовое наименование Курской битвы, одной из величайших битв Второй мировой. И я, как многие, был уверен, что фильм о Курской битве, в которой решающую роль сыграли танки, а тут вдруг – скалки... И название «Утомлённые солнцем» неудачно. Это же слова из пошловатой и не шибко грамотной песенки из репертуара Вадима Козина:

*Утомлённое солнце
Нежно с морем прощалось.
В этот час ты призналась,
Что нет любви..*

Не любви нет – куда она может деться? - а конкретная она не любит или разлюбила конкретного его, но не может сказать это грамотно.

*Мне немного взгрустнулось
Без тоски, без печали...*

Как это взгрустнулось без печали? И дальше такая же чушь.

Так можно ли брать заглавие для серьёзного по замыслу фильма из песенки такого пошиба? А «Сибирский цирюльник», сделанный из «Севильского цирюльника»? Это приемлемо для фельетона, а не для грандиозного опять же только по замыслу фильма. Всё это безвкусица, пошлость, неуклюжесть.

Между прочим, Толстого дважды выдвигали на Нобелевскую. Дать смутьяну, конечно, не могли. Так мировая общественность кинулась его утешать. Вот уж он смеялся...

5 СЕНТЯБРЯ 2011 Г.

Открываю «Советскую Россию». О! Вот и премьер. Групповой снимок. Перед ним сидит несколько человек, и он их поучает, в кого-то тычет пальчиком. Видимо, говорит им о великом значении своего Народного фронта, в который сидящие перед ним уже вступили или должны вступить. И в кого же он тычет? Мамочка родная! В Валентину Терешкову и Анатолия Карпова. Ах, Валентина! Однажды в ЦК

комсомола оказался я с вами вместе в лифте и с каким обожанием смотрел на нашу Чайку. А вы, Анатолий, помните ли мою большую статью о вас «Gens una sumas» в «Нашем современнике» ещё в 1988 году? Я с таким увлечением писал её, и она тогда произвела в шахматном мире столь приятный вам шорох! Если бы я мог знать, что через двадцать лет вы станете солдатом путинского фронта...

7 СЕНТЯБРЯ 2011 Г.

Сегодня в «Литературке» статья Юлиана Королёва «Отлучение от Льва Толстого». Это как же можно отлучить от писателя — запретить его книги, что ли?

Оказывается, известный литературовед Игорь Волгин, профессор филфака МГУ (в молодости стихотворец) под одной обложкой опубликовал последний дневник писателя и свою работу «Лев Толстой как русский скиталец». Ну, что ж, пусть под одной, не в этом дело. А в том, что профессор счёл уместным рассуждать о таких сторонах интимной жизни писателя и его жены, которые раньше было достоянием лишь их дневников. Ведь Толстой вёл несколько дневников: один — «Ежедневник», т.е. краткие записи о событиях и встречах в течение дня вроде заметок на перекидном календаре, что делают многие; второй — события и пространные размышления, философствования, который он вёл с девятнадцати лет до предсмертного дня; третий — «тайный» дневник; четвёртый — «дневник для одного себя». Только для себя, чтобы что-то не забыть! И очень странно, как можно было два последних дневника

обнародовать без малого миллионным тиражом, допустим, в 22-томном собрании сочинений в 1985 году.

Софья Андреевна тоже вела и «ежедневник», и обстоятельный (два тома!), но не регулярный, дневник. Какая может быть регулярность при тринадцати родах и пяти смертях детей, не говоря уж о переписке всех рукописей мужа и всё́м хозяйстве, лежавшем на её плечах? А изданные в 70-е годы помянутые выше «Яснополянские записи» врача Маковицкого? Да ещё дневник В.Ф. Булгакова, последнего секретаря. Мне довелось с ним видаться и беседовать в Ясной Поляне летом 1960 года и получить в подарок переизданную тогда книгу «Л.Н.Толстой в последний год жизни». Потом мы переписывались. Да ещё воспоминания Б.А.Гольденвейзера. Да ещё переписка писателя и с женой, и с другом, единомышленником В.Г.Чартковым, со многими другими...

Так вот, во всех этих записях, письмах почти за полвека семейной жизни, а у Льва Николаевича на пятнадцать лет больше, как уже сказано, немало интимных подробностей, частных, бытовых мелочей. И тем, кто читал, всё это давно известно, кто интересуется, тот знает это, помнит.

Но вот в литературоведческом сочинении рассуждать о том, что в молодости великого писателя постигла «нехорошая болезнь»... Во-первых, хороших болезней не бывает. Во-вторых, уверять, по словам Ю.Королёва, что сия болезнь «подвигла Толстого начать писание своего дневника, сделать шаг к духовному самоопределению и самоконтролю», это, как

сказал другой классик, сюжет, достойный кисти Айвазовского, а я скажу — речи Медведева.

Ну, насчёт самоконтроля возражать не приходится. Ведь когда-то сам Пушкин призывал друга к самоконтролю и опасению ещё более нехорошей болезни:

*И то-то, братец, будешь с носом,
Когда без носа будешь ты.*

Но как жаль, что Игорь Леонидович Волгин в молодости болел только стихами и, как видно, не сподобился подхватить интересующую его болезнь, хотя шансы, возможно, и были. А если бы подхватил, глядишь, достиг бы такого «духовного самоопределения», что тоже выбился бы в классики.

Далее литературовед фиксирует наше внимание на том, когда именно гения навсегда покинул Эрос. Но странно, автор почему-то не говорит, на что, в смысле духовном и творческом, это подвигло великого писателя земли русской. Или ни на что? А почему? Допустим, помянутая пьеса «Живой труп», написанная, когда Толстому было уже за семьдесят, не явилась ли как раз итогом отлёта Эроса? Ведь очень похоже: Федя Протасов бежал от жены, притворился трупом!

А однажды, в передаче телевидения «Апокриф», которую ведёт известный писатель европейской культуры, профессор Волгин даже поведал нам о том, как всемогущий и бесстыдный Эрос в некий час настиг гения аж в сапогах. А годы-то были уже пенсионные. И об этом — по телевидению! Для всего народонаселения державы, включая школьников и

ветеранов войны, которым опасны любые стрессы. Да не пригласить ли Берлускони в МГУ заведовать кафедрой русской литературы? Он всё-таки своих 35 любовниц, стесняясь публичности, скрывал.

Того, кто читал прекрасные книги великого писателя, знает его биографию, но не осведомлён об эротической стороне его жизни и не интересуется ею, Ю.Королёв обвиняет в «непростительном невежестве», ибо всё это «зафиксировано в записях и Толстого, и Софьи Андреевны, и Маковицкого, и Гольденвейзера и широко известно». Да, широко, но в узких кругах, особенно — в кругах толстоведов, ибо люди предпочитают читать сами художественные произведения писателя, а не дневники, не переписку его или жены, Маковицкого или Гольденвейзера. Вот, допустим, четырехтомник Маковицкого, каждый том страниц по 500 большого формата. Кто, кроме толстоведов, будет его читать? Тираж 15 тысяч экземпляров. И вполне достаточно. Нет нужды в дальнейшем просвещении народа на сей счёт.

В.Королёв уверен, что Волгин устно и письмен-но «касается всех этих рискованных сюжетов с поразительным тактом, преграждая путь той пошлости, которая всё больше овладевает нашей массовой культурой». Да, вот кинорежиссёр В.Хотиненко и его коллеги уже и Достоевского в постель уложили. Ведь ложился же он в постель не один? Ложился. Почему же не показать? Свобода, блин, свобода!

Но в чём же такт в писаниях и телевыступлениях И.Волгина? Где его преграда на пути пошлости? Нет ответа. А не больше ли такта в воздержании, кото-

рое проповедовал Толстой, в данном случае — в воздержании от копошения в семейном белье, от подглядывания в щёлочку. Ведь все эти «рискованные сюжеты» — не более как именно щёлочка в жизни и творчестве великого писателя.

Скажу о себе. О том, например, что приписывают Чайковскому, я узнал от покойного однокурсника Григория Поженяна, когда мне было, пожалуй, лет двадцать пять. И никогда не верил, хотя слышал о письмах, будто бы подтверждающих сей факт. И вот, 30 июня этого года на страницах «Комсомольской правды» президент Московской психотерапевтической академии профессор Михаил Буянов, профессионально и обстоятельно изучивший вопрос, поведал, что никаких писем не существует, что всё это вранье, которое распустила студентка консерватории Пургольд, упорно мечтавшая женить на себе Чайковского; но он успешно избег её пылких объятий.

Успехи сексуального литературоведения, естественно, радуют не всех. Профессор того же МГУ Владимир Линков в интервью «Толстой и сегодня неудобен и государству, и церкви» (лучше бы не «государству», а «власти»), напечатанном 29 августа в «Московских новостях», усмотрел у Волгина попытку «дискредитировать Толстого как личность». Это, конечно, слишком, и вызвало решительный, язвительный и зубодробительный отпор помянутого Юлиана Королёва. Он считает, что В.Линков — «провинциальный фокусник, грозным партийным слогом изрекающий смехотворные вещи и приписывающий оппоненту свои ночные кошмары», что

его интервью — «сочетание литературоведческой унтер-пришибеевщины с ханжеством позднесоветской эпохи». Это именно пришибеевщина в натуральном виде и есть. Да ещё с таким довеском: «В результате такой «дискредитации Толстого» заметно расширился круг тех, кто кровно почувствовал и полюбил автора «Анны Карениной». Кровно! То есть мы, дескать, и сами знаем эти сапоги Эроса. И с нами самими бывало такое, и в галошах даже, и в противогазе...

Уверяет, что читатели после книги Волгина «Толстого полюбили именно как личность, «живого, а не мумию». Последние слова, видимо, цитата из обращения Маяковского к Пушкину: «Я люблю вас, но живого, а не мумию». Да, живого, но ведь поэт не высказывал недовольства тем, что Пушкину совсем не обязательно быть объектом сексуального литературоведения, для любви к нему вполне хватало его произведений. Маяковский, как и нормальные читатели Толстого, понимал и то, что в натуру почти всякого «живого человека» (есть асексуалы) природой заложена сексуальная потребность, однако звонить об этом с Ивана Великого, голосить с Лобного места нет никакой нужды, это считается не только излишним, но просто неприличным, тем более в профессорских устах.

Но Ю.Королёв делится личными впечатлениями: «Мне приходилось наблюдать, с каким горячим и пристальным интересом читали эту книгу Волгина и юные студенты, и искушенные интеллектуалы». Кто спорит! Любителей клубнички всегда хватало не толь-

ко среди профессоров. А уж студенты-первокурсники в пору появления вторичных половых признаков!.. Вот ещё был Васисуалий Лоханкин с книгой «Мужчина и женщина»...

Ю.Королёв негодует, уверяя, что В.Линков «хотел бы наложить табу на эту «секретную информацию, оставить её в «спецхране». А заканчивает статью так: «Целомудрие целомудрию рознь. Недаром Пушкин говорит о преувеличенной стыдливости...» Пушкин ещё говорил о необходимом в литературе чувстве соразмерности и сообразности. Именно с таким чувством в помянутой «Анне Карениной» Толстой подал «секретную информацию»:

«Всё то, что почти целый год для Вронского составляло одно желание его жизни, заменившее ему все прежние желания; то, что для Анны было невозможно, ужасною и тем более обворожительною мечтой счастья, — это желание было удовлетворено. Бледный, с дрожащей нижней челюстью он стоял над ней и умолял успокоиться, сам не зная в чём и чем:

— Анна! Анна!— говорил он дрожащим голосом.— Анна, ради Бога!..»

11 СЕНТЯБРЯ 2011 Г.

Давно получил письмо, но только сегодня прочитал. Автор пишет: «Ты врёшь на каждом шагу... демонстрируешь своё невежество (тоже на каждом шагу)... опять ты, клеветник, сел в лужу... ты бесчестный человек, оружие которого ложь... ты живёшь глумлением и ложью... ты плетёшься на поводу

своих злобных страстей... ты истошно кричишь... ты брызжешь слюной... ты визжишь и трясешься от злости... я тебя ткнул носом... тебе хоть с.. в глаза (жирным шрифтом и без точек)... Ну не скин ли ты сын!..»

Под письмом стоит имя, но не подпись знакомого мне писателя Q. Не могу поверить, что это написал он. Ведь поэт! И древний старец. Можно ли вообразить, чтобы, допустим, молодой Блок так написал Белому по известному совсем не пустячному далёкому от литературы поводу. Похоже, что это провокационная фальшивка. Ведь сейчас по рукам и в пресе ходит множество фальшивок. Например, «Письмо Гитлера Сталину о 14 мая 1941 года», которое передал мне Д.Т.Язов. Или «Письмо Сталина германскому командованию» весной 1942 года о замирении и совместной войне против Англии, США и мирового еврейства. И вот первое письмо опубликовал известный историк А.Н.Уткин из института США и Канады, а второе – ещё более известный писатель Вл.Карпов в своём «Генералиссимусе». Опупеть можно! Так что нет ничего удивительного, что и я получил фальшивку вроде гитлеровской.

20 СЕНТЯБРЯ 2011 Г.

Открываю сегодня самую революционную газету современности. Ожидаю увидеть призыв: «К оружию, граждане! На баррикады!» А мне преподносят рассказ знакомого старого писателя В. Он пишет о своей молодости: «Я был физически силён, недурён собой и постоянно испытывал нежность и

влечение к женщинам». Ну, это естественно. И однажды из нежности получилось вот что: «Её голос невнятным ветерком дошёл до меня: «Я знаю, что случится между тобой и мной». Что же тут невнятного? Дважды два. Герой всё понял и «охваченный горячим огоньком нетерпения порывисто и страстно обнял её». А дальше - «мы ненасытно обнимались и всю ночь отдавались друг другу». Кто – мы? Холостой автор и жена какого-то горного инженера. Это тоже естественно, но противозаконно, ибо сказано: «Не восхоти жены ближнего своего». Кончается так: «Её голос не забыт и не забыта сумасшедшая ночь нашей ненасытной близости...» Тоже понятно. Только надо бы оставлять это на страницах дневника, как тот же Толстой и Софья Андреевна, а не спешить украсить этим полосы массовых общественно-политических газет, тем более, архиреволюционных.

1 ОКТЯБРЯ 2011 Г.

Путин встречался с писателями. Были Валентин Распутин, Андрей Битов, телекритик Архангельский, Юрий Поляков, Татьяна Устинова, Олеся Николаева, фантаст Лукьяненко, Алексей Варламов... Распутин сказал: «Компьютер убивает желание читать даже Толстого!» Так убей компьютер! Как сказал в годы нашествия большой поэт,

Так убей же хоть одного!

Так убей же его скорей!

Сколько раз увидишь его,

Столько раз его и убей.

Битов хлопотал насчёт надобностей ПЕН-клуба. Мне бы ваши заботы, товарищ Битов.

Устинова жаловалась, что её сыну в школе пришлось писать сочинение по роману Чехова «Студенты». Какой изувер этот Фурсенко. Мало ему ЕГЭ. Ведь у Чехова нет такого романа, это у Гарина-Михайловского да Юрия Трифонова.

А накануне высокой встречи «Советская Россия» побеседовала с Захаром Прилепиным. Я Захара люблю. Как же! И он иногда даёт о себе знать. На мою статью «Маршал Рокоссовский и килька пряного посола» прислал воплики: «Гениально! Низкий поклон». Спасибо. Правда, а что гениального в ликбезе для Радзиховского, которого я вывел там в образе кильки? Но вот что в этой беседе примечательно. Журналист спрашивает: «Сорокин напишет про г...о, а вы?» Захар в свою очередь говорит: «Они сидят в своей ж..е». Конечно, никаких точек здесь нет, это я по своей замшелости их поставил. И такое состязание г...а и ж..ы на страницах коммунистической СР я встречаю впервые. Рубикон позади. Россия, вперёд!

Тут же и семейная фотография Захара: величественный отец с четырьмя своими детишками. Прекрасно! Особенно мил самый маленький: раззявил во всю мочь ротик, в котором торчит один зубик, и трогательно растопырил пальчики ног, и всё ему до фени. Фотографировала, видимо, супруга. А на груди и у Захара и у всех деток – нательные кресты. Так вот, как же это: кресты и ж..а да ещё публично? Не страшно, что скажет потом это существо, у которого сейчас один зубик?

Такое впечатление, что писатели, свободно употребляющие подобные слова думают, что до них этого никто не знал и не умел. Да взять того же Толстого. Горький, бывавший у него и в Ясной и в Крыму, вспоминал: «О женщинах он говорил много и охотно, как французский романист, но всегда с той грубостью русского мужика, которая – раньше - неприятно подавляла меня. Сегодня в Миндальной роще спросил Чехова:

- Вы сильно распутничали в юности?

А.П. смятенно ухмыльнулся и, подёргивая бородку, сказал что-то невнятное, а Л.Н., глядя в море, признался:

- Я был неутомимый...

Он произнёс это сокрушённо, употребив в конце фразы солёное мужицкое слово... Вспоминается моя первая встреча с ним, его беседа о «Вареньке Олесовой», «Двадцать шесть и одна». С обычной точки зрения речь его была цепью «неприличных» слов. Я был смущён этим и даже обижен; мне показалось, что он не считает меня способным понять другой язык. Теперь понимаю, что обижаться было глупо». Но так же глупо и тащить это в свои книги. Перечитайте ещё раз, как написана сцена между Анной и Вронским. И потом, одно дело Толстой, а другое – какой-то матерщинник европейской культуры.

СБРЕНДИЛ ?

Я уверен, что после открытия начнутся крики «Караул!»

Николай Цискаридзе,
артист Большого театра

Итак, не прошло и двух пятилеток, не миновало и двух президентских сроков, не отвалился ещё от русской культуры Швыдкой, а Большой театр уже реконструировали. Прекрасно! Больше всех рад Сергей Брилёв, молодой журналист с телевидения, который вёл репортаж, и директриса музея театра Ольга Свиблова, дама не первой молодости. Она купила в буфете шоколадку и поделилась с Эллен Бэрри, американской журналисткой из «Нью-Йорк таймс» своей радостью: «В советское время шоколад был настоящим событием!» Да, да, не зря же была песенка:

- Девчоночка Ада, чего тебе надо?

- Ничего не надо, кроме шоколада...

И вот мадам получила свою шоколадку.

Говорят, потрачено 4 с половиной килограмма золота. Странно. Я не пожалел бы и 20. А всё обошлось в 21 миллиард рублей, по другим сведениям – в 22. Разница пустяковая. Подумаешь, какой-то миллиард, ведь это всего лишь тысяча миллионов. И неужели хотя бы миллиардиков 5-10 не приватизировали? Хорошо, если не. Надеюсь, что не. А то ведь повсюду приватизация и спекуляция, воровство и растрата, подкуп и взяточничество, лихоимство и казнокрадство. Сам же Медведев в начале своего золотого

срока известил народ, что даже высокие должности, депутатские мандаты продают и покупают. Притом и тарифы были опубликованы. И спрашивается, с какой стати сей объект оказался исключением из общего правила, - только потому, что дело начиналось под приглядом и при участии М.Швыдкого? К тому же известно, что первоначально кантора запросила на реконструкцию 25 миллиардов рублей, правительство снизило до 15-ти, а реально ухлопали всё-таки 21-22. Известно и то, что Следственный комитет при Прокуратуре возбуждал против прорабов Мельпомены дело о растрате. Это наводит на размышление о бренности всего сущего, в том числе - совести и стыда... Вот и все бронзовые канделябры, и все бронзовые дверные ручки исчезли. Помните, как на тёплой встрече Ельцина с цветом русскоязычной интеллигенции здесь в Большом, в Бетховенском зале известный пианист Петров Николай Арнольдович зывал к нему: «Всех, кто против реформ, вы, Борис Николаевич, канделябрами, канделябрами!» Вот и Ельцин ушёл в лучший мир, и Николай Арнольдович за ним последовал, и канделябры исчезли. Скучно жить на этом свете, господа, без канделябров...

Знающие люди говорят, что в руководстве Большого сейчас нет ни одного человека с музыкальным образованием, а директор Анатолий Иксанов, доставленный всё из того же Санкт-Ленинграда, честно признавался, что и в опере, и в балете, и в литературе – ни бельмеса. Выходит, ему что Сорокин - что Пушкин, что Дмитрий Черняков – что Борис Покровский, что Серебрянников – что Муроргский,

Сбрэндил?

что «Иван Сусанин» - что «Дети Розенталя». И хочется спросить: «А среди тех, кто руководил реконструкцией были люди со строительным образованием, с опытом именно театральной реконструкции?» Но – оставим это. Будем ликовать вместе с Брилёвым и Свибловой.

Как известно, Большой театр был основан в 1776 году при матушке Екатерине - сразу после потопления в крови пугачёвского восстания, четвертования Емельяна Ивановича и разгрома Запорожской Сечи, но.... - и к 15 годовщине царствования матушки. А тот облик, к которому мы привыкли, театр обрел по проекту О.И.Бове в 1825 году – в год подавления восстания декабристов и последующей казни Пестеля, четырёх его сотоварищей и ссылки на сибирскую каторгу 121 офицера, но... - и к 25-летию царствования Александра Благословенного. В 1856 году по проекту А.К.Кавос театр был реконструирован – сразу после поражения в Крымской войне, но... - и к коронации Александра Второго Освободителя... Увы, так совершается история. Надо полагать, все эти театральные торжества помимо культурной цели имели также целью и смягчение её железной поступи посредством опер и балета на фоне пышных декораций.

Было ли нынешнее торжественное открытие Большого 28 октября исключением из этого длинного ряда с его как бы случайным анестезирующим эффектом? Несомненно. Помните, какое торжество в 1993 году, тоже в октябре, сразу после расстрела Дома советов закатали там же? Ельцин, Черномырдин, Грачёв, Ерин, их супруги...

*Расфуфырясь модно,
 Все упыри сползлись в Большой.
 И упивались: «Превосходно!»
 И ликовали всей душой.
 Для похорон страны Советской,
 Державы света и любви,
 Избрали бенефис Плисецкой,
 И стал он танцем на крови.*

Это было тогда же напечатано в газете «Молния».

И сегодня расчётец был: глядя на это пиршество, авось, кто-то и забудет, что по уровню рождаемости родина скаталась на 174 место в мире.

А кто автор проекта реконструкции? Почему его не назвал Медведев во вступительном слове и нет в газетах? Может, автор-то сам М.Е.Швыдкой? Ведь реконструкция началась, когда именно его, уроженца солнечной Киргизии, президент Путин назначил министром культуры, и когда при поддержке власти он проводил на телевидении передачи «Русский фашизм страшнее немецкого», «Пушкин устарел» и учинял подобные тому воспитательные инъекции. Судя по всюду натканным царским коронам, вензелям Николая Второго, которого недавно и Путин назвал Кровавым, и двуглавым орлам, неизвестно что ныне означающим, если не дуумвират, Швыдкой и есть автор проекта, который поверг бы в ужас Бове и Кавоса, а матушка Екатерина четвертовала бы киргизского лиходея.

Впрочем, вот он и сам Михаил Ефимович на экране телевизора. Сидит в кресле вальяжный, свежес-

Сбрендил?

мытый, довольный, будто в каждом кармане по фунту сусального золота... Журнал «Российская Федерация сегодня» привела его радостное заявление: «Никогда деятели культуры не чувствовали себя так хорошо, как сейчас». Никогда до тех пор, как культура не попала в лапы Швыдкова. Он каждому положил за пазуху по миллиону.

А кто вон там подальше? Ба, да это главный редактор «Огонька» Виктор Лошак, известный светильник разума, предлагающий судить людей за неудобные ему, Витюше, эмоции, великий мыслитель, заявивший недавно, что внешняя политика должна быть деполитизирована. Кто ещё? Ксения Собчак с мамой и Наина Ельцина с дочкой. Ну как же! Цвет общества, сливки режима, цимис демократии.

Ну, а кто тут из моих собратьев по перу? Что-то не вижу ни Юрия Бондарева, ни Распутина. Как же так? – ведь знаменитые писатели да ещё Герои. А глава Союза писателей России Геннадий Ганичев? А Александр Проханов и Станислав Куняев, редакторы известнейших русских изданий? А Татьяна Дорониная и Николай Губенко? Уж эти-то двое – прямая родня Большому. Ведь какой прекрасный повод хоть немного сблизить всех. Нет! Путину и Медведеву, их администрации нужны только Швыдкой да Лошак, Наина да Собчак. Это их всё. Ну, и ещё Горбачёв. Вон он сидит жирный, расплывшийся, рыхлый...

Но – внимание! Отверзаются золотые ворота и вот сам президент. Легкой игривой походочкой идёт на сцену. Зал встаёт и взрывается аплодисментами в честь носителя высокого звания. Четыре года но-

сит. Легко ли? Первым, понятное дело, вскакивают Швыдкой и Лошак. Но, Геннадий Андреевич, и вы отбивали коммунистические ладошки? Галина Павловна, и вы в ваши 85 лет поднялись? Елена Васильевна и вы, Народная артистка СССР и лауреат Ленинской премии?

Президент выглядел импозантно: чёрный костюм, белоснежная манишка, чёрная бабочка... Его речь была так возвышенна, что казалось бабочка вот-вот замашет крылышками и поднимет оратора под потолок театра и будет носить его вокруг величественной хрустальной люстры из пластмассы. Так элегантно на моей памяти выглядели только великий Лемешев да бессмертный Козловский.

Я люблю, когда президент говорит всё ясно и понятно. Например: «Свобода лучше, чем не свобода». Или: «Если начался пожар, то самое главное – погасить». Или: «Если у вас не работает отопление, надо жаловаться». И тому подобное. Но когда он пересыпает свою речь разными дрейвами, трендами и прочей англичатиной, мне, признаться, иногда кое-что непонятно. Да и не только в англичатине второй свежести дело. Но я полагал, что причина непонимания в моих почтенных летах. Однако, оказывается, нет. Вот молодая журналистка Е.Юрьева приводит выдержку из президентской речи: «Мы приняли решение о ставках обязательных страховых взносов. С одной стороны, они уменьшились, но, с другой стороны, мы вынуждены были пойти на определённые дополнительные платежи. Для большинства компаний тем не менее они понизятся, но для некоторых

Сбрендил?

они станут более высокими...Я знаю, что минэкономразвития над этим работало, и соответствующие предложения были подготовлены, но, насколько я понимаю, в законопроект они не вошли».

Приведя этот текст, Е.Юрьева в отчаянии воскликнула: «Ничего не разберёшь!» Ну, действительно, с одной стороны, для каких-то компаний – одно, с другой, для некоторых – почему-то противоположное; с одной стороны, минэкономразвития над чем-то работал, с другой, он, президент обязан, но не знает судьбу этой загадочной «соответствующей работы», и тут ещё какие-то платежи, которые неизвестно кто кому и за что должен платить...

Откровенно говоря, иногда я не понимаю, что и Путин-то говорит. (Между прочим, он на открытии не был. И это явно неспроста). Вот на днях он нахваливал своего Местоблюстителя: «На каком-то этапе Дмитрий Анатольевич посчитал целесообразнее сделать шаги в сторону гуманизации некоторых сфер нашей общественной жизни». На каком этапе? Каких «сфер»? Переименование милиции в полицию это гуманизация? Или расправа с Лужковым и Кудриным - шаги в гуманном направлении? У меня нет никакой симпатии ни к тому, ни к другому, но выволочка, принародно устроенная им, это же полное бескультурье на государственном уровне, просто хамство и самодурство под известным девизом «я начальник – ты дурак». И это тем более дико, что один «дурак» - еще ставленник любимого вами Ельцина, он лет пятнадцать работал мэром столицы, никаких претензий к нему у вас не было, а где-то на высочай-

шем уровне он даже был объявлен лучшим мэром всех столиц мира; а второй «дурак» десять лет был министром финансов, вас устраивал, вы его нахваливали, недавно повысили - инда вице-премьером сделали ещё, но стоило ему где-то за кулисами высказать несогласие с Медведевым, что по словам Путина, носило чисто эмоциональный характер, как тотчас за эти несанкционированные эмоции - «Пшёл вон!» Это гуманизм? Демократия? Или - шаг в сторону гуманизма и стреляю без предупреждения? Или четвертование?

Ещё прочитал там же: «Если предложенный нами вариант конфигурации власти будет людьми принят, то я не собираюсь делать никаких изменений того, что сделано Анатолием Дмитриевичем». Гуманизация, конфигурация, симуляция... А что сделано-то, кроме сокращения часовых поясов, наименования Нургалиева полицмейстером да отмены перехода на летнее время? Может, прекращены пожары, нет больше катастроф, решительно сократилось количество убийств и самоубийств? Вот в 2010 году было около 600 случаев отравления детей в школах и лагерях. Может, в этом году хоть их не было? Или это страшное число не принимается во внимание, поскольку ведь сынок Илюша не пострадал?

Ещё? Слушайте: «Не знаю, может, неуместно, но всё-таки скажу: «Спешка нужна только при ловле блох» - так у нас в народе говорят». Вы, тов. Путин, народ русский знаете плохо. Так не он говорит, а лодыри для оправдания своего безделья или бездарности. А народ и пошутить любит. Не замечали?

Тут как раз такой случай. Еще народу приписывают такую мудрость: «Не пойман – не вор». А это сами воры и выдумали, спросите у своего друга Чубайса: они с Авенком и выдумали. А вот это народ говорит уже без шуток: «Рыба гниёт с головы».

О спешке есть один замечательный пример из истории вашей родины, тов. Путин. В 1931 году Сталин сказал: «Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Либо мы за десять лет пробежим это расстояние, либо нас сомнут». И началась Великая Спешка. Жилы рвали советские люди, а к 1941 году пробежали, успели почти во всём. Не знаю, может, неуместно, но всё-таки скажу: а вы двадцать лет мучаетесь на галерах, и только скрипите уключинами со своей конфигурацией да гуманизацией, украв у народа этот огромный срок. И вот хотя бы такой не самый страшный, но свежайший примерчик вашей галерной работы. В Еврейской автономной области пятилетний Артюша Пещерин после четырёхлетнего стояния в очереди попал-таки в детский сад только после обращения родителей в прокуратуру. В детсад через прокуратуру! А? Или совсем другое: поголовье овец и коз вы довели до уровня как раз 1776 года, когда был четвертован Пугачёв и открыт Большой.

А ещё спешка, сударь, нужна при ловле взяточников и других паразитов. Читая ваши с Медведевым речи, я всегда думаю: где эти люди обретались первые 30-40 лет жизни? неужели на облаках в обществе архангела Гавриила? У вас же совершенно несуразные представления о родине, о её даже недавнем прошлом. Например, рассуждая на днях о создании

единой экономической зоны, вы, батюшка, сказали, что вот теперь люди могут куда угодно ехать, где угодно учиться, работать, что невозможно было в советское время с его системой прописки. Прежде чем выставлять себя на посмешище, вы поинтересовались бы, как, например, удалось вашему учителю Собчаку, родившемуся не в Царском Селе, а в Чите, оказаться вдруг в Ленинграде, окончить знаменитый ЛГУ да ещё заделаться там профессором. Или: как исхитрился ваш создатель Ельцин, родившийся в каком-то посёлке Будка, пробраться в Свердловск, окончить там ВУЗ да ещё стать секретарём обкома. В блаженном припадке либерализма ликвидировав прописку, вы лишили русские города и земли их национального облика, духа. До ваших друзей Меркель и Саркози, наконец, допёрло, что они своим либерализмом натворили, до чего довели родные страны, а вы всё ещё до сих пор хвастаетесь этой дурью, как недавно хвастались («Нам весь мир завидует!») одинаковым для всех налогом в 13%. Правда, недавно признал, что надо исправить то, чему завидуют все паразиты мира. Медленно до вас доходят простые истины, туго соображаете, сударь.

И за кого вы держите русский народ, когда вдруг начинаете просвещать его в таком духе: «Во-первых, нужно понять, что такое провал и что такое череда провалов». Да кто же этого не понимает? Если у вас взрывается или летит не туда одна ракета, то это провал, а когда в короткий срок впустую пускают шесть ракет, то это череда провалов. Напомнить вам череду в других сферах? Ну, потом...

С большим негодованием вы говорите о министерской чехарде: «Это проявление слабости верховного руководства. Либо оно не в состоянии, либо не хочет брать на себя ответственность: виноват Иванов, Петров, Гуревич, а не я». Перед выборами и Николая назвал Кровавм и до Гуревича добрался. Замечательно. Однако, ведь ни вы, ни Медведев как не обвинили, допустим, в жуткой катастрофе на Саяно-Шушенской Анатолия Борисовича Гуревича, так никто не слышал и того, чтобы вы взяли ответственность на себя. Нет, вы свалили вину на Иванова, который составил негодный проект, и на Петрова, который плохо построил. Да если бы вы и били себя в грудь: «Я, недотыка, виноват! Медведев, недотёпа, ушами прохлопал!» - народу от этого ни жарко, ни холодно. Надо раньше было думать, надо беречь то великое богатство, что досталось недотыкам-недотёпам от Советского времени, а не гнать из него доходы и только.

Да и какой чехарды вы так опасаетесь? Чехарда была при Ельцине. Вспомните хотя бы только глав правительства: Силаев - Гайдар - Черномырдин - Кириенко - Примаков - опять Черномырдин - Касьянов - наконец, ваш несравненный Фрадков из табакерки. Один другого краше, кроме Примакова, конечно. А министры иностранных дел? Панкин - Бессмертных - Козырев - Примаков - грузин Иванов - наконец, ваш Лавров, русский, опять из табакерки. Так было. А у вас почти все министры сидят в своих креслах ещё с ельцинских времён. Да они уже кто полысел, кто поседел, все зубы съели, сидя там. Полюбуйтесь хотя

бы на аборигенов Жукова или Христенко, один зулус, другой зуав на русской ниве. И чем примечательны? Очень хорошо вскакивают, когда вы входите.

И уж на очень опасное поле вступили вы, тов. Путин, когда в расчёте на дураков нарисовали такую картину подбора кадров: «Не должно быть любимчиков, решения о назначении на должность должны приниматься на основе профессионального и беспристрастного анализа». Конечно, конечно. Но если Чубайс, Фурсенко, Голикова, Зурабов и до недавнего времени и Кудрин не любимчики ваши, то кто же они? Ведь народ много лет стоном стонет, воем воем от них, а вы либо не трогаете их, либо даже по-вышаете. А какому профессиональному анализу вы подвергли кандидатуру мебельщика Сердюкова при назначении его министром обороны? Он же табуретку от гаубицы не отличает. А Кириенко, которого надо было судить за враньё о невозможности дефолта в 1998 году, что соображает в атомной энергетике? Все же видят, что критерий у вас один-единственный – личная преданность, и только в этом ваши министры – высочайшие профессионалы.

А ваш Местоблюстителю ничего не помнит о важнейших делах даже недавнего времени прекрасной дурократии. На-днях заявил: до меня о коррупции никто не говорил, все молчали, стеснялись или боялись, а мы с Путиным готовы бить их по морде. (Правда, о морде – это Путин). Но, Боже милостивый, да ведь ещё Ельцин, грабя державу, объявлял войну коррупции, а любимый вами Гайдар, ничего не соображая в экономике, однако же ещё в 1992

Сбрендил?

году возглавил Государственный комитет по борьбе с коррупцией. Комитет! Государственный!

Но вот вам цитатка на память: «Сколько раз мы начинали эту борьбу! Пора от слов перейти к делу. Пусть в следующем году Комиссия Думы по коррупции, и МВД, и Генеральная прокуратура отчитаются о том, что конкретно сделано в борьбе с коррупцией». И сказала это директор Центра антикоррупционных программ Е.Панфилова. Когда? Где? Ещё до вашего президентства в 2006 году во время «круглого стола», устроенного Комитетом Думы по безопасности. Вот когда! И какие силы против неё! И Комиссия, и Центр, и МВД, и Прокуратура, и даже Комитет по безопасности, и даже в морду грозитесь Гуревичу, а она всё живет и благоухает. Как так? Да очень просто: вы создали режим, построили такие вертикали, горизонталы и диагонали, которые без коррупции жить не могут и порождают её ежечасно и повсеместно.

Но вернёмся в Большой театр. Президент начал торжественную речь так: «Добрый вечер, дорогие друзья! Сегодня **очень** счастливый для нас праздник (Слово «очень» за пять минут мы услышим раз десять.- **В.Б.**). Знаете, у нас страна, конечно, **очень** большая (Да, это все знают, как и то, что ваши учителя постарались её уменьшить, и очень в этом преуспели.- **В.Б.**), но в то же время количество вот таких объединяющих всех символов, национальных сокровищ, того, что называется (Где? Кем? - **В.Б.**) национальными брендами, очень ограничено. И Большой это как раз и есть один из самых великих наших национальных брендов». Начал «брендом» и кончил им: «Благодарю всех, кто

причастен к возрождению нашего чуда, нашего великого национального бренда – Большого театра».

Слово «brand» имеет несколько значений: клеймо, тавро, фабричная марка, но также - головешка, головня... Наше похожее слово «сбрендить» тоже несколько – спятить, соврать, струсить, стянуть, украсть (см. словарь Даля). Ну, вот выбирайте...

...«очень ограничено»...Трудно поверить, что это сказал человек, почти всю жизнь проживший в Ленинграде. Да неужели он не видел там или видел, но не мог понять, что такое для всего народа Медный Всадник или Казанский собор с памятниками Кутузову и Барклаю-де-Толли, не говоря уж об Исаакиевском? Неужто, балдея от всяких роков, не слышал он о Мариинке и о «Русском музее», не ходил в Александрино и в «Эрмитаж»? И ни разу не побывал на Пискаревском кладбище, поскольку там среди сотен тысяч ленинградцев ведь лежат тысячи коммунистов?

Ещё труднее поверить, что в торжественный день русской культуры это сказал глава государства. Ведь у любого главы есть же всё-таки пара глаз и два уха. Но его глаза шарят по всей стране (носится-то из конца в конец!) и ничего не видят, его уши вертятся во все стороны и ничего, кроме заморского Макарти не слышат.

И страшный вывод приходится сделать. Глава считает, что велика Россия, а гордиться, а блеснуть, а при случае и похвастаться нечем, ибо «брендов» – ну очень, очень, очень мало. Для него Пушкин и Михайловское, Лермонтов и Тарханы, Толстой и Ясная Поляна не существуют, как святые для русских

людей имена и места. О Бородинском поле и Мамаевом кургане, о Чайковском и Менделееве, о Репине и Сурикове он, поди, и не слышал. В Третьяковку и не заглядывал. Наша победа над германским фашизмом и прорыв в космос, Жуков и Рокоссовский, Королёв и Гагарин, Московское метро и Московский университет – для него недостойны зарубежного имени «бренда». Да ведь рядом с Большим стоит Малый, - это ли не один ещё символ, объединяющий нацию!.. И такие люди сидят в Кремле, руководят великой страной... И если так говорит уже не молодой президент-ленинградец, то что можно ждать от молодого жителя Елабуги, выросшего при их власти?

Думаю, что артисты театра, которым предстояло принять участие в концерте, занятые подготовкой выхода на сцену и, естественно, волнуясь, не слышали, что президент обозвал их «брендами», и только поэтому в содружестве с Глинкой, Чайковским и Мусоргским, в лад с Бородиным, Рахманиновым и Минкусом, плечом к плечу с Прокофьевым, Шостаковичем и Хачатуряном они явили чудо русского искусства. А Медведев в конце сказал: «Здесь всё сделано по последнему слову театральной техники. Я уверен, что в этом смысле театр будет безукоризненным». Безукоризненным брендом.

А когда концерт кончился, вдруг – впервые за 250 лет! - рухнули декорации, такие роскошные, из папье-маше высшего качества. Один рабочий сцены получил до того сильный удар в грудь, что закричал «Караул!». Пришлось вызвать «скорую помощь» и доставить жертву «бренда» в институт Склифосов-

ского. Предсказанный Николаем Цискаридзе процесс пошёл... Зовут пострадавшего Дмитрий, фамилия, кажется Топтыгин.

А 2 ноября состоялась премьера «нового прочтения» оперы «Руслан и Людмила». Режиссёр Дмитрий Черняков. Прошёл слух, что дети до 16 лет не допускаются. Впрочем, исполнитель роли Руслана уверяет: «Что вы! Никакой порнографии! Просто Людмила показана вовсе не такой скромницей, как у Пушкина и Глинки. Только и всего». Действительно, ведь сам поэт писал в «Посвящении»:

*Счастлив уж я надеждой сладкой,
Что дева с трепетом любви
Посмотрит, может быть, украдкой
На песни грешные мои.*

Грешные! Ну, и не грех под вензелем Николая Кровавого добавить грешка-то. И добавили, добавили счастливые питомцы Швыдкого... Можно себе представить, что маэстро Черняков устроил хотя бы из таких строк поэмы:

*И вот невесту молодую
Ведут на брачную постель;
Огни погасли... и ночную
Лампаду зажигает Лель.
Свершились милые надежды,
Любви готовятся дары;
Падут ревнивые одежды
На цареградские ковры...*

Есть веские основания ожидать, что из оперы сделали репортаж из-под цареградского ковра.

Интересно, а сколько лет Илюше Медведеву?

КРИМИНАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ И ПРЕСТУПНОЕ НАСТОЯЩЕЕ

-Нет,- сказал мне сосед, проницательный, как блоха, Вася, - большие умы, однако, обитают в этой «Единой России». Посмотрите, например, как ловко, убийственно для главного противника на скорых выборах завершили они сессию Думы. Под самый занавес, когда уже оставалось только сделать снимочек на память да обменяться партийными поцелуями, вдруг выскакивает на трибуну седенький толстенький Морозов, который Олег, и бесстрашно бросает коммунистам страшное обвинение: «Геннадий Андреевич, что ж это вы? Как же так можно? Где ваша гражданская совесть? У вас же в списке кандидатов в депутаты на предстоящих после завтра выборах есть люди с криминальным прошлым! Какое безобразие! Какой позор! Посмотрите на наш список. Там сплошь белокрылые ангелы. Например, адвокат именующий себя Макаровым с двадцатилетним депутатским стажем. Или прекрасная Алина Кабаева...»

- Вася,- прервал я соседа,- этот Морозов, именующий себя демократом, либералом и человеколюбцем, на самом деле - в лучшем случае невежда, а на самом деле мракобес, черносотенец и антропофаг.

- Это почему же?

- Да посуди сам. Что такое криминальное прошлое? Это же очень расплывчатое неопределенное понятие, ибо нарушения закона могут быть самого разного характера и масштаба — от разовой кражи в магазине буханки хлеба для голодающих детей до

многократной измены родине с выдачей государственных тайн или даже перехода на сторону врага. Так что ж, если человек раз в жизни нарушил закон, оступился, то ему навсегда закрыт доступ в органы власти? Ничего себе демократ этот Морозов!

Да знает ли он, законодатель, что существует ещё и снятие судимости. Во всяком случае, так было в Советское время. Тогда Закон гласил: «Если осуждённый к лишению свободы (допустим, Чубайс, - **В.Б.**) после отбытия наказания примерным поведением и честным отношением к труду (допустим, по примеру Путина гребёт, как раб на галерах, - **В.Б.**) доказал своё исправление и перевоспитание, то по ходатайству общественной организации или трудового коллектива суд может снять с него судимость» (ЮЭС, с. 364).

- Ну да, ну да...

- Могу привести конкретные примеры. Вот знаменитый инженер-теплотехник Леонид Константинович Рамзин. Он был главным обвиняемым на процессе Промпартии в 1930 году и получил увесистый срок. Его имя как врага народа знала вся страна. А в 1943 году за создание «прямоточного котла Рамзина» этот человек с криминальным прошлым получил Сталинскую премию Первой степени. В 1946 году я слушал его лекции в Энергетическом институте.

- Ну, бывает,- протянул Вася, зоркий, как муха.

- Или вот полковник Андрусенко Корней Михайлович, член партии с 1925 года, командир 329 стрелковой дивизии, окружённой и погибшей в феврале 1942 года под Вязьмой. После его выхода из окруже-

ния он был судом военного трибунала приговорён к расстрелу. К расстрелу! Трибуналом! В военной время! Но смертник подал апелляцию и был помилован, вернее, из полковника стал майором и командиром не дивизии, а 239 гвардейского полка 76-й гвардейской дивизии. А в 1943 году, кстати, в том самом, когда Рамзин получил Сталинскую, за форсирование одним из первых Днепра этот офицер с криминальным прошлым стал Героем Советского Союза. Представь себе, Вася, если бы председателем того военного трибунала был этот либерал Морозов...

- Да он бы его собственноручно расстрелял!

- Ты начинаешь соображать...Да не только Звезда Героя. У него было ещё много наград – два Ордена Ленина, Красного Знамени, Кутузова, Александра Невского, Красной Звезды. И почти все они получены уже после несостоявшегося расстрела. Мало того, в посёлке Парафиевка на Украине улица названа именем этого человека с криминальным прошлым.

- Вот это да!

- Не могу не вспомнить и долгие годы близко знакомого мне Владимира Карпова. Два года назад он умер. А перед войной угодил в лагерь. Володя не был лишён распространённой человеческой слабости – иногда лукавил. Вот и здесь: порой изображал себя «жертвой культа личности». Пострадал, дескать, из-за того, что очень любил Ленина, которого будто бы задвигали на задний план, и возмущался «культом Сталина».

- Ну, о Ленине, конечно, выдумка: на многих языках издавались и переиздавались его собрания сочи-

нений, книги о нём, ставились фильмы, спектакли и даже на Дворце съездов предполагалось установить его скульптуру.

- Да и военное училище, курсантом которым был Карпов, носило имя Ленина. Но дело сейчас не в этом.

«Жертв культа личности» оказалось неисчислимо. Вспоминаю, как однажды на собрании в Союзе писателей рвал на себе рубаху и голосом невинной жертвы сотрясал стены Большого зала ЦДЛ Игорь Голосовский, мой сосед.

- Я его тоже знал. Он жил в доме №27 по 2-й Аэропортовской.

- Так вот, а в президиуме собрания сидел Виктор Николаевич Ильин, наш секретарь по оргвопросам. Он встал и куда-то удалился. А вернувшись минут через двадцать, попросил слово и зачитал справку из личного дела Голосовского. Из неё следовало, что он действительно сидел, но - за ограбление пивного ларька. Такая примерно история была и с Карповым, в чём он признавался сам.

- Не может быть! Кому? Когда?

- А ты слушай. Однажды в 1967 году его попросили выступить в лагере пред заключёнными. И там он сказал, что ныне, мол, глядя на его бравую внешность «никто, наверное, не подозревает, что я когда-то ходил в бушлате заключённого и работал на лесоповале в тайге под охраной. Но это было... Когда приходится выступать перед другой аудиторией, я об этом не рассказываю. Стыдно. Судим я два раза, первый раз – за ограбление... Это не рисовка,

не желание заслужить доверие у заключенных. Все судимости давно сняты. Но что было, то было. Всю жизнь мучаюсь, вспоминая...» (К новой жизни №1, 1968. С. 41.).

- Как не распахнуть душу перед братками...

- Но приходится заметить, что и тут есть некоторое лукавство: быть дважды осуждённым Карпов не имел возможности, у него, курсанта училища, для двух отсидок просто не было времени, училище он окончил в срок и сразу после этого, вернее, незадолго до присвоения лейтенантского звания и выпуска – арест, суд, лагерь. Но и это в данном случае не важно. Главное, в лагере он написал письмо Михаилу Ивановичу Калинин с просьбой направить на фронт.

- В самом деле, парню 19 лет – кому, как не таким, бить врага.

- Тем более, ещё и чемпион Средней Азии по боксу. И он добился своего: с 3 января 1943 года - на фронте. А там показал себя так отменно, что и судимость сняли, и в партию приняли, а 4 июня 1944 года удостоили звания Героя Советского Союза.

И хотя всё по той же человеческой слабости, присущей и некоторым истинным героям, Володя порой доставлял себе удовольствие поскулить, что, мол, «Сталин мне жизнь покалечил», что «всю жизнь я проходил с клеймом «врага народа», но это было всё-таки не более, чем слабость, в данном случае даже комическая. В самом деле, вскоре после присвоения Героя его направили в Военную академию, уже после войны он работал в Генеральном штабе,

дослужился до полковника, получил ещё множество наград, стал писателем, получил Государственную премию и даже был избран Первым секретарём Союза писателей СССР, а заодно и членом ЦК партии. Но в данном случае для нас самое важное то, что он, как и Олег Морозов в Думу, был избран членом высшего законодательного органа страны – Верховного Совета СССР.

- И на всём этом пути от зэка до депутата Верховного Совета страны не нашлось ни одного Морозова, который воскликнул бы: «Куда прёшь! У тебя же криминальное прошлое!» Это – Советское время, советские люди.

- И ты подумай, Отморозок демократии ведь не просто многолетний депутат Думы, уже поседел, разжирел там, но первый заместитель её председателя. А он, повторю, в лучшем случае – невежда, а на самом деле – демагог и мракобес, взращённый Путиным и Грызловым.

И разве он знает, как с вопросом криминального прошлого обстояло дело во глубине веков? Вспомним князя Владимира. В борьбе за княжеский престол он убил родного брата Ярополка и взял в наложницы его вдову, т.е. свою невестку. Как это согласуется с уставом «Единой России»? Историки уверяют, что у него в Вышгорде было около 300 наложниц, в Белгороде (близ Киева) – ещё около 300, да в селе Берестово на закуску - тоже около 200. Превосходил его только царь Соломон, получивший в истории имя Мудрый. А как Владимир обошёлся с византийскими владыками Василием и Константином? Осадил Константи-

нополь и заявил: «Отдайте мне в жёны сестру вашу юную царевну Анну, а не то возьму штурмом город и отдам на разграбление». Так Анна стала его женой.

Современный историк Б.Г.Пашков пишет: «Быв в язычестве свирепым мстителем, гнусным сластолюбцем, кровожадным воителем, братоубийцей, князь Владимир заслужил в истории имя Великого и Святого, ибо его княжение ознаменовалось принятием христианской веры, расширением государства, он ввёл просвещение, построил города. Приняв христианство, боялся уже проливать кровь даже злодеев и врагов отечества» (Русь. Россия. Российская империя. 1994. С. 41). Вот как, великий и святой, а с криминальным прошлым.

Да ведь и христианство было введено не путём плебисцита или опроса по телефону. А просто рушили и низвергали в реки прежних идолов, а Русь бежала по берегам и вопила: «Выдыбай, Боже!»

А царь Иван? Ведь не только собственноручно и глумливо убил воеводу Иоанна Фёдорова, своего старого конюшего, но и родного сына, не говоря уж о прочем. Но народ не назвал его Палкиным, как Николая Первого, продувшего Крымскую войну, или Кровавым, как Николая Второго, продувшего Японскую войну и полСахалина. Народ назвал царя Ивана почтительно и трепетно – Грозным. Ведь это он покори́л и Казанское ханство, и Астраханское, и бесподобный храм Покрова, что на рву, тоже он воздвиг.

А царь Пётр? И он не брезговал рубить головы буйным стрельцам. Но ведь и флот создал, и армию современную, и Академию наук, и Петербург, и

Карла после Полтавы загнал в Турцию... Потому и великий.

*Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный глас Петра:
« За дело! С Богом!» Из шатра
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен,
Движенья быстры. Он прекрасен.
Он весь — как Божия гроза...*

А матушка Екатерина? Как она пришла к трону? Да ведь через труп задушенного августейшего супруга Петра Фёдоровича. И, по выражению Пушкина, «она жила довольно блудно». И тут историки называют вереницу имён: Чернышёв, Салтыков, Понятовский, Григорий Орлов, корнет Васильчиков, Потёмкин, губернатор Малоросии Завадовский, «полный неуч» Зорич, полицмейстер Архаров, сержант-певец Корсак, «шут низшего разбора» Страхов, майор Левашов, из-за ревности к которому офицер Свейковский пронзил себя шпагой, опять Корсак, генерал Ланской, Ермолов, Дмитриев-Мамонов, Милорадович, Миклашевский... Последние семь лет её жизни и царствования — Платон Зубов, но не исключено, что на пару с братом Валерьяном. Десять главных из них обошлись казне в 92 миллиона рублей, больше половины этой огромной суммы даровано было генерал-фельдмаршалу Потёмкину (там же, с. 481).

А уж как при таком любвеобильном сердце расправилась матушка с народным восстанием Пугачёва, лучше не вспоминать. Словом, дама вполне

сексуально-криминальная. Однако, и границу по Амуру установила, и турок хорошо отколошматила, и Крым сделала русским, и Грузия при ней фактически вошла в состав России. А как сияли имена «Екатерининских орлов» – Суворова и Кутузова, Ушакова и Румянцева, Александра Орлова и Григория Потёмкина... А как гремели имена наших побед - Кагул и Чесма, Наварин и Очаков, Фокшаны и Корфу... А кто поставил памятник Петру, Медный всадник? Словом, с какого боку ни подступишься к Екатерине, во всём она великая, начиная с царского ложа.

Этот Морозов ничего слаще репы и ничего горше горчицы не едал. Разве может быть хоть какое-то понимание сложности, противоречивости, а порой и оксиморонности жизни и человеческой личности у воспитанника Грызлова. Судить о людях и событиях надо, учитывая обстоятельства времени, его нравы, обыкновения, саму историческую обстановку...

- Ведь у него самого и прошлое и настоящее – преступны. Когда Ельцин позвонил Бушу и сказал «Ваше превосходительство, Советский Союз ликвидирован!», где был Морозов?

- Он преступно молчал.

- Когда Путин ликвидировал советские базы на Кубе и во Вьетнаме, что делал Морозов?

- Он аплодировал и говорил: - Какой мудрый государственный шаг!

- Когда сбрендивший Медведев несёт чёрт знает что, например : «Моё бритое напмаженное лицо – это лицо новой России» или меняет часовые пояса, от чего стонет вся Россия, что делает Морозов?

- Он восхищается, как соучастник преступной дурости.

- Этого Морозова судить надо, - сказал Вася.- Неужели он пролез в Думу и шестого созыва?

- Не знаю. Кажется, его заменила Новодворская.

- И ведь не хуже будет.

- Не хуже. Она ему ни в чём не уступает. Не хуже.

О ФАЛЬШИВКАХ, ПРОЗРЕНИЯХ И ЗАБЛУЖДЕНИЯХ

В «Завтра» №30 с.г. я с интересом прочитал содержательную беседу редакции с историками Алексеем Байковым и Александром Дюковым, представленными как антиревизионисты. Однако меня несколько озадачили ряд обстоятельств.

Перевое. «Алексей Байков. Начнём с того, что разгром Красной Армии в сражениях у границ был результатом решений Сталина. Это совершенно ясно – поскольку он был руководителем государства. К нему сводилась вся вертикаль власти».

Начнём с того, что «разгрома Красной Армии» не было. В противном случае ничто не мешало бы немцам вскоре быть и в Москве, и в Ленинграде. Столь решительные и липкие речения, как «разгром Красной Армии» некоторые антиревизионисты, не замечая того, перенимают у таких самых отпетых ревизионистов, как упомянутый в беседе М.Солонин. Он без конца верещит об этом в своей книге «22 июня»: «начался разгром... неслыханный разгром... беспримерная военная катастрофа... небывалый разгром... страшная военная катастрофа... разгром, развал... величайшая. Беспримерная трагедия...Красная Армия неспособна ни к чему... РККА была за несколько недель разбита, разгромлена... Сталинская держава готова была развалиться после первого же удара... Сталинские генералы оказались просто профессионально непригодны... хаос всеобщего бегства...». А на самом деле было поражение войск западных во-

енных округов (фронтов). Однако, терпя поражение, эти войска сорвали план блицкрига, рассчитанный на победу в течение нескольких недель. Гитлер уже 4 июля говорил о «фактическом поражении противника», в положение которого он пытался себя тогда поставить, но смог только в апреле 45-го.

Всю вину за «разгром» историк-антиревизионист взваливает на Сталина. Ему это совершенно ясно, ибо Сталин был руководителем государства. К сожалению, историку совершенно не ясно, что у всякого руководителя государства, точнее, во всяком государстве есть государственный аппарат, во главе учреждений которого тоже стоят руководители. И у нас в 1941 году был не только глава правительства и секретарь ЦК ВКП(б) Сталин, но имелись ещё наркомат Обороны во главе с маршалом С.Тимошенко, Генеральный штаб во главе с генералом армии Г.Жуковым, наркомат Военно-морского флота во главе с адмиралом Н.Кузнецовым, а также военные округа с их командующими и штабами. Все они несли свою ответственность. Опираясь на эти учреждения руководитель страны принимал решения. Поэтому историку-антиревизионисту больше пристало говорить не о персональной вине Сталина за «разгром Красной Армии», а об общей заслуге и Сталина, и всех упомянутых учреждений с их руководителями в борьбе за срыв немецкого блицкрига, за провал плана «Барбаросса», за то, что выстояли.

Очень озадачило меня и то, что А.Байков упомянул как о известном и достоверном документе о так называемом «Письме Гитлера Сталину» от 14 мая

О фальшивках, прозрениях и заблуждениях

1941 года. Это «письмо» пять лет тому назад мне дал с полным доверием к нему маршал Язов Д.Т. Тогда оно пошло по рукам. А, кажется, первым его опубликовал в «Российской газете» 20 июня 2008 года известный историк профессор А.И.Уткин, директор Центра международных исследований Института США и Канады.

Есть документы и разного рода эффектные бумажки, достоверность, которых можно установить безо всякого копания в архивах или расспросов современников и очевидцев. Это «Письмо» из разряда именно таких. По самому тексту видно, что это липа. Например, нельзя без смеха читать такое обращение к Сталину: «Уважаемый господин Сталин...» Как один присяжный поверенный – другому. А люди, возглавляющие государства, обращаются к адресатам иначе.

Или: «Вы наверняка знаете, что один из моих заместителей герр Гесс, припадке безумия вылетел в Лондон...» Наверняка... Да тогда шумел об этом весь мир. И объяснять, кто такой Гесс, не было никакой необходимости. И едва ли он назвал бы его «герром», а, скорее всего, просто «Гесс» или «Рудольф Гесс». А чего стоят сердечные заверения Гитлера: «Хочу быть с Вами абсолютно честным».

Но главное вот что: «Я боюсь, что некоторые из моих генералов могут сознательно начать конфликт... Прошу Вас, насколько возможно, не поддаваться провокациям, которые(!) могут стать делом рук моих генералов, которые(!) забыли о своём долге... Стало почти невозможно избежать провокации моих

генералов». Это уж полная чушь! Какие сумасшедшие генералы могут решиться на военные действия по ту сторону границы без приказа высшего командования? Непроизвольные конфликты, случайные столкновения могут иметь место между ними, когда войска разных сторон соседствуют или перемешаны, как это было, например, у нас с немцами в 1939 году в Западной Украине и Белоруссии или в 1945 году с американцами на Эльбе, но когда между ними государственная граница?..

Ну, а в довершение всей чепухи этот Гитлер сообщает этому Сталину, как с ним связаться, дескать, вот мой телефончик. И уж в самом конце: «Ожидаю встречи в июле». Сказано, как о какой-то обусловленной договорённости, известной Сталину. Но ни о чем подобном нет никаких данных и никому ничего неизвестно. Однако всеведающий Э.Радзинский в своём фантастическом сочинении о вожде объявил: Сталин и Гитлер встречались! Ему даже точно известны и место встречи и дата – Львов, 19 октября 1939 года. Откуда взял? А в этот день, говорит, согласно известному журналу посетителей кремлёвского кабинета Сталина, он никого не принимал, значит, и в Москве не был. Может, приболел? На даче отдыхал? Ходил в театр смотреть пьесу Радзинского «Старая актриса на роль жены Достоевского»? Нет, говорит, он мог пропадать только на свидании с Гитлером.

Юрий Мухин в газете «Дуэль» №4 за 27 января 2009 года убедительно доказал, что это фальшивка. Суть его рассуждений в том, что письмо Гитлера к

О фальшивках, прозрениях и заблуждениях

Сталину слишком важный документ, чтобы никто из близких им по работе лиц не знал о нём. А ведь многие из них оставили воспоминания, и ни у кого — ни слова об этом письме. Ну, хотя бы у Молотова, ближайшего соратника Сталина в годы войны, в его 140 беседах с Ф.Чуевым. Или у Гальдера в его дотошном и объёмистом дневнике. Не говоря о воспоминаниях многих наркомов, маршалов и генералов, которые по тем или иным каналам тоже могли бы знать о письме. Словом, такой документ не мог не оставить следов. И вот вдруг, спустя 75 лет, когда в стране полный бардак и она наводнена фальшивками на любой спрос и вкус, «письмо» неизвестно откуда является! Или Гитлер написал его, а копию разорвал? Или Сталин прочитал его и положил под подушку?

Но ещё Ю.Мухин пишет: «Сталин не имел никакой «личной переписки» с государственными деятелями других стран — все их письма рассматривались на Политбюро». Это не так. Доказательств такого положения нет. Переписка Сталина с Рузвельтом и Черчиллем во время войны была именно личной, но в ней мало личного, это переписка глав государств о делах государственных — о войне. И не думаю, что все письма рассматривались на Политбюро. Во-первых, почему не на ГКО, в то время высшем органе власти? Что, конечно, не исключает, что Сталин в иных случаях советовался с членами и ГКО, и Ставки, и Политбюро, и с командующими фронтами, и с наркомками. Во-вторых, что, Политбюро хотело контролировать главу правительства, Секретаря ЦК и Верховного Главнокомандующего? Не доверяло ему?

Но Ю.Мухин совершенно прав, что «был один член ПБ, которому рассказать об этом письме было крайне важно, - Н.Хрущёв». Почему? А потому, что «вся его клевета на Сталина по поводу начала войны строилась на том, он, пренебрегая данными разведки, верил Гитлеру... Но и Хрущёв в докладе на XX съезде ни словом не упомянул об этом письме, прямо подтверждающем его обвинения».

Дальше Ю.Мухин счёл нужным присовокупить: «Молотов в беседах с Ф.Чуевым жестоко критиковал маршалов за их мемуарную брехню в угоду Хрущёву». Позвольте, это кто же? Даже если считать наших маршалов бесстыдными угодниками, то всё-таки надо принять во внимание, что, допустим, воспоминания Маршала Рокоссовского были опубликованы в 1968 году. Где тогда пребывал товарищ Хрущёв? Воспоминания Маршала Жукова - в 1969 году. Какую должность тогда занимал Никита Сергеевич? Воспоминания Маршала Василевского – в 1973 году. Хрущёв-то уже на Ваганьковском покоился. Или, может, маршал авиации Покрышкин угодничал перед Хрущёвым? Или адмирал Кузнецов?.. Так вот, воспоминания всех наших маршалов были напечатаны, когда Хруща уже свергли или он уже умер. Перед кем же угодничали маршалы и адмиралы – перед пустым креслом или памятником работы Эрнста Неизвестного?

Есть основания полагать, что критические страсти по адресу наших маршалов принадлежат не Молотову, а самому поэту Чуеву. Он любил разного рода эффекты и свободно давал волю своим симпатиям и

О фальшивках, прозрениях и заблуждениях

антипатиям. Например, по каким-то причинам, как Ю.Мухин, был враждебно настроен к маршалу Жукову. И по этой причине утверждал, что на Ленинградском фронте тот «расстреливал батальонами». Я его спрашивал, понимает ли он, что такое расстрелять батальон? Хоть знает ли, сколько народу в батальоне? Он же в армии не служил. Во-первых, кто будет расстреливать? Во-вторых, куда девать сотни трупов, когда на дворе ещё осень? В-третьих, главное, кто будет держать оборону вместо этих расстрелянных? Наконец, понимаешь ли ты, что работаешь на клеветников, изображающих Жукова извергом? Ответить мне он ничего не мог.

В то же время Чуев любил Рокоссовского, называл его «полководцем №1» и неумно нахваливал его. Зимой 41 года нам долго не удавалось освободить Сухиничи. И вот коварный Жуков поручает это Рокоссовскому в расчёте на то, что это ему не удастся и он опозорится. Но, говорит, Рокоссовский поехал туда и по пути прямым текстом по радио объявлял: «Едет Рокоссовский!» Немцы, услышав это, так перепугались, что спешно бежали из города. Красиво, правда? Он мог бы об этом и поэму написать. Рокоссовский действительно великий полководец и в таких поэмах не нуждается.

При этом Чуев, конечно, ненавидел Хрущёва. И вот во что это вылилось. Поэту принадлежит запись воспоминаний главного маршала авиации Голованова. Там есть такой сюжет. Маршал рассказывает, буд-то в годы войны он активно переписывался со Сталиным, так активно, что набралось три тома писем.

Сразу видно, что чушь. Было у Верховного время и нужда переписываться с одним из командующих! Вполне достаточно было телеграмм, телефонных звонков, приказов и директив. И вот, говорит, эту переписку изверг Хрущёв уничтожил. Да не мог сказать это Голованов, это прямая выдумка Чуева. Ведь переписка это я пишу тебе, а ты — мне. Допустим, Хрущёв уничтожил письма, которые Сталин получал от Голованов. Но где письма, которые Сталин слал Голованову? Их же Хрущёв не мог уничтожить. Они же оставались у адресата. Однако их нет. Вот так работал Чуев. Что взять с поэта! Вольный полёт фантазии...

Но Юрий Мухин безоговорочно верит. А кроме того, он обожает крушить, топтать и рвать в клочья любые авторитеты, а Чуев ему в этом помогает. Начинал Мухин крушить ещё с Маркса, Энгельса и Ленина: «Да что мне Маркс? Да мне ль его бояться!» Ленин? Кабинетное существо! Не знал жизни, как я, металлург, её знаю. А дело кончилось тем, что лет через десять два последних слова из цитаты Маркса «Нам нравится эта работа — называть вещи своими именами» Мухин сделал заголовком своей газеты. И тем, что теперь ленинские юбилеи отмечаются газетой широко и достойно. Молодец, Юрий Игнатьевич, не упрямствует по примеру некоторых мыслителей. Прекрасно!

Однако без крушения и топтания Мухин не может. И вот, отвязавшись от классиков марксизма, примирившись с ними и даже взяв их в союзники, он принялся за советских генералов. Написал боль-

О фальшивках, прозрениях и заблуждениях

шую книгу о них - «Если бы не генералы». Млечин и Сванидзе бубнят: «Мы победили не благодаря, а вопреки Сталину!» Мухин развил их идею дальше: мы победили не благодаря, а вопреки нашему командованию, нашим генералам, ибо они были бездарными предателями. В этой брехне и состоит суть упомянутой книги.

СВОЛОЧИ СРЕДИ ЖИВЫХ ТРУПОВ

*Если ты живёшь в стеклянном доме,
то не следует швыряться камнями.*

Английская пословица

Недавно довелось в архигламурном журнале «Караван истории» прочитать большую беседу Константина Смирнова, младшего сына покойного Сергея Сергеевича, знаменитого писателя. Что творится с детьми таких людей! Сын Шостаковича, сын Симонova, внук Гайдара, вот эти два сыночки – Андрей да Константин... Один другого злобней на Советскую власть. А жили при родителях, как у Христа за пазухой. На сей раз, например, слышим: «Моё детство было замечательным... В 1958 году, когда мне было шесть лет, отцу дали дачу в Переделкино, с которым связаны самые радостные и счастливые дни моей жизни... Помню приподнятое настроение, особый аромат молодости и весёлых надежд, который был словно разлит в воздухе в конце 50-х – начале 60-х годов». Да и попозже не скучней было: «Я поступил на филфак в МГУ. Свободная студенческая жизнь закрутила меня так, что скоро я забыл дорогу в МГУ. Мы с приятелями говорили дома, что идём на лекции, а сами играли в карты, крутили любовь и не вылезали из чешской пивной «Пльзень». Вот она – жизнь «золотой молодёжи»!

А в Переделкине, говорит, прожили 25 лет. «После смерти отца дачу отобрали». Естественно, ибо дача была общественная и дали её за гроши хоро-

шему писателю, которому некогда было шлаться по пивным, во временное пользование, а «отобрали» не сразу после смерти отца, а лет через 7-8 после.

Да и потом знаменитые имена отцов открывали их отпрыскам все дороги. Ельцин, например, признавался, что назначил Гайдара главой правительства только из-за имени: «Я же вырос на книгах его деда!». И этот : «Нам с братом не пришлось пробивать себе дорогу – за нас это сделал отец». А теперь их родители, деды и бабушки в гробах ворочаются. Ведь какое неуважительное незнание у детей о своих отцах, сколько вранья о них!

А начинает К.С. издалека: «Вот так «оформилось» наше семейство: русский батюшка, а матушка с «гремучей смесью» в крови – наполовину еврейка, наполовину армянка». Неужели такого рода «смесь» во всём и виновата? Даже в том, например, что Константин уверяет, будто в 1937 году его отец начал сотрудничать в газете «Гудок», «где, если кто не знает(!), в то время(!) трудился букет будущих классиков – Юрий Олеша, Михаил Булгаков, Валентин Катаев, Ильф с Петровым». Если кто не знает, названные писатели были на 12-15 лет старше Сергея Смирнова и работали в «Гудке» примерно на столько же лет раньше. При Смирнове никто из них там не работал, они уже давно ходили в «классиках».

Не знает сынок и военных страниц биографии отца. А о времени после войны уверяет: «Когда в середине 50-х Твардовского назначили главным редактором «Нового мира», он позвал отца в заместители. На самом деле в середине 50-х, т.е. с 1954-го по 1958-й,

главным редактором журнала был не Твардовский, а Симонов. Дальше на предельной ноте искренности ещё интересней: «Разве я мог тогда понять, почему закрыли редакцию «Нового мира», и что такое пока-янные письма, которые пишут солидные уважаемые дяди!» Во-первых, «Новый мир» никто никогда не закрывал, а вот сейчас, как и многие старые журналы, он едва дышит. В Советское время там, как и в других редакциях, иногда менялось начальство, что вполне естественно. Так, в «Литературной газете» в роли главного редактора я помню ещё до войны Симонова, Войтинскую, потом - Ермилова, опять Симонова, Рюрикова, Смирнова, Чаковского, Удальцова, Бурлацкого и вот – Юрий Поляков. Что удивительного? Меняются и командующие военными округами, армиями, фронтами, и директора заводов, и главные врачи больниц, и даже заведующие дискотеками, когда иные из них выходят в президенты...

Во-вторых, а кто в годы детства и юности Константина Смирнова писал покаянные письма? Я, например, помню только одно – Пастернака за «Доктора Живаго», изданного им за границей и ставшего знаменем борьбы против нашей родины, как позже – солженицынский «Архипелаг». Как же в этом не покаяться! А вот покаянных и благодарных речей действительно было немало. Евтушенко всю жизнь каялся, это его любимый лирический жанр. Ещё в 1963 году каялся перед Союзом писателями за свою лживую автобиографию, изданную во Франции: «Я совершил непоправимую ошибку... Я ощущаю тяжёлую вину... Для меня это урок на всю жизнь»

и т.д. Он же каялся перед Хрущёвым за другие литературно-политические проказы и выражал при этом готовность «бороться каждодневно за окончательную победу ленинизма», он же – за ложь в стихотворении «Бабий Яр»; Эрнст Неизвестный каялся за художественные выкрутасы и взывал: «Дорогой Никита Сергеевич, я благодарен вам за отеческую критику (Несмотря на то, что была, говорят, с матерщиной. - **В.Б.**). Она помогла мне. Да, пора кончать с чисто формальными поисками»; Василий Аксёнов - в том же покаянно-благодарном духе: «Я благодарен партии и Никите Сергеевичу за то, что могу с ним разговаривать, советоваться... Наше единство в нашей марксистской идеологии» и т.д. Стенограмма всех этих излияний в 1991 году была опубликована в журнале «Известия ЦК КПСС» и есть в моей книге «Окаянные годы»(1997). А позже каялся и Солженицын – за «Пир победителей», от которого в своё время даже отрёкся, но как только власть перевернулась, он побежал с этим «Пиром» в Малый театр и Соломин поставил его. Странно, что Островский, сидящий у входа в театр, не встал с кресла и своей бронзовой десницей не задушил обоих.

Но К.С. продолжает: «Разве мог я знать, что пережил мой отец, секретарь писательского парткома, когда вынужден был как председатель собрания московских писателей открывать травлю Пастернака... Участие в этой травле довлекло над ним всю жизнь, поскольку он был очень порядочным человеком».

Тут опять много вопросов. Во-первых, Сергей Смирнов был не секретарём парткома МО СП, а пер-

вым секретарём его правления. Во-вторых, дело беспартийного Пастернака рассматривалось, естественно, не на партийном собрании, а на общем собрании писателей Москвы. В-третьих, если уж Смирнов так не хотел участвовать в нём, то мог бы как-то уклониться. Ну, мог бы... Например, подобно Вениамину Каверину, о чём тот сам и поведал: «Как бывало уже не раз, я «храбро» спрятался». Хотя, по его словам, ему дважды звонил К.В.Воронков, секретарь по оргвопросам, и настаивал, чтобы он пришёл. А ведь здесь не было и попытки спрятаться. Наконец, Смирнов мог бы взять пример с героев войны, о которых писал и рассказывал: их девизом было «Умираем, но не сдаёмся!» Тем паче, что ему-то вообще ничего не грозило. А главное, после того собрания Смирнов прожил почти двадцать лет. Было время хоть в какой-то форме, хоть в частном письме выразить свои сожаление и раскаяние. Но где это письмо? Где раскаяние?..

Но что же именно сказал он на том собрании. А вот: «Нельзя пройти спокойно мимо этого тяжёлого факта предательства. Вы поймёте чувство оскорбления, чувство настоящего гнева, с которым мне пришлось закрыть эту книгу. Я был оскорблён не только как советский человек, я был оскорблён и как русский человек. Я был оскорблён как интеллигент и просто как человек. Я, наконец, был оскорблён этим романом, как солдат Отечественной войны, как человек, которому приходилось плакать над могилами погибших товарищей... Я был оскорблён потому, что герои этого романа прямо и беззастенчиво пропове-

дуют философию предательства. Чёрным по белому в романе проходит мысль, что предательство вполне естественно. Предатель возведён в сан героя и предательство воспевается как доблесть». Какие же из этих слов Смирнов взял обратно? Ни одного. Всё это заставляет думать, что 45-летний человек, прошедший войну, не «вынужден был» председательствовать на том собрании, а действовал вполне сознательно, добровольно и потом не жалел об этом.

Если бы К.С. хоть на этом остановился! Но нет, он прёт дальше: «Отец сделал цикл радиопередач «В поисках героев Бреста». Этот цикл принёс ему неслыханную популярность. Дело в том, что как во время войны, так и сразу после, наши солдаты, попавшие в плен, считались предателями. Только сволочь могла так отнестись к людям, которые, проливая кровь за родину, оказались в плену... Отец постоянно вбивал в головы слушателей, зрителей и читателей, что наши военнопленные не предатели, а истинные герои».

Только сволочь могла это написать вслед за лжецами от Волкогонова (1989) и Радзинского (1997) до Туркова. Расскажу о последнем из них. Андрею Туркову в биографическом словаре русских писателей XX века (М. 2000. Академическое издание!) принадлежит большая статья о Твардовском, где читаем: «В поэме «Дом у дороги» впервые с состраданием сказано о пленных, которых Сталин объявил изменниками». Где, когда объявил? В каком приказе, директиве или выступлении? Надо же быть полным идиотом, чтобы объявить три миллиона солдат своей армии изменниками. Но ведь самые тупые клеветники при

всей их ненависти к Сталину давно согласились, что он был совсем не дурак, далеко не дурак, отнюдь не дурак. А вот высоко образованный и начитанный критик всё держит его за идиота.

В плену... в окружении...в оккупации... Вместе с Турковым и другими помянутыми множество сочинителей, от покойного нобелевского лауреата Иосифа Бродского до вечно живого живчика Млечина, без усталости твердят, что все, побывавшие в окружении и в плену, после войны немедленно оказывались в наших лагерях и тюрьмах, но при этом никто не называет имён. Наиболее обобщённо и безответственно сказал это о наших солдатах Бродский в сихотворении «Смерть Жукова». Покойный генерал Варенников подарил мне по случаю какой-то моей даты роскошный фотоальбом о Жукове. Странно было видеть там странные стихи Григория Поженяна, Галины Шерговой и вот такие хотя бы строки Бродского:

*У истории русской страницы
Хватит для тех, кто в пехотном строю
Смело входил в чужие столицы,
Но возвращался в страхе в свою.*

Почему в страхе? А потому, дескать, что боялись сразу попасть в лагерь. Но прежде надо заметить, что «в строю» и вовсе не только в пехотном это немцы входили в европейские столицы, например, в Париж, спешно объявленный французами открытым городом, как входили и мы в тот же самый Париж в 1815 году. А Красная Армия не входила, а то врывалась, то вгрызалась, а то вползала в Будапешт, Берлин и другие столицы с боем,- то танковым броском, то пере-

бежкой, а то и на пузе. Нобелевский лауреат должен бы это понимать. Ведь не Андрей же Дементьев, лауреат Ленинского комсомола.

Последние две строки приведённого четверостишья и цитируются то и дело, как непререкаемый нобелевский аргумент. Это для шакалов демократии сахарная косточка. А со мной в Литературном институте сразу после войны училось много студентов, побывавших в плену: Николай Войткевич, Борис Бедный, Юрий Пиляр, даже был один преподаватель – Александр Власенко. Возможно, и ещё кто-то, но я специально не интересовался, а это – просто знакомцы. И так в маленьком, как тогда говорили, «идеологическом», а ныне говорят «престижном» институте, где не больше сотни студентов. А сколько было тогда бывших пленных в Бауманском, Энергитическом, Авто-механическом, в которых я когда-то учился, наконец, в Медицинском? Там же сотни, тысячи студентов! А в колхозах и на заводах?

Потом я узнал бывших в плену Степана Злобина, Ярослава Смелякова, Евгения Долматовского, Виктора Кочеткова. Были в плену и такие известные писатели, как Константин Воробьёв, Виталий Сёмин ростовский да ещё Леонид Сёмин ленинградский... В справочнике «Отчизны верные сыны. Писатели России – участники Великой Отечественной войны» (М. Воениздат. 2000) два десятка писателей, бывших в плену или ставших писателями после войны.

Никто изменниками их не объявлял и не считал. Плен не помешал им поступить в столичные вузы, жить и работать, где хотели, включая Москву, они

издавали книги, по их романам и повестям ставили фильмы (хотя бы «Девчата» по одноименной повести Б.Бедного), некоторые занимали в Союзе писателей высокие посты, получали ордена, премии - Сталинские (С.Злобин) и Государственные (Я.Смеляков, Е.Долматовский). К тому же Злобин был председателем секции прозы столичного отделения СП, Смеляков – секции поэзии, Кочетков – секретарём парткома, Долматовский - профессор Литературного института, а стоящий во главе списка Войткевич все пять лет учёбы в Литинституте был старостой нашего курса. А у Туркова есть большая работа о Смелякове. Так что, были трудности с публикацией об изменнике? Такова судьба известных мне людей.

Но можно обратиться и к статистике. На 20 октября 1944 года, т.е. за полгода до окончания войны, проверочные спецлагеря прошли 354592 бывших военнопленных. Из них 249592 человека, то есть подавляющее большинство, были возвращены в армию, 36630 направлены на работу в промышленность и только 11556 человек или 3,81% были арестованы (И.Пыхалов. Время Сталина. Л., 2001. С. 67). Вот лишь у этих четырёх неполных процентов и были основания для страха. Выдавать настроение этой доли за настроение всех, значить врать с превышением лжи над правдой в 25 раз. Словом, приведённые строки Бродского - это поэтически оформленная клевета.

Но с упомянутым Н.Войткевичем было у меня такое дело. В Литинституте все пять лет он был старостой нашего кура. В 42-м году под Севастополем он

попал в плен и пробыл там до конца войны. Это ничуть не сказалось на нашем отношении к нему. Скорее, наоборот. Мы говорили друг другу: «Он пережил плен...» Коля был одним из самых старших на курсе и сразу после института женился. Родился ребенок, жить трудно. А я вскоре после окончания Литинститута пошёл работать на радио, которое вело передачи на зарубежные страны (ГУРВ, это за нынешним кинотеатром «Россия», в Путинках). Был я там главным редактором Литературной редакции. Однажды встречаю Колю. Не может устроиться на работу. В чём дело? А вот, говорит, был в плену... Я не стал расспрашивать, много ли он ходил по редакциям и по каким, а просто сказал: «Приходи ко мне, у меня есть свободная единица». Он пришёл, мы направились в отдел кадров и заполнили там все необходимые бумаги.

Он пошагал домой к своему ревущему младенцу, а я — к себе в кабинет. Вдруг звонок из отдела кадров: «Зайдите». Иду. «Кого же вы хотите подбросить нам?» - говорит кадровая баба. - Он же почти всю войну в плену пробыл. Он закопал свой партбилет». Я спросил с ледяным бешенством: «А как вы поступили бы в плену со своим партбилетом? Вам неизвестно, что коммунистов расстреливали в первую очередь?» - «ГУРВ — это форпост борьбы с мировым империализмом, а вы, член партии...» - «Есть такой закон или служебная инструкция, что нельзя брать на работу тех, кто был в плену?» Кадровчиха замаялась: «Нет такой инструкции...» - «Так кто же вам дал право устанавливать свои законы, которые противоречат постановлению правительства о недопустимости ущемления граждан-

ских прав бывших пленных?» - «Вы как член партии за него ручаетесь?» - «Ручаюсь. Я просидел с ним в одной аудитории пять лет, видел в разных ситуациях, знаю его как облупленного» - «Ну, если так...»

Так вот, никакого государственно-юридического запрета не было, но перестраховщики и трусы, как всегда, были и есть, и только надо решиться встать им поперёк дороги. Надо уметь с ними разговаривать. Впервые я встретил такого перестраховщика ещё на фронте.

А Коля до самой пенсии проработал в этом ГУВРе в той же Литературной редакции, был восстановлен в партии и пользовался всеобщим уважением. Светлая ему память...

А что касается бывших в оккупации, то ведь вот что: человек, пробывший в оккупации почти два года, был беспрепятственно принят в столичный университет, ещё студентом вступил в партию, потом стал первым секретарём обкома комсомола, обкома партии, секретарём ЦК, Генеральным секретарём, наконец, президентом страны. И ни на одной ступеньке восхождения его оккупационное прошлое, к сожалению, ему не помешало. Не помешало сыграть даже очень важную, одну из главных предательских ролей в развале страны. Этот страшный пример доказывает, что, с одной стороны, годы оккупации никому в жизни не мешали, а с другой – контроль, проверка, бдительность должны были быть гораздо прозорливей. Уж в этом-то случае - всенепременно.

Сейчас Горбачёв уверяет, что всю жизнь, т.е. выходит, с оккупационного отрочества сперва один, а по-

том со своей Раечкой мечтал сокрушить коммунизм. Это вздорная выдумка. Он был заурядным партийным функционером, прихоть судьбы вознесла его на самую вершину. Президент великой державы — о чём ещё может мечтать карьерист? Он и не мечтал. Но, человек неумный и болезненно тщеславный, пустой, он заигрался в поддавки с Западом. И в конце концов предстал перед миром полным банкротом и был отброшен. Перед мерзавцем встал вопрос: остаться в истории банкротом-идиотом или натянуть маску хитроумного и ловкого предателя? Он в полном соответствии с духом бесстыдного времени предпочёл второе. Его разжиревшую гнусную рожу мы видели последний раз, когда Медведев объявил ему о награждении высшим орденом, какой только смогли они с Путиным измыслить.

Но вернёмся к Смирнову. Ему очень хотелось сниматься в кино и он приставал с этим к своему старшему брату, который уже ставил фильмы. И тот ему однажды сказал: «Я нашёл для тебя роль... Вот смотри: чёрный экран, полоса света. Входят двое. Один говорит: «Посмотри, кто там лежит».- «Это труп». Вот ты этим трупом и будешь»... Эту роль младший брат сыграл великолепно. И так вжился в роль! В сущности, так и остался трупом. Но не простым, а говорящим, дающим интервью для журнала «Караван истории». А о старшем брате Андрее можно только сказать, что он превзошёл младшего во всём, в том числе и в актёрском мастерстве.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ КАК ЗЕРКАЛО АНТИРУССКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

«Могут и хотят убить...»

В.И.Ленин в самом начале статьи «Лев Толстой как зеркало русской революции» (1908 г.) писал: «Сопоставление имени великого художника с революцией, которой он явно не понял, от которой он явно отстранился, может показаться на первый взгляд странным и искусственным. Не называть же зеркалом того, что очевидно не отражает явления правильно. Но наша революция — явление чрезвычайно сложное; среди массы её непосредственных совершителей и участников есть много социальных элементов, которые тоже явно не понимали происходящего, тоже отстранялись... И если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях». И Ленин показал, что Толстой действительно отразил и притом не некоторые стороны революции, а весьма важные, исторически глубинные.

Но вот произошла контрреволюция. На первый взгляд тут ещё в большей мере сопоставление имени великого художника с тем, что произошло спустя восемьдесят лет после его смерти, может показаться странным и искусственным. Однако... Ведь если тогда писатель не понимал происходящего, отстранялся от него, то этот режим, эту жизнь, этих людей, что совершили контрреволюцию и теперь правят страной, он знал, как облупленных.

Взгляните на минутку хотя бы в этот уголок огромного толстовского зеркала: «Пишу вам об очень жалком человеке, самом жалком из всех, кого я знаю теперь в России. Человека этого вы знаете и, странно сказать, любите его, но не понимаете всей степени его несчастья и не жалеете его. Человек этот — вы сами... Не могу понять того ослепления, при котором вы можете продолжать свою ужасную деятельность, потому что вас каждую минуту хотят и могут убить, потому что вы уже заслужили ту ужасную славу, при которой всегда, куда будет история, имя ваше будет повторяться как образец жестокости и лжи... Вы до последней степени доводите озлобление людей ужасами произвола».

И кто же перед нами в зеркале? Да, конечно, Чубайс! Разве не он самый несчастный и жалкий в России человек? Разве не он больше всего на свете любит себя? Разве не он, в ослеплении ненависти начиная реформы, заранее признал, что они приведут к вымиранию 30 миллионов человек, — разве это не ужасная деятельность? Наконец, разве, по его собственным словам, не его хотели убить и хотят убить «каждую минуту» родственники погибших миллионов?

Конечно, мне могут возразить: «Это Толстой о Столыпине, которого он, пророк, проклял и предсказал его убийство, о любимце Никиты Михалкова, нижегородского латифундиста, Сергея Миронова, имеющего пять красных дипломов о высшем образовании, и Путина, почему-те переставшего жаловаться, что ему «культурки не хватает». Правильно, правильно, последний по отсутствию культурки даже учредил

премию Столыпина и в первую очередь наградил его прожжённого патриота Грефа. Дальше того, задумал премьер ещё и поставить памятник своему давнему коллеге, на который предложил скинуться своим министрам. Говорят, уже пустил шапку по кругу, и министресса Голикова с мужем-министром Христенко уже отмусолили из семейного бюджета 350 рублей. Но по справедливости правители должны бы поставить при жизни памятник из золота Чубайсу, у которого в ногах в соответствии с размахом того и другого в их русофобской деятельности торчал бы маленький бронзовый Столыпин, оба со «столыпинскими галстуками». Ну, в интересах художественной гармонии можно и другие фигуры поставить у стоп Чубайса, сами знаете кого, да хотя бы непуганого мудреца Грызлова с буйным фейерверкером Жириновским. А на постаменте хорошо бы выбить приведённые слова Толстого или пусть уж С.Ю.Витте: «Если когда-нибудь будут изданы речи Столыпина в Думе, читатель может подумать: «Какой либеральный государственный деятель!» А на самом деле никто столь безобразным образом не произволил, не оплёвывал закон. Чистейший фразёр!» Если министры пожадничают (что скорей всего) и денег не хватит, то можно ограничиться словами «Чистый фразёр!» Так что Столыпина с его тысячами запоротых и повешенных русских крестьян мы видим в этом зеркале небольшой фигуркой на фоне титанического Чубайса с его миллионами русских.

Но не только Чубайсу надо посмотреть в зеркало, но и тем, кто, объявляя себя его непримиримым

противникам, однако долго же твердил на митингах и демонстрациях, в газетах и книгах: «Россия исчерпала лимит революций!» А вот В.Ф.Булгаков, секретарь Толстого, 26 сентября 1910 года рассказал ему, что в Португалии произошла революция (между прочим, третья по счёту), король Мануэль Второй в страхе забился в какой-то подвал, просидел там несколько часов и бежал. В стране объявлена республика. Толстой сказал на это: «В современных государствах революции неизбежны, это как пожар, свет всё разгорается. Придёт время все эти короли насидятся по подвалам. Как ясно в народе сознание несправедливости!.. Переворот в Португалии есть известная ступень. Нет раболепства, произвола личности». Вот кого бы нам в 1991 году к микрофону на митинге в День Победы на Лубянской площади. А мы слышали: «Лимит исчерпан...»

Однако обо всём этом - позже.

Куликово Поле и Рыльское

В прошлом году в конце августа, как только чуть отступила та незабываемая жара, мне довелось третий раз в жизни побывать на Куликовом Поле. Первый раз был лет в 12-13 с деревенскими друзьями, второй – с покойным поэтом Игорем Грудевым в самом конце 70-х, когда мы ездили в Поленово навестить наших дочек в пионерском лагере, и вот - третий. Ездили мы по моему замыслу на их машине с друзьями из Свердловска, неутомимыми путешественниками. Это доктор технических наук, лесовик Юрий Владимирович Лебедев, его жена Таня,

их юный голосистый отпрыск Вова, ровесник моих внуков, и крутивший баранку племянник Андрей, человек сдержанный и надёжный. Тогда заехали мы и в мою деревню Рыльское, верстах в двенадцати от Поля на Напрядве. Когда переполненные впечатлениями поздно ночью прощались у меня на даче, кто-то сказал:

- Хорошо бы в будущем году побывать в Ясной Поляне.

- Ебж, - ответил я.

- Что такое?

- Так Толстой писал в дневнике, когда замышлял что-то на будущее: если буду жив.

Все засмеялись... И минул год, и все, слава Богу, живы-здоровы. Так надо ехать! И хотя по обстоятельствам уже без Вовы и Андрея, которых успешно заменила моя жена, мы сели и поехали. Почти в тот же августовский день.

А случилось такое совпадение, что в начале месяца я получил из Ясной Поляны письмо от Сергея Михайловича Романова, незнакомого мне сотрудника усадьбы-музея. Он прислал прекрасно изданную в Туле к 65-летию Победы большую книгу «Мы помним...». Это воспоминания о войне её участников и современников, а также размышления о них и о войне - детей, внуков и даже правнуков. Составили интереснейшую книгу Ю.М.Осипов, директор Центра общественных наук при Московском университете и Л.И.Ростовцева, профессор Тульского филиала Российского торгово-экономического университета, который возглавляет мой добрый товарищ

С.Н.Бабурин. Они написали и содержательные статьи, открывающие книгу.

Конечно, не следовало в такую книгу пускать как учителя патриотизма известного Ивана Ильина, который в эмиграции почитал немецкий фашизм и до и после его разгрома. И можно было бы озаглавить один из отделов книги не так тяжеловесно и наукообразно: «Великая Отечественная война в ценностном мире современной молодёжи». Но подобные промахи забываются, когда читаешь о том, как «Моя бабушка была пулемётчицей» или - «Мой дедушка – защитник Москвы», «Военное детство моего дедушки», «Я буду искать своего прадеда!» Или когда читаешь немудрящие душевные строки, сложенные пенсионеркой Ольгой Михайловной Караваевой:

*Три Ивана было на селе,
Алексея было два,
Александр, Митяй, Илья...
Играй, гармошка, не ленись!
В их память песнею сложись...*

А какие фотографии в книге! Довоенные и военные, одиночные и групповые, погибших, ушедших и живых,...

*Какие прекрасные лица!
И как бесконечно родны...
Медали, нашивки, петлицы -
Приметы и знаки войны.*

Я считаю себя туляком, потому что из Глухова, что под Ногинском (Богородском), где родился, мы уехали, когда мне было лет пять, и ничего не помню из столь раннего детства, кроме странных мистиче-

ских сновидений да одного совсем не мистического случая: очень любившая меня тётя Агаша, соседка по квартире, зачем-то высунула мою юную, ничем не обременённую голову в форточку и долго не могла втащить обратно. А изрядную часть и «сознательного детства», и отрочества, и юности я провёл в Рыльском у милой бабушки Арины Никифоровны и дедушки Федоре Григорьевиче, тоже очень добром и славном, золотые руки, но время от времени отключавшимся от бренного мира по причине запоя, что, впрочем, не мешало ему после недолгой и несправедливой тюремной отсидки стать председателем колхоза имени Марата.

В Рыльское я и сёстры ездили каждое лето, а изредка и родители с нами. Однажды я был там с отцом зимой. Как раз готовилась коллективизация. Деревня бурлила. В избу набивались мужики со всей деревни и пытали отца — он же был столичный коммунист и образованный человек, врач — пытали, что будет, как и зачем. Иногда поднимался такой гвалт!.. А я лежал на высокой печи и в прорезанное под потолком окошко с интересом смотрел и слушал, ничего не понимая, как в «Войне и мире» моя ровесница шестилетняя Малаша смотрела тоже с печи на совет в Филях. Громче всех шумел лысый Андрей Семёнов, чья изба была напротив и ниже на лугу, доходившего до Непрядвы.

Ехать в деревню можно было двумя путями: первый — с Курского вокзала до Товарково, а там поджидал с лошастью дед или дядя Гриша, брат моего отца, и надо было плестись ещё 25 верст, часто по ужасной

жаре; второй путь – с Павелецкого вокзала до Льва Толстого (Астапово), там - пересадка и до Птани, где опять же кто-то, конечно, встречал. Летом после второго курса Литинститута я позвал с собой в деревню друга-однокурсника Женю Винокурова, прекрасно-го поэта, милого человека. Прибыли мы в Товарково. Нас никто не встречал: дед давно умер, а как ещё?.. Это же был 1948 год, деревня пережила оккупацию, наша изба сгорела, вероятно, и лошадь невозможно взять в колхозе, если они были. С грехом пополам на весьма специфической машине мы всё же добрались до деревни, где нас ждали дядя Гриша, тётя Лена и мои двоюродные сёстры Клава и Тоня. Впрочем, речь не об этом...

Астапово. Июнь 1937 года

Мне было тринадцать лет, когда умер отец и меня впервые отправили в деревню одного. Кто сейчас решится на это? Тем паче, что сестра купила мне билет с Павелецкого, т.е. с пересадкой в Астапово, да ещё почему-то вышло так неудачно, что там мне пришлось ждать мой поезд до Птани семнадцать часов, чуть ли не до вечера следующего дня. Куда деваться? Что делать? Хорошо ещё было тепло, июнь. Ну, побродил я по станции, посидел в буфете. Наступил тихий вечер и вдруг донёсся звук духового оркестра. По незнакомому посёлку я пошёл на этот звук. Дорога привела в парк, к танцплощадке. Вероятно, была суббота или воскресенье. Посмотрел я на танцующих. Что мне, тринадцатилетнему, ещё делать? Вернулся на станцию. Как скоротать ночь?

И тут уже поздно вечером то ли сам вспомнил, то ли мне кто-то сказал, что ведь здесь умер Толстой. 28 октября 1910 года он, терзаемый стыдом и горем, ушёл из Ясной Полны в сопровождении своего врача Душана Петровича Маковицкого, по дороге в поезде подхватил воспаление легких, в Астапово его ссадили и здесь в квартире начальника станции Ивана Ивановича Озолина, обрусевшего латыша, 7 ноября в 6 часов 5 минут утра писатель умер.

Сейчас в статье священника Георгия Ореханова я прочитал, что старец Варсонофий, игумен Оптиной пустыни, явившийся сюда в предсмертные дни Толстого с целью добиться его покаяния перед церковью, «вынужден был ночевать на вокзале в женской уборной» (Ясная Поляна. «Толстой. Новый век» №2'06, с. 115). Только ждал согласия грешника, и готов был прямо из уборной кинуться к его смертному одру. Не дождался... А мне по малолетству благая мысль о ночёвке в женской уборной в голову не пришла.

Так вот он прямо около станции этот дом. По моим воспоминаниям, он деревянный, одноэтажный, в пять окон. Но на фотографии в одной книге 60-х годов он в два этажа. Видно, надстроили. Что знал я тогда о Толстом, что читал? Один знакомый писатель в прозе и стихах поведал, что в десять лет прочитал все четыре тома «Войны и мира». Думаю, что решиться на такой подвиг можно только из побуждений редкого честолюбия. А я в эти годы, вероятно, ещё и не знал о великой эпопее. Вот «Кавказский пленник» читал, конечно. Его тогда в четвёртом

или третьем классе проходили. Там, в «Пленнике», всё так просто, ясно и благородно: нельзя товарища бросать в беде. Помните, как Жилин тащил на горбу выбившегося из сил Костылина? Мой друг Вася Акулов, одноклассник, почему-то иногда повторял: «Костылин мужчина грузный...»

И в каком сне могло присниться Пушкину, Лермонтову, Толстому, у каждого из коих был свой «Кавказский пленник», что в XXI веке на их родине снова появятся кавказские пленники – не повести и поэмы, а живые соотечественники. Но вот чего не только классики, жившие сто-двести лет тому назад, но и мы, современники, до сих пор вообразить не могли, так это «московские пленники», т.е. русские в плену у русских. 20 февраля этого года два офицера ГУ МВД похитили и вывезли в Можайский район Московской области Николая М., жителя Смоленска, и потребовали от родных 700 тысяч рублей выкупа. Помните, как дело было в повести Толстого? С Жилина «татары», как они названы автором, потребовали 3000 рублей. Он сказал, что больше 500 они не получают, «татары» согласились, но и этого пленник давать не собирался, старой больной матери негде было взять таких денег, и он нарочно писал письма так, чтобы они не дошли, надеялся бежать. И вот с помощью сердобольной юной «татарочки» удалось. А Костылин выплатил 5000. У Пушкина, и у Лермонтова, не добрая «татарочка», а влюбившиеся в русских пленников черкешенки. Они спасают русских, но в порыве неразделенной любви бросаются в реку, тонут.

*Редел на небе мрак глубокий,
 Ложился день на тёмный дол,
 Взошла заря. Тропой далёкой
 Освобождённый пленник шёл;
 И перед ним уже в туманах
 Сверкали русские штыки,
 И окликались на курганах
 Сторожевые казаки.*

Но вернёмся в 37-й год в Астапово.

Ночь на крыльце

Я дёрнул входную дверь дома Озолина, она, конечно, была заперта, во всех пяти высоких окнах — ни огонька. Несколько раз обошёл вокруг дома, как 27 лет тому назад утром 4 ноября Софья Андреевна, приехавшая из Ясной. Устал ходить, сел на крыльцо в три ступеньки. Была уже глубокая ночь, слипались глаза, захотелось спать. Положив под голову сумку, что была со мной, прилёг и быстро уснул, как в бездну провалился. Так всю ночь до рассвета и проспал на крыльце этого скорбного дома. На рассвете меня разбудил свисток паровоза.

А тогда, в 910-м, на станцию нагрянуло много народа — жена, все дети, кроме Льва Львовича, который был в Париже, журналисты московских и тульских газет, братья Пате, кинематографщики, как называл их Толстой, всё фиксировали на плёнку для будущего документального фильма. Есть пронзительный кадр из этого фильма: Софья Андреевна — мы видим её со спины — в длинном чёрном пальто, в белом платке припала к правому от входа

окну, пытаясь хоть что-то разглядеть внутри, где лежит умирающий муж. Ведь её, по настоянию самого больного, не пускали в дом, опасаясь его излишнего волнения. Она вошла в комнату только за 45 минут до смерти. Постояла «минут восемь», как записал скрупулёзный Маковицкий, поцеловала в темя, «потом её увели».

Из тех, кто был здесь в те дни, я застал в живых и знал только знаменитого пианиста Бориса Александровича Гольденвейзера, часто игравшего для Толстого и партнёра по шахматам. Ну, как «знал»? Просто в студенческие годы нередко видел на концертах в Большом зале консерватории, а однажды сидел рядом в его постоянном третьем ряду. Он умер в 1961-м, будучи уже года на три старше Толстого.

Так вот, не после посещения Ясной Поляны или музея в Хамовниках, не после того, как положил руку на кожаный чёрный диван, на котором Толстой родился, не после прочтения «Войны и мира», не после безмолвного стояния у его могилы, не после фильма Бондарчука, о котором я ещё и написал большую статью, а гораздо раньше - после той бесприютной летней ночи до рассвета на крыльце дома Озолина я, отрок, на всю жизнь ощутил какую-то странную, необъяснимую, мистическую близость к Толстому, постоянный интерес к нему. Может быть, потому, что за полгода до этого умер мой любимый отец и загадка жизни и смерти уже томила юный ум? Не знаю... Конечно, мне тогда неведомы были строки Фета, которые так любил Толстой:

*Не жизни жаль с томительным дыханьем.
 Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
 Что просиял над целым мирозданьем,
 И в ночь идёт и плачет, уходя.*

И какой огонь над мирозданьем мог я тогда знать!
 Однако...

Ясная Поляна. Июль 1960 года

Однажды чуть не лбами столкнулись две большие толстовские даты: 1958 год – 130-летие со дня рождения писателя и 1960-й – 50-летие со дня смерти. Были торжественные заседания в Большом театре с участием руководителей страны, доклады, концерты, юбилейные издания, спектакли, фильмы. В прошлом году было 100-летие со дня смерти Толстого. И кто держал речь в Большом театре – Швыдкой, ненавистник Пушкина? Кто издал новое собрание сочинений писателя? Кто поставил?..Появились два фильма по «Анне Карениной» - российский и английский. Кого они порадовали? Уже и то хорошо, что памятник не сковырнули во дворе Союза писателей, как памятник Горькому...

В июле 60-го я поехал в Ясную Поляну в надежде привезти оттуда какой-то материал для юбилейного ноябрьского номера «Молодой гвардии», где тогда заведовал отделом критики. Стояла страшная жара. И приехав из Тулы в усадьбу, я первым делом пошёл на Воронку, в которой все Толстые купались чуть не до заморозков. А дорогу туда мне показал упоминавшийся Валентин Фёдорович Булгаков.

Это человек с богатой и очень интересной биографией. В январе 1910 года, будучи студентом Московского университета, он стал секретарём Толстого, от его имени отвечал на письма, которые шли к нему со всего мира. Разумеется, на особенно интересные и важные писатель отвечал сам и не жалел на это времени. Так, одному студенту из Франции, приславшему пьесу, ответил на 32-х страницах. И этот студент оказался потом Роменом Роланом. До 9 ноября 1910 года, т.е. до второго дня после смерти писателя Булгаков вёл подробный дневник, в котором достоверно рассказано о самом драматическом времени жизни великого писателя. В 1911 году он впервые был издан. Тогда Булгакову шёл 25-й год, теперь ему было 75. В дневнике Толстого иногда встречается: «милый Булгаков».

После купания он водил меня по дому, по всей усадьбе и рассказывал, что к чему. Гостиная с портретами родственников, кабинет, библиотека, «комната под сводами», где были написаны «Анна Каренина», «Воскресенье», «Хаджи-Мурат»... Показал и пруд, в который утром 28 октября бросилась в отчаянии Софья Андреевна, а он, скрытно шедший за ней следом, вытащил её из воды.

Тот же взгляд, те же речи простые...

Когда зашли к Валентину Фёдоровичу домой (он квартировал в «доме Болконского»), я удивился большому портрету Сталина на стене. Ведь это была пора самого свирепого погрома «культы личности». А хозяин ответил: «Этот человек вернул мне роди-

ну». Оказывается, после революции он несколько лет работал директором музея Толстого в Москве, добился его перевода в новое здание на Кропоткинской, организовал музей в Хамовниках. Но с 1923 года - в эмиграции, главным образом в Праге, где в 1943 году его, как русского, немцы арестовали и два года он просидел сначала в тюрьме, потом - в концлагере. После Великой Отечественной войны написал Сталину письмо с просьбой о возвращении. И в 1948 году ему разрешили вернуться, как ещё до войны разрешили, а то и пригласили вернуться Горького и Алексея Толстого, Прокофьева и Куприна, как во время войны, в 1943-м – Вертинского, как после войны - Коненкова, Эрзю... К слову сказать, все они были хорошо устроены и тех из них, кто продолжал творческую деятельность, власть не обошла вниманием: Прокофьев стал Народным артистом, шестикратным - как никто! - лауреатом Сталинской премии и Ленинской, Вертинский давал концерты, снимался в кино и тоже получил Сталинскую, а Коненков – и Сталинскую, и Ленинскую, и Звезду Героя, не говоря уж о прекрасной квартире и мастерской в самом центре столицы - на углу улицы Горького и Тверского бульвара. Не был обижен и Булгаков. Он вернулся не просто в Россию, а именно в Ясную Поляну, с которой у него столько связано. А тот год, когда я приехал в усадьбу, в издательстве «Художественная литература» тиражом 75 тысяч экземпляров была переиздана его книга «Л.Н.Толстой в последний год жизни», впервые опубликованная в 1911 году. Он подарил мне её с дружеской надписью.

Так что портрет Сталина в его квартире был так же понятен, как стихи Вертинского о Сталине:

*Чуть седой, как серебряный тополь,
Он стоит, принимая парад.
Сколько стоил ему Севастополь,
Сколько стоил ему Сталинград!..*

*Эти чёрные, тяжкие годы
Вся надежда была на него.
Из какой сверхмогучей породы
Создавала природа его?..*

*Как высоко вознёс он державу,
Вождь советских народов-друзей,
И какую всемирную славу
Создал он для отчизны своей...*

*Тот же взгляд, те же речи простые.
Так же скупы и мудры слова...
Над военной картой России
Поседела его голова.*

А Куприн? По его «Поединку» поставили фильм «Господа офицеры», экранизировали «Штабс-капитана Рыбникова». И так же закономерны были слова радости и благодарности престарелого писателя, который был изумлён, что его узнают на улице, заговаривают с ним. «Что больше всего понравилось мне в СССР? - писал он. - За годы, что я пробыл вдали от родины, здесь возникло много дворцов, заво-

дов и городов. Всего этого не было. Когда я уезжал из России. Но самое удивительное, что возникло за это время, и самое лучшее, что я увидел на родине, это — люди, теперешняя молодежь и дети... Родная Москва встретила нас на редкость приветливо и тепло». Толстой считал Куприна очень талантливым, но дочитать его «Яму» не смог.

В разговоре я упомянул о статье Сталина, написанной ещё в 1934 году, в которой он решительно возразил на известную статью Энгельса «Внешняя политика русского царизма», опубликованную за границей ещё в 1890 году. И вот в 1934-м академик В.В.Адоратский, директор института марксизма-ленинизма, предложил напечатать её в журнале «Большевик», посвящённом двадцатилетию Первой мировой войны. Сталин был не против её публикации в собрании сочинений, но в массовом журнале ЦК?.. И он написал статью, которая была как письмо разослана только членам Политбюро, и предложение академика не прошло. Но в мае 1941-го буквально за месяц до войны Сталин счёл нужным напечатать свою статью-письмо в «Большевике».

Валентин Фёдорович, конечно, ничего об этом не знал и заинтересовался. Я рассказал ему, что Сталин категорически отвергал уверения Энгельса, будто во главе внешней политики России долгие века стояла некая всемогущая и очень талантливая шайка иностранных авантюристов, которой везло почему-то везде, во всём, и ей удивительным образом удавалось, ловко надувая всех европейских правителей, преодолевать все и всякие препятствия на пути к

своим авантюристическим целям. Это тайное общество, приводил Сталин слова Энгельса, вербовавшееся первоначально из иностранных авантюристов, и подняло русское государство до его нынешнего могущества, «эта шайка, насколько бессовестная, настолько и талантливая, сделала больше, чем все русские армии, для того, чтобы расширить границы России...<...> Это она сделала Россию великой, могущественной, внушающей страх и открыла ей путь к мировому господству». Только-де один чистокровный русский, Горчаков, занимал высший пост в этом ордене. Его преемник фон-Гирс опять уже носит иностранную фамилию.

Валентин Фёдорович слушал очень внимательно и даже, как мне показалось, напряжённо. А я продолжал рассказывать, что Сталин подчеркнул: завоевательская политика вовсе не монополия русских царей. Такой политике в ещё большей степени были привержены короли и дипломаты всех стран Европы, в том числе такой император буржуазной формации, как Наполеон, который, несмотря на своё нецарское происхождение без колебаний использовал в своей внешней политике интриги, обман, вероломство, лесть, зверство, подкуп, убийства... И вывод был очевиден: великую Российскую империю создали не Горчаков и Гирс, а русский народ.

- Это поразительно! - воскликнул Валентин Фёдорович, встал, подошёл к книжному шкафу, взял том Толстого, быстро нашёл нужное место и сказал:

- Ну, это наши поэты иногда почему-то млели при имени Наполеона:

*Да будет омрачён позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень!*

Может быть, именно поэтому Толстой отводил Пушкину в нашей поэзии только третье место – за Тютчевым и Лермонтовым.

Я возразил:

- Это стихотворение написано при известии о смерти Наполеона. А у Лермонтова тоже - «Воздушный корабль»:

*Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нём треугольная шляпа
И серый походный сюртук...*

- Вы послушайте,- сказал Булгаков, раскрыв книгу. - Вот что записал Лев Николаевич в дневнике 4 апреля 1870 года: «Читаю историю Соловьёва. Всё, по истории этой было безобразно в допетровский России: жестокость, грабёж, правёж, грубость, глупость, неумение ничего делать...»

- Дикари! Только иностранцы и могли помочь, - вставил я.

- «Читаешь эту историю,- продолжал Валентин Фёдорович, - и невольно приходишь к заключению, что рядом безобразий совершилась история России. Но как же так ряд безобразий произвели великое единое государство? Уже одно это доказывает, что не правительство производило историю».

- Оказывается, Толстой выступил против статьи Энгельса раньше Сталина – за двадцать лет до её по-

Лев Толстой как зеркало антирусской контрреволюции явления! - засмеялся я.

- «Но кроме того, читая о том, как грабили, правили, воевали, разоряли (только об этом и речь в истории), невольно приходишь к вопросу: что грабили и разоряли? А от этого вопроса к другому: кто производил то, что разоряли? Кто и как кормил хлебом весь этот народ?»

- В корень зрил Лев Николаевич.

- «Кто делал парчи, сукна, платья, камки, в которых щеголяли цари и бояре? Кто ловил чёрных лиц и соболей, которыми дарили послов? Кто добывал золото и железо, кто выводил лошадей, быков, баранов? Кто строил дома, дворцы, церкви, кто перевозил товары? Кто рожал и воспитывал этих людей единого корня? Кто блюл святыню религиозную, поэзию народную? Кто сделал, что Богдан Хмельницкий передался России. А не Турции или Польше?»

- По-моему, - сказал я, - это с другого конца, но о том же: творцом истории является народ.

Ленин писал о «кричащих противоречиях» Толстого. К ленинским примерам можно добавить немало. Так, в молодости Толстой добровольно вступил в армию и участвовал в боевых действиях на Кавказе, потом на знаменитом 4-м бастионе - в героической обороне Севастополя, плакал при виде французского флага над городом, получил медаль за оборону и орден Анны, а в старости призывал отказываться от службы в армии, не раз повторял: «Патриотизм – последнее прибежище негодяев», хотя главное-то здесь не патриотизм, а негодяи. В зрелые годы с увлечением и радостью создал шедевр мировой литературы

— четырёхтомный роман «Война и мир», а в старости говорил, что это самая глупая его книга. В 1866 году был защитником солдата Василия Шибунина, которого судили за пощёчину оскорбившему его офицеру, и даже послал царю просьбу о помиловании, но в России, которую потерял оборотень Говорухин солдата расстреляли, а в 1908 году писатель уверял: «Нет в мире виноватых». Настойчиво, страстно призывал ко всеобщей любви и равенству, а когда его племянница, поехавшая с ним в Башкирию на кумыс, завела там роман с башкиром и забеременела, граф, видимо, уверенный, что графиня не может понести от простого башкира, был в отчаянии. За первые двадцать два года брака у Толстых родилось тринадцать детей, а потом писатель принялся проповедовать безбрачие. Софья Андреевна однажды записала в дневнике, что Лёвочка в порыве страсти завалился к ней в постель, даже не скинув сапоги, и Горькому он говорил об этом деле: «Я был неутомим», а в старости написал книгу «Грех чувственности»...

Да, кричащие противоречия. Но при всём этом было нечто, в чем Толстой всегда оставался неизменен, твёрд, неколебим. Это — от «Детства», написанного в двадцать три года, до статьи «Не могу молчать», написанной в восемьдесят, до неопубликованного при жизни «Хаджи-Мурата» - страстное, неумное обличение лицемерия, лжи, несправедливости, срывание «всех и всяческих масок». И в этом, как и в художественной силе, не было ему равных.

ХОТЕЛ КАК ЛУЧШЕ...

Об одном стихотворении Иосифа Бродского

В одной из недавних моих статей я неласково упомянул поэта Иосифа Бродского, вернее, его стихотворение «Смерть Жукова». Разумеется, моя неласковость кое-кому не понравилась. Видимо, требуется объяснение.

Стихотворение, бесспорно, написано с самым благородным намерением почтить память усопшего, воздать ему должное. Он назван спасителем Родины, к нему приложен эпитет «пламенный» и т.д. Прекрасно! Однако в стихотворении немало странного.

Автор смотрит по телевидению процессию похорон маршала на Красной площади, и вот -

Вижу в регалии убранный труп...

Нобелевский лауреат должен бы чувствовать и понимать, как неудачно сказано «в регалии убранный», а уж «труп» здесь просто вопиет!

Известное стихотворение Пушкина, посвящённое памяти М.И.Кутузова, гробница которого в Казанском соборе, начинается так:

Перед гробницею святой

Стою с поникшей головой...

Можно ли вообразить, чтобы это выглядело, допустим, в таком роде:

Перед гробницею святой

Стою. В ней труп нам дорогой?..

Да, Бродский не всегда был чуток к слову. Однажды в Дании, беседуя с журналистом В.Пимановым, он сказал: «Я хотел бы посетить свою бывшую роди-

ну». Родина может быть покинутой, проклятой, преданной, но бывшей — никогда.

Странно и то, что, желая возвеличить образ маршала, автор поставил его в ряд не с русскими полководцами, например, с Суворовым и тем же Кутузовым, которого Пушкин тоже — назвал спасителем родины, не с Рокоссовским и Черняховским, а с извлечёнными из глубочайшей древности чужеземцами — с Ганнибалом, Помпеем и Велизарием, о коих большинство современных читателей и не слышали. Да мне и самому, работая над статьёй, пришлось раскрыть запылившегося Плутарха, залезть в Брокгауза, навести справки. Первый из названных — это Карфаген, второй из Рима, третий из Византии. Бродский был сильно привержен древности, античности, мифологии, и можно было бы пройти мимо такого сравнения молча и с пониманием. Но...

Во-первых, войны, которые вели эти три полководца, в том числе Вторая Пуническая между Римом и Карфагеном, по сравнению с Великой Отечественной — войны мышей и лягушек. Так, в знаменитой битве на Ферсальской долине Цезарь, у которого было 22 тысячи воинов, разбил Помпея, имевшего около 40 тысяч. Да по меркам 1941-1945 годов это нельзя назвать даже армейской операцией. 22 тысячи — тут нет даже трёх советских дивизий.

Во-вторых, в глазах автора Жуков — полководец, кончивший дни свои глухо, в опале.

Как Велизарий или Помпей.

Велизарий действительно в конце жизни подвергся опале: его отстранили от армии, конфисковали

Хотел как лучше...

огромные имения и даже, по некоторым сведениям, ослепили. Конец Помпея ещё печальней. После поражения в войне против Цезаря он бежал в Египет и там был коварно убит, а труп его (тут это слово уместно) был обезображен. Плутарх пишет: «Цезарь, прибыв в Египет, отвернулся от того, кто принёс ему голову Помпея, и заплакал. А Плотина и Ахилла, виновных в убийстве, приказал казнить» (Сравнительные жизнеописания. М., 1963. Т.2, с. 390).

А Жуков? Он дважды «был в опале». Но что такое опала? Меншиков в Березове, Суворов в Кончанском, Сахаров в Горьком — вот опала. А Жуков всё это время, шесть лет, оставался на высоких должностях командующего сперва Одесским, потом Уральским военными округами. И не лишали его ни самых высоких званий, ни больших наград, ни тем более — «имений». А по прошествии этого срока на XIX съезде партии в октябре 1952 года по предложению Сталина он снова был избран кандидатом в члены ЦК.

Второй раз уже из членов Президиума ЦК и с должности министра обороны Жукова выпер Хрущёв. Это произошло в октябре 1957 года. Маршалу было 60 лет, всего на год старше Помпея, но это далеко не конечные его дни. Он скончался 18 июня 1974 года. Отпущенные ему годы маршал прожил вовсе не «глухо». Встречался с боевыми друзьями, с писателями, журналистами (Симонов, Долматовский, Ржевская...), участвовал в создании фильмов о войне, работал над книгой «Воспоминания и размышления», которая вышла в 1969 году тиражом в

600 тысяч экземпляров и вскоре была многократно переиздана ещё большими тиражами. А вспомним его хотя бы в президиуме торжественного заседания, посвященного 25-летию Победы, что проходило во Дворце съездов...

Наконец, ведь Ганнибал не заставил Рим подписать безоговорочную капитуляцию. Дело вышло совсем наоборот: после ряда блестящих побед он в конце концов был жестоко разбит при Заме, бежал аж в Армению, потом в Вифинию, и там, опасаясь выдачи, отравился. И Помпею не довелось сурово повелеть Цезарю, как Жуков — Кейтелю: «Прошу подойти к столу и подписать акт о безоговорочной капитуляции». О, нет! После некоторого успеха Помпей был разбит и тоже бежал и, как уже сказано, бежал навстречу смерти. Ну, в самом деле, как можно полководца-победителя венчать недолгими лаврами разбитых и даже убитых или покончивший с собой полководцев!

Словом, на сей раз увлечение поэта древностью приходится признать неуместным, никак не соответствующим теме, но дело не только в этом. Читаем его псалом дальше:

*Воин, пред коим многие пали
стены, хоть меч был вражьих тупей...*

Откуда взял, что тупей? Какие данные? Кто сказал? Что, наша «катюша» была «тупее», чем немецкий шестиствольный миномёт? То-то они всю войну пытались её перенять. Или наш танк Т-34, который тоже безуспешно пытались перенять, «тупее» их Т-IV? А что «острее» могли немцы противопоставить 36 тысячам наших штурмовиков Ил-2? Словом,

Хотел как лучше...

перед нами всего лишь стихотворный вариант известного иерихонского вопля: «Мы немцев трупами забросали!»

И если бы этим дело и ограничилось. Так нет же, ещё и такое донеслось из Америки о маршале Жукове:

Сколько он крови пролил солдатской!..

Он! Не враг проливал кровь наших солдат, а наш собственный полководец, ну, конечно, заодно с Рокоссовским и другими. Да одна эта мысль в Стокгольме стоит Нобелевской.

Что ж горевал?

*Вспомнил ли их умирающий в штатской
Белой кровати? Полный провал.*

Поэту ясно, что не горевал. Он уверен, что, конечно, не вспомнил. Ведь вот же сподобился преставиться на белой кровати, а они как... Тут никакого провала в стихотворении нет.

*Что он ответит, встретившись в адской
Области с ними?*

Вот как: поэт отправил их в «адскую область» — и полководца, и всех, чью кровь, по его разумению, тот пролил в Великой Отечественной войне. Ничего другого они в глазах возвышенного нобелиата не заслужили. И этим убитым им и встреченным в аду:

Что он ответит? «Я воевал».

Жалкая отговорка. И нет ему прощения, и место его только в аду. Вот так же недавно и Леонид Гозман поместил в аду Сталина, да ещё рядом с Гитлером, главной жертвой культа личности и незаконных репрессий. И ещё:

*Спи! У истории русской страницы
Хватит для тех, кто в пехотном строю
Смело входил в чужие столицы,
Но возвращался в страхе в свою.*

Последние две строки компашкой помянутого Л.Гозмана цитируются то и дело, как непререкаемый нобелевский аргумент. Это для шакалов демократии сахарная косточка. Но сам Гозман не процитировал их и на подобное заявление всё-таки не решился, он сузил вопрос, заявил, что наши пленные, освобождённые из немецких лагерей, тут же попадали в лагерь советские, ну, и потому, конечно, они «возвращались в страхе». Это тоже повторяется многократно. Отвечая Гозману, я назвал много имён писателей, которые были в плену, но после войны плен не повлиял на их жизнь, не помешал им: они поступали в столичные «престижные» вузы, издавали книги, по их книгам ставили фильмы, они занимали в Союзе писателей высокие посты, получали ордена, Сталинские и Государственные премии. Ещё я писал, что могу привести гораздо более широкие сведения, чем о своих знакомых. Так вот...

На 20 октября 1944 года, т.е. за полгода до окончания войны, проверочные спецлагеря прошли 354592 бывших военнопленных. Из них 249592 человека, то есть подавляющее большинство, были возвращены в армию, 36630 направлены на работу в промышленность и только 11556 человек или 3,81% были арестованы (И.Пыхалов. Время Сталина. Л., 2001. С. 67). Вот лишь у этих четырёх неполных процентов и были основания для страха. Выдавать настроение

Хотел как лучше...

этой доли за настроение всех, значить врать с превышением лжи над правдой в 25 раз. Словом, и на этот раз строки Бродского это поэтически оформленная клевета. И наконец:

Маршал! Поглотит алчная Лета...

Ну, без Леты он не мог, в другом случае — без Стикса, Харона и т.п.:

Поглотит

Эти слова и твои прахоря...

Прахоря, по-блатному, сапоги, только принято писать не «пра», а «прохоря» (Словарь лагерного жаргона. М., 1992. С. 199). Но при чём они здесь? И к чему в стихотворении скорбного рода мотивчик «блатной музыки»? Какая-то несообразность. «Эти слова», т.е. стихи, поэзия — главное в Бродском, а сапоги для Жукова — всего лишь деталь обмундирования. Как можно ставить их в один ряд? И каков общий смысл этих строк? Мол, всё будет забыто. Sic transit gloria mundi. Но это же по меньшей мере опять очень странно в стихотворении, написанном вроде бы с целью воздать должное великому человеку и восславить его.

Для Пушкина фельдмаршал Кутузов был живым вдохновением:

В твоём гробу восторг живёт!

Он русский глас нам подаёт;

Он нам твердит о той године,

Когда народной веры глас

«Иди, спасай!» Ты встал — и спас...

Внемли ж и днесь наш верный глас,

Встань и спасай царя и нас.

*О старец грозный! На мгновение
Явись у двери гробовой,
Явись, вдохни восторг и рвенье
Полкам, оставленным тобой!*

Конечно, «эти слова» Лета поглотит, и довольно быстро, но слава маршала Жукова жива до тех пор, пока жив хоть один русский.

P.S.

Возможно, и на этот раз мои рассуждения об Иосифе Бродском кому-то покажутся суровыми. Что делать! Ведь он и сам в иных случаях не склонен был к любезностям. Так, в помянутой беседе с журналистом В.Пимоновым тот спросил поэта, что он думает о романе Анатолия Рыбакова «Дети Арбата».

« — А что я могу думать о макулатуре? — не задумываясь ответил Бродский.

— Но ведь эта книга пользуется фантастической популярностью.

— А разве редко макулатура пользуется популярностью? — ответил поэт» (Русская мысль №3743, 23 сентября 1988 г.).

ТРАГЕДИЯ ОБМАНУТОГО В ЛЮБВИ

Уже можно

Наконец-то!.. Ликуйте, православные!.. Наконец-то Александр Солженицын получил то, что давным-давно заслужил - похвальное слово Эдварда Радзинского, самого могучего сотрясателя эфира СНГ. Его вдохновенное слово, время от времени ещё украшаемое то ангельскими улыбками, то сатанинским похихикиванием, целый час грохотало по российскому телевидению в воскресенье 13 апреля, в день памяти священномученика и чудотворца Ипатия. Этот день был выбран, конечно, неспроста. Ведь Александр Исаевич тоже мученик и чудотворец, в чём читатель от части сможет убедиться из текста предлагаемой ниже статьи.

Нельзя, однако, не заметить, что своё прекрасное слово Радзинский мог бы обнародовать пораньше. Например, еще в 1962 г., когда в «Новом мире» была напечатана первая повесть Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Увы, Эдвард не сделал этого: у него болел живот. Мог бы в мае 1967 г. вместе с отцом-сценаристом, ещё пребывавшим тогда в добром здравии, присоединиться к 72-м литераторам Москвы, которые подписали заявление, где предлагали обсудить на предстоявшем в те дни Четвёртом съезде писателей СССР весьма неординарные соображения Солженицына о цензуре. Увы, ни отец, ни сын не присоединились к собратьям: им помешала их потомственная еврейская скромность, и к тому же тряслись поджилки. Вскоре отца не стало, но

Радзинский-младший мог бы и один выйти с гневным словом протеста на Красную площадь в феврале 1972 г., когда Солженицына выставили из СССР. Увы, он не вышел на площадь: была ветреная погода. Мог в 1987 г. присоединиться к большой группе литераторов, требовавших со страниц «Книжного обозрения» вернуть Солженицыну советское гражданство. Увы, Радзинский не присоединился: ему не разрешила мама Розалинда Гавриловна. 27 мая 1994 г. мог бы прилететь во Владивосток, чтобы приветствовать и облобызывать там своего кумира, который в тот день явился туда из-за океана. Увы, Радзинский во Владивосток не нагрязнул: была нелётная погода. Месяца полтора спустя мог бы прискакать на Казанский вокзал, чтобы хоть тут, в Москве, вместе с Лужковым обнять колени пророка. Увы, Радзинский не прискакал: в тот день моросил дождик.

Наконец, года полтора назад, когда Солженицына отрешили от телевидения (точнее, он стал появляться не каждую неделю регулярно, как до этого) Радзинский мог бы организовать мощную демонстрацию протеста, призвав на неё читателей своих талмудов «Загадки истории» и «Загадки любви». Лозунг можно было выдвинуть такой: «Даёшь Солженицына по всем программам ежедневно!». К этой демонстрации, вероятно, примкнул бы и профессор социологии Никита Покровский, писавший 10 апреля в «Независимой газете» по поводу упомянутого зверства в отношении пророка: «Власти легко и безболезненно изолировали Солженицына от аудитории. Естественным образом «народ безмолвствовал» ...Да, народ

безмолвствовал, ибо для него эта изоляция действительно прошла безболезненно, кажется, он даже не заметил её.

Но почему речь идёт об изоляции? Разве телевидение - единственный способ общения писателя с читателем? Ведь существуют газеты, журналы, книги. И Солженицын вовсе не пренебрегает ими. Его толстенными фолиантами, как и грандиозными сочинениями Радзинского обо всём возможном и кое о чём сверх того, завалены книжные магазины и книжные развалы. Однако профессор Покровский заключает трагически: «Пророк замолчал в своём величии и отстранённости от сует». Ну, если его отстранили именно от сует, то это и хорошо. К лицу ли величественному пророку суетиться? Ведь когда ещё было сказано: «Служенье муз не терпит суеты». А телесуеты - особенно. Лично я, например, выступал по телевидению лишь один раз в жизни, и ничего, живу, порой получаю от читателей 20-30 писем в день.

Но всё дело-то в том, что Солженицын за последние 35 лет так привык к суете, что жить без неё не может, и потому, конечно же, ужасно страдал из-за лишения его еженедельных вещаний. И тут демонстрация читателей «Загадок любви» была бы для него чрезвычайно отрадна. Но, увы, не организовал Радзинский и демонстрацию, не бросил клич «Дашь Исаича!» У него всё ещё тряслись поджилки.

И вот, наконец, после 35-ти лет упущенных возможностей и полной немоты бесстрашный Эдвард бросил миру своё золотое словцо во славу великому-ченика, пророка и чудотворца Солженицына именно

теперь, когда это совершенно безопасно, безвредно и не нужно никому, кроме самого пророка. Думается нам, что в обстановке всенарастающего безразличия к его титанической личности это для него дороже, чем Нобелевская премия. Потому и решили мы отметить такое событие новой публикацией эпохального характера.

Домик для поросёнка

Ныне всё более модной становится у нас астрология. Дело дошло до того, что ТАСС регулярно готовит на каждую неделю гороскопы, и даже газеты, вчера ещё бывшие органами коммунистической партии, не жалея места на полосе, регулярно печатают их. Поэтому едва ли кто удивится тому, что мы, решив высказать кое-какие соображения об Александре Солженицыне, предварительно заглянули в гороскоп «козерогов», к коим этот «великий писатель» (М. Горбачёв) принадлежит.

В гороскопе сказано, конечно, многое, но сегодня нас заинтересовало вот что: «Может быть философом». И действительно, А.И. Солженицын - философ. В молодости, по его собственному признанию, он был марксистом, причём - воинствующим, клыкастым. Так, рассказывая в «Архипелаге ГУЛАГ» о встрече в Бутырской тюрьме с неким «православным проповедником из Европы» Евгением Ивановичем Дивничем, который лихо поносил марксизм, он прямо заявил: «Я выступаю в защиту, ведь я марксист». Поэтому многие его почитатели, например, журналист Михаил Геллер, говорят о нём: «верующий,

потерявший веру». Они утверждают также, что его антисоветские книги написаны «с болью обманутой любви». Это, разумеется, весьма впечатляет. Обманутые, прозревшие и раскаявшиеся всегда пользуются большим доверием, ибо принято считать, что уж они-то знают покинутый лагерь! К тому же расстриги обычно и любопытство вызывают у всех.

Вот что, однако, выясняется при более внимательном рассмотрении дела. Солженицын рассказывает о своём изучении марксизма очень откровенно: «Самого Маркса читать трудно, но существуют учебники... Я поддался этому искушению (изучить марксизм без прикосновения к Марксу. - **В.Б.**) и с таким мировоззрением я пошёл на войну». То есть самого Маркса-то он не читал, не осилил, мировоззрение его сложилось по каким-то учебникам, среди которых, естественно, могли быть и не очень удачные.

К тому же, по воспоминаниям людей, знавших Александра Исаевича в пору учёбы, он тогда сильно был склонен к зубрёжке. Н. Решетовская, его первая жена, рассказывает, например, что её жених, а затем муж, делал специальные карточки, куда заносил разного рода сведения, нужные по учёбе, и то сам перебирал их, то заставлял невесту, а потом жену экзаменовать его по ним, - на прогулках, в кинотеатре перед началом сеанса, в гостях, пока ещё не сели за стол, даже перед сном, уже под одеялом. Его голубая мечта тех дней - большая китайская ваза на столе, полная таких карточек... Весьма вероятно, что именно так, предварительно расписав по карточкам, изучал он и марксизм. Сочетание неудачного учебника с кар-

точным методом изучения не могло не дать самых достослёзных результатов, а именно - карточного домика познаний.

Домик, как видно, состоял главным образом из цитат. Во всяком случае в упоминавшемся рассказе о столкновении с богословом Е.И. Дивничем писатель говорит именно о них как о своём главном оружии в борьбе за марксизм: «Ещё год назад как уверенно я б его бил цитатами, как бы я над ним уничижительно насмехался!» Но теперь, констатирует он, «меня бьют почти шутя». И ничего в этом нет удивительного.

Нетрудно представить себе, как происходило избивание будущего нобелевского лауреата. Он, допустим, когда-то выписал из учебника в свою карточку: «бытие определяет сознание», выучил на сон грядущий, запомнил на всю жизнь, и вот теперь с этой выпиской наперевес шел в атаку на «православного проповедника». А тот ему - такой, скажем, вопросик: «Позвольте, чадо моё, а как же, например, с самим Лениным? У него отец - действительный статский советник, семья чиновно-дворянская, бытие в детстве и юности вполне обеспеченное, благополучное, даже, извиняюсь, именщицем Кокушкино владели, а у него, несмотря на такое-то бытие, самое что ни на есть революционное сознание. Ась?» Что на это молодой цитатчик мог ответить? Ничего! В карточках ответа не было. Одним ударом неглупого человека он был загнан в угол и там рухнул, погребённый под своим карточным домиком.

Да мне ль его бояться?

Поднявшись, утеревшись, он изумился молниеносности своего разгрома. Как же так? Ведь картотека была до того хороша! Как у шарманщика, который вдвоём с попугаем торговал на родном ростовском базаре «счастьем» из ящичка. Но факт оставался фактом. И тогда, прельстившись лёгкостью добычи, Солженицын сам пошёл громить марксизм, сам стал проповедовать: это, мол, «слишком низкий закон, по которому бытие определяет сознание», это даже - «свинский принцип».

Закон действительно не очень хороший, если его железно прилагать к каждому отдельному человеку, к любому индивидууму. Но ведь марксисты этого не делают! То ли в спешке, то ли действительно уж очень плох был учебник, но студент Солженицын сделал в своё время усечённую выписку, а понять её расширительно - не набрал ума. Настоящие марксисты понимают вопрос так: ОБЩЕСТВЕННОЕ бытие определяет ОБЩЕСТВЕННОЕ сознание, причём определяет, само собой ясно, в самых общих чертах. Что же касается отдельного человека, то о нём у марксистов, разумеется, есть соответствующие оговорки, хотя бы у того же Ленина: «Личные исключения из групповых и классовых типов, конечно, есть и всегда будут». Таким исключением и был, в частности, он сам.

Никто этого, увы, не сказал вчерашнему марксисту, не уличил его. Поощрённый безнаказанностью, он уж совсем расхрабрился: «Да что мне Маркс! Да мне ль его бояться!». И снова с великой болью обманутой любви ринулся в бой против марксизма.

Вернее, против своей картотеки. Так как при этом в какой-то мере всё же приходилось иметь дело с мыслями и высказываниями людей, которых, как говорится, голой рукой не возьмешь, то Обманутый и не действовал голой рукой, а всегда вооружал её - то ножницами, то клеем, то краской.

Он вообще убеждён в полной правомерности такого рода своих действий. Так, полемизируя с одной книгой юриста И.Л. Авербаха, даёт сноску: «Все неоговоренные цитаты в этой главе - по книге Авербаха. Но иногда я (пуская в ход ножницы, клей и т.д. - **В.Б.**) соединял его разные фразы вместе... Однако смысла я не исказил нигде». В данном случае это можно понять так: если я столь бережлив к смыслу речей неведомого вам Авербаха, то уж какие могут быть сомнения относительно моего цитирования или изложения мыслей Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина! Исказить смысл их речей - да это невозможное дело!

Но вот он, как попугай клювиком, вытягивает из ящичка, и мы читаем на ней, что в глазах Маркса такое обращение с заключёнными, при котором они имеют (да именно «имеют», а не «не имеют»!) возможность «читать книги, писать, думать и спорить» - означает обращение «как со скотом»). Всякий согласится, что взгляд, мягко выражаясь, более чем странный, но в карточке точно указан адрес: «Критика Готской программы». Снимаем с полки 19-й том последнего собрания сочинений Маркса-Энгельса, находим «Критику», в ней на странице 31 есть маленький разделчик «Регулирование труда

заклѹчѣнных». Слова «как со скотом» тут действительно имеются, но вот в каком, однако, контексте: Маркс пишет, что рабочие вовсе не хотят, «чтобы с уголовными преступниками обращались как со скотом», - только и всего!

Но Солженицын опять лезет в свой философский ящичек и вытягивает новую карточку. На сей раз попалась о Ленине. В ней речь идёт об одной телеграмме, посланной Владимиром Ильичем 9-го августа 1918 года пензенскому губисполкому в связи с контрреволюционным восстанием в губернии. Писатель уверяет, что Ленин требовал: «провести беспощадный массовый террор...» Массовый? Это что же - террор против масс? Ленин требовал провести террор против рабочих и крестьян? Да уж как видите сами, говорит нам Обманутый и опять точно указывает источник: собрание сочинений, 5-е издание, том 50-й, страница 143-144. Открываем нужную страницу и действительно читаем: «провести массовый террор...» Да, да, массовый. Но там, кажется, ещё что-то? Вглядываемся «Массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев». Эге, вот они, ножницы-то опять, где пригодились. Хватъ! - и террор против мироедов да контрреволюционеров превращается в террор против трудящихся. Ловко!

Простодушие?

Иной читатель, пожалуй, скажет: «Допустим, в самом деле, персонаж несколько неаккуратен. Но ведь при этом, какое подкупающие простодушие, какая трогательная наивность: обрежет, искорежит цитату, но тут же сам и указывает, откуда она, из какого тома,

с какой страницы. Проверь, мол, если хочешь. Это так легко!

Увы, у Александра Исаевича можно найти всё, что угодно, только не простодушие. Он сам строит свой расчёт на нашем простодушии: не поверить ему, искать обман, идти в библиотеку, брать толстые тома и сверять слово за словом могут разве что какие-то литературные потомки Фомы Неверующего! К счастью, оные потомки перевелись ещё не совсем.

В этой же телеграмме Солженицын обращает внимание читателя на следующие слова Ленина: «сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города». Подумать только, негодует Обманутый, - запереть не виновных, но сомнительных! Ну, на такое, мол, попрание законности и свободы способны только большевики!

Но вот какое любопытное рассуждение встречаем мы у самого Обманутого в другом месте всё того же «Архипелага». Рассказывает о бунте заключённых в одном из лагерей. Насколько тут всё достоверно и правдиво, судить трудно: сам рассказчик ничего своими глазами не видел, так как был уже освобождён (май 1954 года), и повествование его от начала до конца - с чужих слов, и много в нём сбивчивого, противоречивого. Но в данном случае это и не существенно, важно другое. По его словам, руководитель мятежа, размахивая финкой, «объявлял в бараке: «Кто не выйдет на оборону - тот получит ножа!» Угрозой страхом смерти гнать не желающих идти людей на затеянное тобой крайне опасное, может быть, даже роковое дело, - вот уж, казалось бы, где Солжени-

цын должен вознегодовать во всю мощь своих лёгких и когда-то забракованных Юрием Завадским для сцены голосовых связок! Но, странное дело, ничего подобного не происходит, и угрозу кровавой расправы над нежелающими принимать участия в бунте он спокойно и уверенно квалифицирует так: «Неизбежная логика всякой военной власти и военного положения...»

Неизбежная! Но ведь в Пензенской-то губернии в августе 1918 года именно такое положение и было - контрреволюционное вооружённое восстание! И, однако, на его ликвидацию никто не гнал под угрозой смерти всех, не принимающих в нём участия, а лишь предлагалось временно изолировать «вне города» того, кто, пожалуй, мог бы примкнуть к восстанию, - вполне естественная и логичная мера предосторожности со стороны военной власти.

Нет, всё-таки неправильно говорит Александр Исаевич, будто он видит жизнь как луну всегда с одной стороны - он видит её всегда с той стороны, с какой ему в данный момент нужно.

Перерусский русский

Не обошёл своим вниманием Солженицын, конечно, и Сталина. На него он завёл целое досье - специальный ящик. Попросим на пробу вытянуть пока хотя б одну карточку. Момент - и поднаторевший клювик уже протягивает нам: «Устами Сталина раз навсегда призвали страну ОТРЕШИТЬСЯ ОТ БЛАГОДУШИЯ». Последние три слова обличительно подчёркнуты и тут же прокомментированы так: «А

«благодушием» Даль называет «доброту души, любовное свойство её, милосердие, расположение к общему благу». Вывод из сопоставления слов Сталина и толкования Даля делается убийственный: «Вот от чего нас призывали отречься - от расположения к общему благу!»

Великолепная вещь словарь Даля, но Обманутый и его поворачивает к нам лишь той стороной, какая ему сейчас выгодна. А в нём, конечно же, приведены и другие, всем известные слова, оказавшиеся во времени более устойчивыми и более распространёнными, привычными нам: благодушие - «самоуспокоенность, добродушное попустительство»; благодушествовать - «наслаждаться физическим и нравственным спокойствием». Разумеется, именно это, более современное, нынешнее значение и имел в виду Сталин в своём высказывании.

Между прочим, тут Солженицын изменяет своему обыкновению - не берёт цитату в кавычки и не указывает, где именно, когда это высказывание было сделано, в какой книге напечатано. Случайность? Отнюдь! Если бы он и здесь позаботился об источнике, то ему пришлось бы указать: «И.В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза». Ах, о войне?! - воскликнул бы читатель, и ему сразу стало бы всё ясно и без контрольного обращения к Далю. Да, это было сказано в речи по радио 3 июля 1941 года, может быть, в самые страшные дни войны: «Что требуется для того, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над нашей Родиной, и какие меры надо принять, чтобы разгромить врага?

Прежде всего, необходимо, чтобы наши люди, советские люди, поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее, когда война коренным образом изменила положение».

Если и теперь Солженицын не захочет признать, что совершил очередное цитатное жульничество, то ему придется проглотить другое: грузин Джугашвили, политик, знал неродной ему русский язык несколько лучше, чем знает его некий писатель, Нобелевский лауреат, то и дело бьющий себя в грудь кулаком: «Я русский! Я из перерусских русский!!»

Энгельс о Солженицыне

Кто там ещё остался из видных марксистов? Ну, конечно же, Энгельс! В попугайской картотечке на него читаем нечто весьма саркастическое: «Энгельс доследовал, что не с зарождения нравственной идеи начался человек и не с мышления - а со случайного и бессмысленного труда: обезьяна взяла в руки камень - и оттуда всё пошло». Понимает ли оратор сам, что тут говорит? Из приведённых слов видно, по крайней мере, одно: он убеждён, что человек начался либо с мышления, либо с нравственной идеи, но с чего именно - пока точно не установил. Что же касается того, почему мышление или та самая «нравственная идея» стали достоянием только человека, а не озарили до сих пор, допустим, москву, лающую на слона, - эта проблема нашего автора не интересует.

И тем не менее мы думаем, он в какой-то мере понимает, что говорит. Уверенности в этом нам придают слова как раз Энгельса, который в известной работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» ещё в 1876 году писал о Солженицыне следующее: «Птицы являются единственными животными, которые могут научиться говорить, и птица с наиболее отвратительным голосом, попугай, говорит всего лучше. И пусть не возражают, что попугай не понимает того, что говорит. Конечно, он будет целыми часами без умолку повторять весь свой запас слов из одной лишь любви к процессу говорения и к общению с людьми. Но в пределах своего круга представлений он может научиться также и понимать то, что он говорит... Он умеет так же правильно применять свои бранные слова, как берлинская торговка зеленью. Точно так же обстоит дело и при выклянчивании лакомств». Да, в пределах своего круга представлений Солженицын почти всегда понимает то, что говорит. Особенно при выклянчивании лакомств, вроде Нобелевской премии.

Не ограничиваясь, так сказать, философской, теоретической умственной борьбой против Маркса, Энгельса, Ленина, Александр Исаевич ещё и пытается дискредитировать их в чисто человеческом плане. Так, о Марксе в одном месте презрительно пишет: «Он отроду не брал в руки кирки, до веку не катал и тачки, уголька не добывал, лесу не валил, не знаем, как колол дрова...» Много ли Солженицын сам махал киркой да катал тачку, сколько он добыл уголька да повалил лесу, это мы в своё время ещё исследуем, что

же до Маркса, то, действительно, он не брал в руки кирку, как не брал её Аристотель, не катал тачку, как не катал её и Коперник, не добывал угля, как не добывал его и Ньютон, не валил лес, как не валил его и Менделеев, может быть, даже и дрова не колол, как не колол их, может быть, и Эйнштейн. Просто у этих людей были другие способности, другое жизненное назначение, призвание, что они и доказали всей своей жизнью, всеми трудами, явившимися вкладом в мировую культуру. Конечно, это удел далеко не всякого. Как говорится, и медведь костоправ, да самоучка. В частности, вопрос о жизненном призвании Солженицына, на наш взгляд, всё ещё остаётся открытым, есть и такая точка зрения, что он больше принёс бы пользы человечеству в качестве не философа, не писателя, а, может быть, шарманщика с попугаем. Как, впрочем, и некоторые его последователи в борьбе против марксизма - Ю. Афанасьев, Д. Волкогонов, А. Собчак и другие светочи «перестройки». Над этим соображением, право же, стоит подумать редакторам всех газет, печатающих гороскопы.

«Дуэль», №8, 1997 г.

БЕСНОВАНИЕ...

НТВ против Победы

Накануне и сразу после трагической даты начала войны энтэвэшники, известные твёрдостью лбов и обширностью лобных пазух, выдали один за другим густопсово клеветнические фильмы о войне: 21 июня — «Тень победы», 22-го — «Брест. Крепостные герои», 23-го — «Сталин против Красной Армии»... Вы только посмотрите, Рыдз-Смиглы, маршал Польши, главнокомандующий, был в 1939 году заодно со своей армией, генерал Гамелен, главнокомандующий союзными войсками во Франции в 1940 году, тоже был душа в душу с армией, наконец, Гитлер — тоже, и только один Сталин — против своей армии. Вот ведь аспид! И что получилось? Три первых пережили полный разгром, для некоторых с персональным летальным исходом, а вот аспид Сталин оказался победителем! Чудны дела Твои, Господи...

Достойное место среди этих ароматных куч заняла в эти дни и работка Алексея Пивоварова. Слава Богу, кажется, русского. Я писал о его прежних, ныне уже окаменевших кучах. И сейчас ничего нового — те же малоумие и бесталанность, то же невежество, то же бесстыдство. Сменить рожу ему не удалось, да он и не пытался, будучи вполне доволен старой, за которую дают премии.

Начать хотя бы с того, что весь фильм идёт под музыкальный грохот, за которым порой невозможно расслышать, что они там изрыгают или мурлычут. Так и хочется сказать:

*Чтоб вам не оторвало рук,
Не трожьте музыку руками.*

Музыка — дело тонкое, в кино её дают для эмоциональной выразительности лишь некоторых сцен. А тут — сплошняком! навалом! от звонка до звонка! И какие децибелы! Одно это — свидетельство бездарности и тупости, захлестнувших ныне телевидение и кино.

Нынешние телевизионщики не могут преодолеть свою профессиональную бездарщину, которая сейчас царит повсеместно, от Кремля до самых до окраин, даже вроде бы в очень ответственных для них сюжетах. Вот 2 июля Медведев беседует во Владивостоке с губернатором Дарькиным. И то, что говорит губернатор, можно слышать и понимать, а что лепечет президент, тонет в дурацких шумах. То же самое и в бесчисленных беседах Путина. Да и зачем вообще тащить всё это на телевидение? Что за умники и красавцы? К чему ещё один назойливый спектакль с ними в главных ролях? Пусть себе балакают без свидетелей.

В свою кучу Пивоваров поставил флажок «22 июня. Роковые решения». Антирусскую и профашистскую позицию автора сразу выдаёт язык. Он не говорит «фашистская Германия», а всегда — «рейх», никогда — «фашистские войска», всегда — «вермахт», никогда — «фашисты захватили (или оккупировали) советский город», всегда — «вермахт занял», а то и «присоединил», например, Австрию и т.п. Правда, до полного неупоминания Германии, как Путин и Медведев в речах о войне, он ещё не дошёл, но это дело времени.

Да, роковых решений перед войной и во время её было немало. Например, когда в 1936 году начался фашистский мятеж в Испании, мы стали помогать законному демократическому правительству, а Франция и Англия приняли решение проводить политику «невмешательства». Это решение оказалось роковым: фашисты в 1939 году задушили республику.

В 1938-м мы готовы были помочь Чехословакии против германской угрозы и уже двинули войска к западной границе, а та же парочка дружков-демократов приняла решение сменить политику «невмешательства» на политику «умиротворения» за чужой счёт. А Польша и Румыния отказались пропустить наши войска. И в Мюнхене, куда не пригласили ни чехов, ни нас, имевших с ними договор о взаимопомощи, демократы подписали с Гитлером капитулянтский сговор. Это тоже было роковое решение: сначала фашисты сожрали часть Чехословакии, а вскоре, вместе с Польшей и Венгрией, и всю. Разумеется, заодно с её первоклассной военной промышленностью.

В марте 1939 года англо-французы дали Польше гарантии защиты от Германии, т.е. если немцы нападут, божились они, то в тот же день мы обрушимся на агрессора всей нашей великой мощью. Мы тоже предлагали помощь, но гордые ляхи не пожелали и слушать нас. Они решили целиком довериться западным жуирам и пустобрёхам. И это было опять роковое решение, ибо, когда немцы напали, то гарантёры объявили им беспощадную, но только словесную, войну и молча три недели смотрели фильм ужасов: как фашисты терзали и душили их подзащитную.

Формально, что ж, Пивоваров, разумеется, имеет право говорить «рейх» и «вермахт», ибо они реально существовали, всё дело в отношении к их фашистской сути. А он предпочитает о ней не упоминать. Но вот упомянул о московских переговорах с англичанами и французами летом 1939 года: «Переговоры с союзниками были прерваны». С какими союзниками? Брянский волк был тогда им союзник. Да как было не прервать переговоры, если нашу делегацию составили наркомы да маршалы, члены Правительства и Политбюро, а из Англии и Франции — тут каждый день был дорог, а они — морем через Ленинград! прогулочный круиз! — прибыли в Москву какие-то вышедшие в тираж генералы и адмиралы, у которых не было не только никаких полномочий от своих правительств, но, кажется, даже и паспортов. Нарком обороны Ворошилов, руководитель нашей делегации, сказал им: «Может, мне сбегать в Париж за вашими документиками?» И после этого нам ничего не оставалось, как заключить договор с Германией. Позже стало известно, что задача у гостей была одна — тянуть время.

А в начале 1940 года, когда мы воевали против финнов, англичанам и французам, тогда действительно двум союзникам, надо было думать об отражении удара немцев, которые стояли у них на границе и уже несколько месяцев находились с ними в состоянии войны, а защитники свободы и демократии приняли решение послать в Финляндию 150-тысячный экспедиционный корпус и заодно разбомбить Баку, его нефтяные промыслы, на что запланировали 15 дней.

И это тоже было роковое решение, но, к счастью, осуществить его не успели: Финляндия капитулировала.

10 мая 1940 года немцы всё-таки обрушились на союзников, восемь с лишним месяцев хлопавших ушами на беспримерной по мощности линии Мажино, где было всё, вплоть до публичных домов. Прорвав оборону, захватчики устремились к Парижу, а уже 16 мая помянутый генерал Гамелен заявил правительству, что он «снимает с себя всякую ответственность за безопасность столицы» (ИВМВ, т. 3, с. 94). Вы можете себе представить подобное заявление осенью 41-го генерала Жукова о Москве? И вскоре было принято решение объявить Париж открытым городом. А Сталин в подобной ситуации 19 октября 1941 года принял решение объявить Москву на осадном положении: «Сим объявляется...» И приказал «провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте». Вот и шевельни мелкозернистым умом, сочинитель, какое решение было роковым, а какое — спасительным.

Но главное роковое решение Запада - это директива №21 от 18 декабря 1940 года, то есть план «Барбаросса», согласно которому Гитлер 22 июня 1941 года напал на Советский Союз.

Ну, а наше ответное решение было принято в первый же день войны: «Враг будет разбит! Победа будет за нами!» Оно оказалось роковым для Гитлера лично и для фашистской Германии.

Ни о каких «роковых решениях» Англии или Франции, Польши или Германии, Венгрии или Фин-

ляндии в фильме, разумеется, ни слова. Более того, делаются попытки извинить, оправдать их. Так, признав, что политика западных демократий перед войной была всё-таки подлой и преступной, участник фильма Марк Солонин, большого ума человек, заявляет: так ведь они же пережили такую страшную Первую мировую! Потому и боялись новой... Полное впечатление, что человек то ли с Луны свалился, то ли из американского «Шатла» выпал. Ему неизвестно или он презрительно отбрасывает, как пустяк, что в Первой мировой его родина тоже кровь проливалась, причём не только на своей земле, но ещё и во Франции, о чём знает теперь, побывав как раз в эти дни в Париже, даже дзюдоист Путин. А потом — Гражданская, ещё более длительная, а, может быть, и более кровопролитная. И, однако же, при этом Советский Союз в 30-е годы помогал против фашистской агрессии Испании, против японской — Китаю, мы блестяще выполнили свои военные обязательства в Монголии, готовы были выполнить в отношении Чехословакии, помогли бы и Польше, Франции, всей Западной Европе, если бы летом 1939 года удалось договориться о коллективной безопасности.

Так вот, в фильме «роковые решения» — это удел только Советского Союза. Утомительно и скучно рассматривать их все, вполне достаточно двух-трёх, тем более, что ведь это только перепев того, что уже не раз мы слышали от Рад-Раз-Мле-Сва-Пи...

Взять, допустим, присоединение, возвращение в СССР в сентябре 1939 года Западной Украины и Западной Белоруссии, оттяпанных поляками в 1920

году у России, изнемогавшей после шести лет войны. Мальчик ухмыляется старческой ухмылкой: «Это «освободительный поход»! О его причинах после напряжённых консультаций в Берлине сказано...» Ты лучше рассказал бы о своих консультациях с Солониным, врущим с первых же строк своей книги «22 июня». А сказано было по радио главой правительства Молотовым 17 сентября вот что: «События, вызванные польско-германской войной показали всю внутреннюю несостоятельность и явную недееспособность польского государства. Его правящие круги обанкротились. Всё это произошло в самый короткий срок... Никто не знает места пребывания польского правительства (как позже выяснилось, оно было уже на пути в Румынию или даже уже там, готовясь к отбытию в Лондон. — **В.Б.**). Население Польши брошено её незадачливыми руководителями на произвол судьбы. Советское правительство считает святой обязанностью подать руку помощи своим братьям украинцам и братьям, белорусам, населяющим Польшу.

Создалось положение, требующее со стороны Советского правительства особой заботы в отношении своего государства. Дан приказ Красной Армии перейти границу и взять под защиту имущество и жизнь граждан Западной Украины и Западной Белоруссии».

Что тут не так? Или правители Польши не обанкротились? Или это произошло не в короткий срок? Или правительство не удрало, бросив народ на произвол судьбы? Или украинцы и белорусы нам не братья, если австрийцы братья немцам? Или Пивоваров

и Солонин и все недовольные присоединением этих земель к СССР не жалеют, что их не захватила фашистская Германия? Да ведь именно так! Ибо другого решения не было: если мы не заняли бы эту территорию, её захватили бы немцы: ведь Польша то рухнула. А коли наши телесограждане считают тот наш поход агрессией, глумятся над ним, то это означает тоже только одно: они были бы довольны захватом этих родных нам краев фашистами. Как же вас теперь называть?

Противно им воссоединение братских народов и расширение страны. В своё время их кумир Окуджава напевал:

Меня удручают размеры страны...

То есть размеры СССР. Я ему тогда посоветовал: «Булат, уезжай в Грузию, на родину своего отца, а нет — в Армению, на родину матери. Очень уютные республики, ничего не будет тебя там удручать, а всё только радовать. Там с любой колокольни граница видна». Не послушал почему-то.

А между тем многие писатели и мыслители мечтали о братстве народов. Пушкин с сочувствием писал, что Мицкевич

*Говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.*

И сам Пушкин был озабочен:

*Славянские ль ручьи сольются в русском море,
Оно ль иссякнет — вот вопрос!*

И Тютчев в 1870 году призывал:

Славянский мир, сомкнись тесней!

Потом в фильме заходит речь о войне с Финляндией. И сразу — враньё: «К ней предъявили те же требования, что к странам Прибалтики». Во-первых, Прибалтика это позже, надо же соблюдать хронологию. Во-вторых, в отличие от тех стран, которым мы ничего не предлагали, Финляндии в обмен за Карельский перешеек, где в 32 верстах от Ленинграда была сооружена линия Маннергейма, всегда способная стать опорной базой наступления, мы предлагали в Карелии территорию в два раза больше. Вам с Солониным известен в истории второй случай таких агрессивных намерений? Может, Америка, оттяпав у Мексики половину территории, взамен отдала ей несколько своих штатов или (потом) — Аляску?

С большим основанием, чем поляки, надеясь на Англию и Францию, финны отвергли наше разумное предложение. Мало того, объявили мобилизацию. Это как же понимать? Им говорят «Давайте торговать», а они — всю страну под ружьё.

Увы, началась война, мы должны были обезопасить Ленинград. И что? «Это была катастрофа!» — голосит Пивоваров. А катастрофы бывают разные: личные, военные, государственные и т.д. Если, допустим, Кулистиков вытряхнет из мягкого и хлебного креслица сотруди́чника НТВ, а одновременно супруга выставит того из квартиры и приведёт другого, а родители проклянут за многолетнюю кинолживость, то это настоящая личная катастрофа. А что произошло в 1940 году в Финляндии? Война была трудной, с многими просчётами, с большими жертвами... Но, может, наши войска были на голову раз-

биты? Нет. Может, Красной Армии не удалось выполнить ни одну из поставленных перед ней задач? Нет, все выполнила, все решила. Может, несмотря на это, мы почему-то явились в Хельсинки и подписали там мирный договор на финских условиях? Нет, всё было наоборот: финны примчались в Москву и подписали мир на наших условиях. Где же катастрофа? Она, Пивоваров, у вас в штанах и под шляпой.

«Вместо запланированных 15 дней кампания длилась 115 дней». На самом деле — с 30 ноября по 13 марта. т.е. 104 дня. Вот ведь натура! Хотя на 10 дней, а соврёт. Не может и дня прожить хотя бы без мелкой пакости. Никто и не думал о 15 днях. На совещании начальствующего состава РККА 14 апреля 1940 года Сталин говорил: «Мы считали, что, возможно, война с Финляндией продлится до августа или сентября» (СС., т.15, с. 350). То есть дней 120-150. И кому же нам верить — наёмному пакостнику или вождю народа?

И хотя пришлось воевать и пролить немало крови, однако Советский Союз, победитель, тогда в 1940 году добровольно уступил Финляндии район Петсамо (Печенга) с его богатейшими залежами никеля. Добровольно! И Пивоваров об этом, конечно, ни слова. Но в 1944-м за дурное поведение финнов в компании Гитлера мы отобрали Печенгу обратно. А как же! Надо вести себя прилично.

Тут нельзя не вспомнить, что пишет о финской войне 1939 года главный консультант фильма М.Солонин. Он называет её «преступной и подлой». А в условиях начавшейся мировой войны оставить

вторую столицу на расстоянии одного марш-броска от границы и нескольких минут лёта бомбардировщика весьма опасного соседа это, по Солонину, было бы высшим проявление заботы о стране, о родном народе.

Очень он возмущён нашим ударом по финским аэродромам 25 июня 1941 года. И до сих пор терзается, почему за этот налёт его родина не оказалась вместе с фашистской Германией на скамье подсудимых в Нюрнберге?

Во-первых, говорит, у финнов и авиации-то никакой не было. Так, мелочишка: «несколько десятков истребителей да 22 бомбардировщика» (с.55-56). Но вот цифра в книге, специально посвящённой авиации в годы войны: 295 самолётов (И.Тимохович. Небо войны. М., 1986, с. 28).

Во-вторых, говорит, бомбили-то не аэродромы, а мирные города, и они полыхали, они полыхали... Какие города? Военная тайна. И большая тупость. Если немцы в первый день войны нанесли удар, прежде всего, по 66 нашим аэродромам, что вполне естественно, ибо на них базировалось 65% авиации западных военных округов, которую враг хотел уничтожить или вывести из строя (М.Кожевников. Командование и штаб ВВС Красной Армии. М., 1977. С. 36), то, конечно, и у нас в данном случае была такая цель, удар был нанесён по 19 аэродромам, уничтожен 41 самолёт. А всего за несколько дней бомбили 39 аэродромов и уничтожили или вывели из строя 130 финских и немецких самолётов (там же, с. 46). Кому непонятно, что в первую очередь надо выбить оружие из рук

врага? Солонину непонятно — зачем, когда для пирозффекта можно бомбить мирные города?

В-третьих, говорит, Финляндия же была нейтральной, тихой, любезной страной. Как можно было её бомбить! Конечно, конечно. Но вот что, по его собственным словам, Гитлер сказал Молотову в ноябре 1940 года в Берлине: «Правительство Германии не могло бы терпимо отнестись к новой войне России против маленького финского народа». Это — из обращения Гитлера к германскому народу 22 июня 1941 года. А в конце он сказал: «Немецкий народ! В данный момент осуществляется величайшее по своей протяжённости и объёму выступление войск, которое только видел мир. В союзе с финскими товарищами стоят бойцы вермахта. Немецкие дивизии защищают вместе с финскими героями финскую землю... Да поможет нам Господь в этой борьбе!»

Господь помог не фашистам, а коммунистам. Но какие же тут могли быть сомнения о позиции Финляндии? И всё это стало известно нам в тот же день 22 июня. А Солонин о заявлении Гитлера не знает? Нет, оказывается, знает. Но божится, что Риббентроп немедленно выступил с опровержением этих заявлений: финские герои, дескать, никакого отношения к начавшейся войне не имеют. Иоахим опровергает Адольфа... Зрелище, достойное богов. Солонин, лапушка, поищите дураков в другой деревне.

Но он снова: а главное, говорит, в-четвертых, после того, как мы отвоевали у финнов Карельский перешеек, но подарили им Петсамо, они так полюбили нас, так полюбили, что если бы мы их не огорчили

бомбёжкой, и они оставались бы нейтральны, то не было бы никакой блокады Ленинграда, финны регулярно поставляли бы в город свежие яйца, отменное молоко, сметану, ветчину, а замечательный сыр Viola не сходил бы со стола у счастливых ленинградцев. Мало того, и платить за это нам ничего не пришлось бы: «Богатая и крайне щедрая Америка заплатила бы финнам за поставки продовольствия для Ленинграда» (с.81). Какие тут могут быть сомнения? Подарил же, говорит, Рузвельт товарищу Сталину за красивые глаза сотни тысяч «Студебеккеров» (с. 121). Так-таки и подарил? Да откуда взял-то? Как видно, сообщил ему об этом с того света сам Эдвард Стеттиниус, занимавшийся ленд-лизом.

Самое примечательное в данном протуберанце малоумия вот что. Эти солонины тридцать лет поносят советское руководство за то, что оно прошляпило день агрессии. И, казалось бы, должны приветствовать наш упреждающий удар. Нет! И это их бесит. Ну, никак не угодишь, ничем не порадуешь эти патриотические души!

Марк Солонин, почётный житель Самары, писал свою книгу «22 июня», как Шолохов «Тихий Дон» — 15 лет. А ведь книг с таким именно названием множество — от уже почти забытого А.Некрича до недавней книги А.Мартиросяна. Казалось бы, в чём дело? Сиди и списывай своими словами. Конечно, творчески. Он этим, в основном, и занимается, но бесталанно, неуклюже.

Написал, говорит, 138 тысяч слов, и каждое слово, конечно же, выстраданная святая правда. Можно

ли не поверить, если книгу автор посвятил своему отцу Семёну Марковичу, участнику войны? Как Гав. Попов свою книгу «Три войны Сталина» — родственникам. Как Радзинский книгу «Сталин»: «Отцу посвящаю книгу эту». Хотя его отец всю войну пребывал с женой и юным Эдиком в Ташкенте, где супруги, по не поэтичным словам А.А.Ахматовой, систематически обворовывали её продовольственный паёк. А Эдик уже в старости продолжил любимое дело любимых родителей: обворовал Марину Антоновну Деникину, дочь известного генерала, по оплошности подарившую ему в Париже своё сочинение о Распутине. Но главное, как выяснилось, и книга пенсионера Эдварда написана лживой рукой.

Однако, не будем спешить в случае с Солониным, беспристрастно откроем его сочинение. И что мы видим? Прежде всего автор благодарит за помощь трёх историков, двух философов, одного библиотекаря и одного полотёра. Да ещё и читателей, особенно дошных, у коих достанет терпения дочитать книгу. Значит, и меня персонально, я дочитал. Гран мерси, Марк Семёнович... Разумеется, есть и эпиграф и, конечно, это Ахматова, жертва Радзинских. Как у Гав. Попова.

И вот, преодолев краткое обращение «К читателю», приступаем к предисловию: «Подлинные документы войны засекретили и стерегли за семью замками как особо важные тайны государства». И такие жалобы — на протяжении всей книги: «И по сей день огромные пласты документов всё ещё скрываются». Ах, как нехорошо вела себя Советская власть! Да и

нынешняя странно. Но, во-первых, а лучше ли ведут себя благородные лорды и премьеры её величества королевы Англии? Ведь они вот уже восьмой десяток лет держат под четырнадцатью замками важнейшие документы, связанные с прилётом к ним совсем незадолго до нападения на СССР Рудольфа Гесса, заместителя Гитлера. Ясно, что для переговоров. И неизвестно, когда рассекретят. Что за некрасивая манера, сударь, видеть соломинку в глазу родины и не замечать бревна в глазах прекрасных демократий?

Во-вторых, Советской власти нет уже двадцать лет. А нынешняя антисоветская власть, начиная с Путина и Медведева, по причине банкротства крайне заинтересована, чтобы оболгать всё Советское время, в том числе и Отечественную, чем они без устали и занимаются. Поэтому, если советские документы могли помочь в этом деле, они их не только опубликовали бы, но и поручили Кириллу Серебренникову поставить оперу по ним. Но опер, увы, нет. Что это значит? Только одно: кремлёвские антисоветчики боятся этих документов, они крайне опасны для них.

Автор, уверенный в своём всестороннем и несомненном превосходстве над советскими руководителями, по поводу многих обстоятельств небрежно бросает: «Каждый школьник знает это»... «Любая Марьяванна понимает это»... «Даже учащемуся кулинарного техникума должно быть ясно»... «Тут и дураку известно»... А вот они, мол, не соображали! Им неизвестно!.. Тут, конечно, ещё и потуги на сарказм. Но приходится сказать: любая Марьяванна понимает, почему нынешняя власть дарит полякам и

тиражирует фальшивки о Катыни, но прячет истинные документы, а вот историк Солонин не сечёт.

Но какие же именно документы Советская власть скрыла от бедняги, чего не хватает ему прежде всего? Оказывается, «речи Молотова и Сталина, тексты международных договоров, заключенных Советским Союзом в 1939 -1941 годах — это тайна, страшная военная тайна». Марк Семенович, ну нельзя же так! Начали бы брехать хоть со второй-третьей главы, а то — сразу в предисловии, с первых же строк. Разве этому учил вас папа? Любой советский школьник вам сказал бы: «Дядя, в книге Сталина «О Великой Отечественной войне советского народа» собраны не только его речи и приказы той поры, но и телеграммы Рузвельту, Черчиллю, и даже беседы с советскими и иностранными журналистами, ответы на их вопросы. И книга эта издавалась в Советское время раз десять тиражом в 2 миллиона и больше».

А любой учащийся кулинарного техникума, даже Геннадий Хазанов, напомнил бы: «В двух томах была издана переписка Сталина с Рузвельтом и Черчиллем. И обсуждали они вовсе не вопрос, как образумить Солонина». Любой студент вуза вспомнил бы и вышедший сразу после войны трёхтомник «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». Каждый том — 700-800 страниц. И чего там только нет!» Да и в нынешнюю пору, будем справедливы, кое-что издано, например, многотомный «Русский архив», тут в томах о войне и директивы Ставки, и приказы, и переговоры по прямому проводу — читай, не хочу! И всё это за 15 лет работы вы не

обнаружили? Да кто ж это вас загнал в подземелье, посадил на цепь, да ещё и завязал глаза?

Вы сетуете также, что «немногим генералам довелось написать воспоминания». Господь с вами! Вам просто не принесли их в погреб. Другое дело, что мемуары наших маршалов и генералов появились позже немецких. И это понятно: наши были сравнительно молоды и после войны продолжали службу, тут не до мемуаров, а немецким старым фердунам ничего не оставалось, как писать и оправдываться.

Но, порой, сидя в подземелье на цепи, вы тоскуете о документах, которых и не существовало в природе. Так, вы требуете: — Дайте мне Большой План Большой Войны! (с. 14-15). Это вы подхватили то ли ещё у Радзинского, то ли уже у вашего любимца Резуна: Сталин-де готовился к завоеванию всей Европы! Где его «план Петра Великого»? Да ведь не было такого плана-то. Я слышу, как вы негодуете: «Как! А «Соображения по развёртыванию Красной Армии на случай войны с Германией»? Да, кто-то где-то разыскал или изобрёл такое сочинение. На случай! Его никак нельзя назвать документом: оно написано от руки, под ним нет подписи ни наркома, ни начальника Генштаба, и в таком виде оно не было, не могло быть доложено Сталину, как уверяют некоторые авторы. Подобные планы сочиняются во всех генштабах мира, для этого штабы и существуют. Я уверен, что в генштабе Люксембурга есть план на случай воздушно-бомбовой атаки Монте-Карло.

Вы попросите кого-то из родственников принести вам в погреб «Майн Кампф», планы «Барбаросса»,

«Ост» и эти «Соображения». И сопоставьте. Гесс ещё в 1922 году записал под диктовку Гитлера, что проблема Lebensraum для великого немецкого народа может быть решена только за счёт России; в плане «Барбаросса» по дням и часам расписано было, как надо для этого разгромить Россию, а в плане «Ост» по пунктам — как ограбить и разорить её, стереть с лица земли. И поставьте рядом с этими дотошными документиками, что с гербовой печатью и державными подписями, анонимные «Соображения», которые можно назвать «Мечты», «Грёзы» или «Упования». Какое впечатление?

Вы сами-то, Марк Семёнович, в каких войсках служили? Очень трудно догадаться. Не в военторге? Или, как Радзинский да Млечин, вовсе не служили? Трудно поверить, что служили, когда видишь, как далеко вы от темы армейской службы и войны, как не понимаете самые простые вещи в этой области.

При написании истории очень важна проблема источников. Вы, повествуя о наших неудачах, об отступлении летом 1941 года, ссылаетесь: «Писатель-фронтовик В.Астафьев вспоминает...» Не мог Астафьев ничего вспоминать об этом, ибо на фронт он попал только в 1943-м году и никаких наших отступлений не видел, а только немецкие. И рассказал, как однажды в Польше убежавшего немца убил: «Котелок у него под ранцем на спине. Цель заметная. Под котелок я и всадил точнехонько пулю из карабина». В спину убежавшему...

Вообще этот ротный телефонист был фронтовиком не только беспощадным, но и загадочно невеже-

ственным в военном деле, не умел даже читать военную карту. Он писал: «Посмотрите на любые карты 1941 и даже 1944 года. Там обязательно 9 красных стрелок против 2-3 синих». Разумеется, это не обязательно: на разных картах разное количество стрелок тех и других, но главное дальше об этом: «Это 9 наших армий воюют против 2-3 немецких армий». Поняли, историк? Он считал, что каждая стрелка — это обязательно армия. А на самом деле она означает направление удара или контрудара разными силами, вовсе не обязательно силами всей армии, тут может быть и корпус, и дивизия, и полк... Да и по составу армии были различны: наши не превышали 70-80 тысяч человек, а у немцев — и 100, и 200, и 300. Например, 6-я армия Паулюса. И вот на основании своего невежества телефонист делал вывод: «Мы немцев трупами закидали!» А не телефонными трубками?

Но этого мало. В советское время в «Правде» Астафьев восхищался Красной Армией и писал о её блистательных победах, в которых соотношение потерь было 1 к 10 «в нашу пользу», а в эпоху демократии уверял, что такое соотношение было в пользу немцев. То есть в обоих случаях человек врал почище вас, товарищ Солонин. Потому вы на него и ссылаетесь. Потому Горбачёв и повесил ему звезду Героя, а Ельцин издал собрание сочинений в 15 томах. Таков ваш источник.

С грустью я прочитал у вас замшелую бреховину о том, как некий майор Кононов с большей частью своего 436 сп 155 сд 13 армии с развёрнутыми знаменами и, надо полагать, под барабанный бой

перешёл к немцам. Это вы стянули у Солженицына. Опять крайне болезненный источник. И даже любящая супруга покойного, готовя к изданию его в четыре раза усеконовенный «Архипелаг», не решилась оставить сию прелестную бреховину. Ах, как жаль, что нет уже моего друга Василия Никитича Гришаева! Он как раз служил в этом полку и мог бы многое рассказать, в частности, что в 13 армии не было 155 дивизии, о чём вы пишете.

А это! «Генералам выдаётся личное оружие для того, чтобы поднимать в атаку своих подчиненных» (с. 74). Ну, как такое могло взбрести вам в голову? Словно об Александре Невском во время Ледового побоища в 1242 году. Конечно, на войне всё бывает, и если, допустим, противник прорвался к штабу, то и генералы могут пойти в атаку. Бывает и так, как писал Семён Гудзенко: «Когда идут в атаку писаря...» Но это же исключительный случай. А задача генералов, их назначение — руководить боем с КП или из штаба.

Или вот уверенно заявляете, что если солдат оказался в плену здоровым, значит, сдался добровольно (с. 376). Какое убожество воображения! Да есть множество причин, чтобы попасть в плен и здоровому, например, такая внезапность атаки врага, что не успеваешь воспользоваться оружием. Не можете представить себе это?

А как решительно и язвительно изрекаете: «Не обязательно кончать Академию Генштаба, чтобы понять, что наступление гораздо сложнее, чем оборона». И самым ярким примером умелой обороны вы

объявляете Израиль. Батюшка, ну зачем корчите из себя мудреца? На войне всё зависит от множества причин — от соотношения сил, их качества, от количества и особенности вооружения, от характера укреплений, местности, от времени года и даже погоды, например, лётная она или нет. А израильский опыт, которого тогда не существовало, в 41 году нам никак не годился хотя бы по причине некоторого расхождения размера территорий.

Далее, наступление по всему фронту нашей границы от Баренцева до Черного моря, которое Гитлер с полным основанием назвал величайшим в истории, вы именуете «тактической внезапностью», несущественным «тактическим преимуществом «первого удара». Если это тактика, то что же такое стратегия? И возмущаетесь, что советское руководство этой внезапности не предугадало.

Действительно, не предугадало. Но вы при этом умалчиваете, что у нас были с Германией два договора, исключавшие всякую возможность нападения, — это же непорядочное, нечистоплотное умолчание. Тем более, что французы и англичане находились уже больше восьми месяцев в состоянии войны с немцами и всё-таки 10 мая 1940 года прошляпили внезапный удар. А ведь у них тоже имелись свои «Зорге», «Корсиканец», «Старшина». Ещё в марте о замысле Гитлера дважды предупреждал французов не кто-нибудь, а сосед Чиано, министр иностранных дел Италии да ещё зять самого Муссолини, собеседник Гитлера. Это тебе не странствующий журналист Зорге на другой стороне земного шара. Предупреждал французов о

готовящемся наступлении и генштаб Голландии. Наконец, вечером 9 мая дежурный офицер разведотдела Ставки, исходя из анализа поступивших сообщений, предложил принять срочные меры. И получил ответ: не трепыхаться! (ИВМВ. Т.3, с.91)

А американцы? Почти две недели открытым морем — где там замаскируешься? — к Гавайям шла огромная эскадра из 32 кораблей, в числе которых шесть авианосцев, два линкора, три тяжёлых крейсера... Когда 6 декабря пришли какие-то первые тревожные вести, Рузвельт позвонил главнокомандующему военно-морскими силами адмиралу Старку, но ему ответили, что в сей момент их благородие в Национальном театре на спектакле «Принц-солдат». Ну совершенно, как за полгода до этого командующий Белорусским военным округом генерал Павлов вечером 21 июня сидел в театре на спектакле МХАТа, приехавшего в Минск на гастроли! Не хватало только одного: чтобы смотрел Павлов спектакль «Шельменко-денщик». И когда 7-го Рузвельту уже достоверно сообщили о катастрофе Пёрл-Харбора, он воскликнул: «Не может быть!»

Да взять и самих немцев. Наше контрнаступление под Москвой было для них полной неожиданностью. То же самое — и контрнаступление под Сталинградом, то же самое — и наш упреждающий артиллерийский удар на Курской дуге... Но самой большой неожиданностью для Гитлера и его сатрапов были разгром вермахта, сдача Берлина, подписание безоговорочной капитуляции. Вам хоть приходилось слышать обо всём этом в своём погребе?

Вот, ещё уверяете, что в мае 1940 года на севере Франции у приморского Дюнкерка немцы «окружили главные силы союзников» (с. 319). Силы союзников — это 147 дивизий, а у Дюнкерка оказалось лишь 40. Разве это «главные» силы? И немцы их вовсе не окружили, а отрезали от главных сил. И 338 тысяч англичан, французов и бельгийцев благополучно удрали через Ла-Манш в Англию, где тихо просидели три года, наблюдая, как Россия обливается кровью, и читая сочинения Солонина о том, как бездарны советские генералы.

Ещё, касаясь темы союзников, вы пишете: «В июле 1941 г. Жуков не мог предположить, что «англо-американские империалисты» пришлют в помощь Сталину 17 млн. тонн военных грузов» (с. 84). Это почему же не мог? Сразу после нападения фашистов Черчилль, а потом Рузвельт выступили с заявлениями о готовности оказать нам помощь. Сталин 3 июля известил об этом наш народ. И надо помнить, что даже такой циник, как Трумэн, признавал: «Деньги, истраченные на ленд-лиз, безусловно, спасли множество американских жизней. Каждый русский солдат, который получал снаряжение по ленд-лизу и шёл в бой, пропорционально сокращал военные опасности для нашей молодёжи» (Э.Стеттиниус. Ленд-лиз — оружие победы. М. 2001, с. 396). Так что мы платили не только золотом, но главным образом — кровью. И генерал Жуков знал это ещё тогда, а вы, представляя это подарками за красивые глаза, о чём говорилось выше, лжёте даже сегодня. Некрасиво.

Трудно понять, что с вами, Марк Солонин, когда видишь, что в одной фразе о героической обороне Москвы и Ленинграда у вас говорится об «обороне Баку»(с. 84). Что это такое? Может, у вашего отца есть медаль «За оборону Баку»? Может, это город-Герой? Вот у Радзинского, вероятно, остались от родителей две медали «За взятие Ташкента». А что у вас?

А на кого вы рассчитывали, когда писали, что перед войной и даже в 1940 году «производственные мощности немецких заводов были загружены изготовлением патефонов и велосипедов, радиоприемников и легковых машин, фельдеперсовых чулков да бритвенных лезвий»(с.12). А советские заводы? О, страшно сказать... Но ведь всё, мол, нелепо, всё курам на смех. Вот штурмовик Ил-2, которому в родной Самаре даже памятник поставили. «В пилотской кабине размещается один человек. Кроме прицеливания, у него в бою много других дел: ноги на педалях разворота, правая рука на ручке управления, левая рука управляет двигателем...» и т.д. Словом, совершенно непонятно, как он может стрелять. Правильно. Только на самолёте не один, а два лётчика, второй — стрелок-радист. И не было за всю войну лучшего штурмовика, чем Ил-2, потому и построили их больше 36 тысяч. Вы бы хоть только над этой цифрой подумали, прежде чем рот разевать.

Господи, как они похожи с Пивоваровым. Помните, Алёша тоже потешался над нашим замечательным автоматом ППШ: «Ведь его зарядить — целая история, морока, проблема!» Конечно. Для рук, ко-

торые ничего тяжелей столовой ложки не держали, и ни к чему, кроме гонорара, не тянулись. Ну, может, ещё тянутся к тому, о чём выразительно писал Илья Сельвинский:

*Тихонько, остороженько пуговку на лифе —
удивлённо выкатилось спелое ядро...*

Но сомневаюсь...

А этот не знает даже или сознательно врёт, какими силами обрушилась на Советский Союз фашистская Германия: «трёхмиллионный вермахт»! Почти в два раза урезал. И боевой опыт, говорит, у вермахта совершенно пустяковый: «Давайте попробуем воспользоваться головой и зададим ей простой вопрос: когда и где мог вермахт набраться этого самого «двухлетнего опыта»? Три недели боев в Польше, три-четыре во Франции, неделя в Югославии. Вот и всё. Даже чисто арифметически это два месяца, а не два года». Как всё — а где, например, бои в Норвегии, в Греции? Где «битва за Англию»? Но главное, голова, которая соображает лишь арифметически, может служить только вешалкой для шляпы или быть дворковичем у Медведева.

Ну, кому не ясно, что даже обыкновенное ежедневное обучение уже отобилизованной армии, даже бескровные захваты Мемеля, Чехословакии и Австрии, даже маневры имеют немалое значение для боевой подготовки армии. А тут — в Польше укокошили 64 тысячи человек да 134 тысячи покалечили. Это же надо уметь! Это «наука». И своих потеряли в общей сложности около 45 тысяч. Во Франции, опираясь на опыт в Польше, истребили уже 84 тысячи

французов и 68 тысяч англичан, да сами потеряли 45 тысяч убитыми и около 100 тысяч ранеными. Это вам не маневры! Если голову Солонина спросить, допустим, для простоты, сколько времени потребовалось Елене Исинбаевой для мирового рекорда, она ответит: «Вот Леночка бежит, вот милашка опирается на шест — гоп, и рекорд готов! Секунд 15-20». «Молчи, пустая голова!» — как сказал незабвенный Руслан. За этими секундами, за рекордом стоят годы напряжённой работы, учёбы, тренировок, строгого режима. Так же — и за кровавыми блицкригами фашистской армии, ведь они были тоже своего рода «рекордами». Как можно, живя в славном городе Самаре, не понимать такие вещи! Это ж позор для города!

А силишки-то у трёхмиллионного вермахта то там, то здесь были просто хилые. Так и пишет: хилая артиллерия, худосочные танкетки... Вот, говорит, пушчонку времён Первой мировой войны тянет-потянет, вытянуть не может шестёрка хилых лошадок. Или взять бомбардировщик Юнкерс-87. Да это сущий лаптёжник (с. 166). Однако «катастрофический разгром Красной Армии можно списать на действия хилых сил немецкой авиации» (с. 170). Кто не понял?

А ещё, мол, слышим «бесконечные причитания партийных пропагандистов, что «на Германию работала вся промышленность покорённой Европы» (с. 100). Да ничего подобного! Сталинская пропаганда. Правда, в 215 моторизованной дивизии имелись французские, бельгийские и чешские грузовики. Так это ж чистая случайность! Да вот ещё в 7 танковой дивизии из 265 танков было 167 чешских и только

98 своих плюс 167 танковых пушек чешской фирмы «Шкода». А всего в июне 41-го перешли границу только 820 чешских танков (с. 132-133). Разве много? Ну, были ещё и румынские, вернее, сделанные во Франции танки Первой мировой войны. Крохи! Правда, танки, самолёты, орудия были, разумеется, и у союзников — от Финляндии до Румынии.

Если установить десятибалльную шкалу знаний о Красной Армии и Отечественной войне и принять за единицу измерения, допустим, млеч, то знания, скажем, Радзинского можно оценить в полтора млеча, самого Млечина — в один млеч, а ваши, Солонин, в 0,3 млеча. В самом деле, вы не знаете даже, когда была создана Ставка (с. 42), сколько человек входили в созданный 30 июня Государственный комитет обороны. А что пишете о гвардии? Будто звание гвардейских первыми получили две дивизии за бои под Минском в конце июня (с. 141). До этого ли нам тогда было... На самом деле, первыми стали гвардейскими не две, а четыре стрелковые дивизии: 100-я генерал-майора И.Н.Руссиянова, 161-я полковника П.Ф.Москвитина, 127-я полковника А.З.Акименко и 153-я полковника Н.А.Гагена. И было это не в июне, а 18 сентября 1941 года. И не за бои под Минском, а за участие в Ельнинской операции, первой нашей крупной и успешной наступательной операции, проведённой под командованием генерала армии Жукова. И после этого, кроме жены, вас кто-то продолжает называть историком?

Маршал Жуков, разумеется, вам не по душе. Вы лишаете его славы победителя на Халхин-Голе, а целиком передаёте её генералу Потапову.

Не только о воинских частях, но и о конкретных военачальниках вы врѣте, как сивый жеребец: Тимошенко, Буденного, Ворошилова, Тюленева, которых называете горе-командирами, «через полгода-год после начала войны Сталин отправил в глубокий тыл» (с. 468). Это куда — в Ташкент к Радзинским, что ли? Через полгода? На самом деле С.К.Тимошенко до марта 1943 года продолжал командовать фронтами, а потом до конца войны — представитель Ставки на разных фронтах, удостоен Ордена Победы. С.М.Буденный до сентября 1942 года командовал Северо-Кавказским фронтом, а с января 1943 года, будучи заместителем наркома обороны, до конца войны был командующим кавалерией Красной Армии. Трижды Герой Советского Союза, кавалер Ордена Суворова Первой степени и восьмикратный кавалер Георгиевских крестов и медалей. Вы или кто-нибудь из ваших родственников, Солонин, имеете хотя бы медаль «За спасение утопающих», как прокурор Чайка — за спасение Чубайса? К.Е. Ворошилов с конца 1942 года — начальник штаба партизанского движения. И.В.Тюленев с мая 1942 года до конца войны командовал Закавказским фронтом. Награждён Орденом Кутузова Первой степени.

Заодно Солонин расправился в своём погребѣ и с И.И.Федюнинским. И ведь с какой лёгкостью! «Генерал-майор, он принимает командование целым фронтом, да каким — Ленинградским, но вскоре покатился под гору и на завершающем этапе войны ушёл в тень» (с. 268). Да он после этого был ещё замкомандующего Волховским фронтом, Брянским, ко-

мандовал 2-й ударной армией, дослужился до генерала армии, был Героем Советского Союза. Это тень или плетень?

Но, конечно, иные из них были уже в весьма почтенных летах, а на первых ролях лучше иметь помоложе. Вот во Франции в трагическом мае 1940 года на первые роли призывали 73-летнего генерала Вейгана и 83-летнего маршала Петэна? Вам известно, Солонин, что было дальше? Когда вам исполнится 83, я настояю, чтобы вы всё-таки хоть каптенармусом послужили в армии.

Впрочем, за некоторых генералов автор вступается, например: «В.А. Фролов не был удостоен звания Героя — совершенно необычная ситуация для полководца в звании генерал-полковника» (с. 85). Этот военный историк уверен, что при таком звании никак нельзя было не дать Золотую Звезду, что её непременно прилагали к столь высокому званию. О Господи!.. Да вот тебе И.В.Болдин, Г.С.Зашихин, Л.М.Сандалов, И.Т.Коровников, М.С.Хозин — все генерал-полковники и никто не Герой. Вот тебе А.А.Антонов, М.И.Казаков, В.В.Курасов, А.В.Хрулёв, С.М.Штеменко — все генералы армии и никто не Герой. Вот тебе Г.А. Ворожейкин, Г.Ф.Одинцов, Н.С.Скрипко, С.А.Худяков, М.Н.Чистяков — все маршалы и никто не Герой. Это сейчас, если ты имеешь звание антисоветчика, то тебя непременно делают героем телеэкрана.

Очень ядовито похихатывает погребной сочинитель по поводу того, что «Сталин всё тасовал и перетасовывал генералов в надежде найти того, кто

совершит чудо» (с. 468). И тут же убийственный примерчик: «Командующего 21-й армией меняли шесть раз». Так это же естественно — искать того, кто может сделать дело лучше, а, возможно, и совершит чудо. Только у нас ныне все знают, что тот же Чубайс — потомок Чингисхана, трепло и бездельник, но власть дышит на него и любит, как на хризантему.

Но с другой стороны, что, шесть? Но вот 1-я танковая армия немцев, которой сначала командовал известный «подлец Гудериан», по выражению А.И.Ерёменко. А после него до конца войны — ещё шесть подлецов (Кто был кто в Третьем рейхе. М. 2002, с. 914). Или вы хотите, чтобы я величал их рыцарями, как Пивоваров? А вот 2-я танковая. Ею сперва командовал фельдмаршал Клейст, скончавший дни во Владимирском центре, а после него — ещё семь хлюстов (там же, с.915). Назову ещё танковую армию «Африка», которой первым командовал знаменитый фельдмаршал-самоубийца Роммель, а после него ещё девять раз меняли командующего. Значит, всего десять (там же, с.917). Хватит? Ну ещё один примерчик. 4-я армия Клюге, тоже фельдмаршала-самоубийцы. Двенадцать перемен! (там же, с. 907). Об этой армии в немецком справочнике сказано:

«В марте 1945 г. уничтожена на Востоке». Стесняются сказать «на советско-германском фронте».

Можно вспомнить и начальников Генштаба. У нас за войну сменилось четыре: Жуков, Шапошников, Василевский, Антонов. И у немцев четыре: Гальдер, Цейтцлер, подлец Гудериан и Кребс. Довольны?

Кстати, о самоубийствах. Вы пишете, что 22 июня, в первый же день войны застрелился командующий ВВС Западного фронта И.И.Копец. Увы, было с чего: в этот день авиация фронта потеряла около 800 самолётов. А что ж вы молчите о немцах? Ведь ещё 15 ноября 1941 года, когда они стояли под Москвой и не потеряли в один день 800 машин, покончил с собой начальник технического управления люфтваффе генерал-полковник Эрнст Удет. С чего бы? Не от сознания ли неизбежности краха, за неделю до этого уверенно предсказанного Сталиным? 19 августа 1943 года свёл счёты с жизнью начальник штаба люфтваффе генерал-полковник авиации Ганс Ешонек. А уж после Сталинграда и Курской дуги, после Белорусского погрома 1944 года пошла эпидемия самоубийств: в июле застрелился генерал-полковник Людвиг Бек, 18 августа 1944 года принял цианистый калий помянутый фельдмаршал Ганс Клюге, 28 сентября сыграл в ящик рейхскомиссар Австрии Йозеф Бюркель, 14 октября «сделал последнюю гримасу» помянутых фельдмаршал Роммель, 21 апреля 1945 года протянул ноги фельдмаршал Вальтер Модель... А уж после 9 мая они посыпались, как горох: 10 мая отдал концы гауляйтер Чехословакии Конрад Генлейн, а за ним — главком ВМФ адмирал Ганс Фрейдебург, министр по делам науки и образования, вроде нашего Фурсенки, Бернхард Руст, начальник канцелярии Гитлера, рейхсляйтер Филипп Бюлер, начальник всех лагерей смерти Одило Глобочек, рейхскомиссар Норвегии Йозеф Тербовен, 30 апреля — сам фюрер и его Ева, 2 мая отравили себя и

своих детей Геббельс с супругой, 21 мая отдал концы Гиммлер, 15 октября 1946 года «присоединился к большинству» и Геринг... У нас в самые отчаянные дни 41-го и 42-го годов ничего подобного не было ни среди генералов и маршалов, ни среди наркомов и партийных работников. Вот только Копец да в окружении, будучи ранен, — командующий 33-й армией генерал-лейтенант Ефремов Михаил Григорьевич. В Вязьме стоит ему памятник. Ещё по неизвестным причинам в июле 1942 года в гостинице «Москва» застрелился генерал И.И.Ларин.

Тут нельзя не вспомнить, что на Нюрнбергском процессе многие подсудимые говорили, что они ничего не знали о зверствах и газовых печах. Нет, всё они знали и боялись возмездия, потому и стрелялись, вешались, травились.

Но больше всех наших маршалов и генералов Солонин поносит, конечно, Сталина. Это у них национальная болезнь: «Не получил даже среднего образования... Малообразованный сын пьяного сапожника...» (с. 478). Не понимает образованец, что надо было сказать «пьющего» или «запойного», но никак не «пьяного». А слово «сапожник», порой, как здесь, употребляют в бранном смысле крайне несправедливо. Сапожники, как и сочинители книг о войне, бывают разные. В частности, отец Сталина был прекрасным сапожником, вся округа щеголяла в его обуви. А справедлив только тот случай, на который указал мудрец Крылов:

*Беда, коль пироги начнёт печи сапожник,
А сапоги тачать — пирожник.*

Вот вы, Марк Семёнович, и есть тот сапожник, который 15 лет пытался испечь в погребке свой пирог в 500 страниц, а выпек Энциклопедию военного невежества (ЭВН). И непонятно, почему у вашего отца, конечно же, не сапожника, а доктора юридических наук и строжайшего трезвенника, родился такой сапожник-энциклопедист.

Есть досадный физический изъян — плоскостопие. Было время, когда из-за него даже в армию не брали. Но есть ещё плоскоумие. Вот с ним нельзя страдальцев допускать до писания книг и до вякания по телевидению. У вас и Пивоварова именно плоскоумие, т.е. умы ваши прямолинейны, неподвижны и лишены всякой способности к сопоставлению фактов и явлений, к ассоциациям. Ещё один пример вашего плоскоумия я только что привёл. А вот и пивоваровское. Он негодует: выборы в прибалтийских республиках летом 1940 года дали высокие результаты, порядка 90-95 процентов. И плоскоумный пупсик гневно восклицает: «Что это за обстановка, что за власть, когда так голосует!» Тут, мол, явно рука Москвы. Ему не приходит на ум сравнить данные цифры с тем, что у него буквально под носом: например, в 2007 году были выборы в Узбекистане, и за Каримова проголосовали 88% избирателей. Потом — выборы в Белоруссии, и за Лукашенко 85%, потом — в Казахстане, за Назарбаева голосуют 95%. И чья тут рука? Но, конечно, есть и такие факты: недавно Совет Федерации переизбрал на новый срок генерального прокурора, которого за одно лишь дело подмосковных прокуроров можно было бы бы

судить вместе с ними. И как? 99%. Скоро СФ будет избирать своим председателем Матвиенко, которой в лучшем случае пора на отдых. Но заранее можно предсказать: будет 100%. Вот тут и ищи руку.

Так обстоит дело с млечами Солонина. А если установить такую же шкалу знаний о жизни вообще и о Советской жизни в частности и принять за единицу измерения сван, то и тут больше 0,2 свана он, увы он не набирает. Меньше, чем Горбачёв на президентских выборах 1996 года. Действительно, вот пишет, что коммунисты разрушили почти все дореволюционные дворцы, а «немногие уцелевшие превратили в загаженные коммунальные ночлежки» (с. 477). Например, трепло? Зимний превратили в ночлежку? Нет, там мирового значений художественный музей. Архангельское загадили? Из Останкино сделали коммуналку? Это ныне какой-нибудь авен захватил особняк Алексея Толстого — и гадит там одним своим присутствием. Какая-то Мамахада развалилась в квартире великой Марии Бабановой. А в Советское время ещё с 1918 года в разгар Гражданской войны дворцы и усадьбы превращали в музеи, в театры, в картинные галереи, их отдавали пионерам и школьникам... На что вы рассчитываете, когда так нагло лжёте?

И ведь пытается охватить все сферы Советской жизни, всё вызывает у него приступы бешенства, даже довоенные громкоговорители, которые он неизменно называет «чёрными тарелками»: «На всех столбах висела чёрная тарелка, от неё было много треска и мало толка»(с. 424). Это от вас только треск да визг,

а советский народ с этих «тарелок», сявка самарская, вкушал роскошные яства мировой культуры — музыку Баха и Чайковского, поэзию Пушкина и Шиллера, пьесы Шекспира и Гоголя, спектакли Малого и МХАТа, песни хора Пятницкого и Поля Робсона... А сейчас включаешь роскошный цветной гадюшник, и что там? Либо тандем после очередной катастрофы талдычит, как прекрасна стала жизнь под их руководством, либо их невежественные прислужники Гозман да Солонин исходят злобным враньём, как отвратительна была жизнь Советская: «Люди в основной своей массе были малограмотны...» (с. 424) «Поэты и артисты рвали друг другу глотки, строчили доносы» (с. 481).

И кому же вырвали глотку, допустим, поэты Пастернак или Слуцкий, кому — артисты Утёсов или Райкин? На кого писала доносы, скажем, несравненная Майя Плисецкая?.. Между прочим, она однажды в беседе по телевидению тоже сказала, что все, буквально все писали доносы. Журналист спросил: «И вы с Родионом Щедриным?» Прима вспыхнула: «При чём здесь мы?» И оскорблённая прекратила беседу.

Плеться по следам полоумных наставников, наш мыслитель, конечно же, не мог обойти вопрос репрессий: «Сажали за 30-минутное опоздание к станку... Давали полновесный лагерный срок за 30-минутное опоздание... В январе 1941 года 3,6 миллиона сидели в лагерях» (с. 435, 436, 478). Полновесный срок это сколько — 5 лет, 10? Так вот, брехло, запомни и передай детям:

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г.

«п.5. За самовольный уход с предприятий и учреждений предаются суду и по приговору народного суда подвергаются тюремному заключению сроком от 2 до (!) 4 месяцев.

За прогул без уважительных причин (опоздание на 21 минуту) караются исправительно-трудовыми работами по месту работы на срок до(!) 6 месяцев с удержанием из зарплаты до (!) 25%». 2-4 месяца заключения и не свыше 6 месяцев неполной зарплаты это «полновесный срок»?

Суров закон, но до войны оставалось всего один год.

Что же касается заключённых в 1941 году, то их, конечно, было не 3 млн. 600 тысяч, а 2 млн. 417 тысяч. Вообще же, «за всё время правления Сталина количество заключённых, одновременно находящихся в местах лишения свободы, никогда не превышало 2 млн. 760 тысяч» (И.Пыхалов. Время Сталина. Л. 2001. С. 16). Это много? Много. Но примерно 1,5% населения, что мало соответствует понятию «массовые репрессии». Неужели не настанет время, когда полоумным клеветникам будут давать полновесные сроки?

Я колебался, писать ли ещё и о том, что историк, как гоголевская девчонка черноногая, не знает, где лево, где право. Ведь жена может на развод подать. Трудно поверить, но вот цитата: «Шепетовка — важный железнодорожный узел Левобережной Украины»(с. 328). Да она от Левобережья вёрст за 250! Но он опять: «Летом 1941 года большая часть Левобережной Украины была оккупирована»(с.

412). Да не Лево-, а Правобережной! И вот с такими чучелами Сено-Солома приходится спорить. Впрочем, здесь возможно другое: наш учёный думает, что Днепр течёт из Чёрного моря на север. Тогда, конечно, Шепетовка на самом что ни есть Левобережье. Это напомнило мне, как моя жена ездила с подругой в Египет. На обратном пути из Хкргады жена подруге и говорит: «Вот и в Африке побывали» — «Что? В какой ещё Африке?» — изумилась и, пожалуй, даже оскорбилась та. «Ну, Египет же это Африка». Подруга так и не поверила. А особенно интересно, что она — кандидат географических наук. Вот бы познакомить её с Солониным, а, может, и поженить. Каких бы деток нарожали на египетском Левобережье!

Но самое-то главное в этом человеке даже не редкостное невежество, а всепроникающая ненависть. Он смотрит на родину глазами недобитого фрица. И ненавидит не только Советскую власть, советских людей, наших военачальников, но даже и наше оружие. Для него наши танки, например, — стальные черепахи, монстры, чудовища (с. 269)...

В конце Финской кампании, спустя несколько часов уже после подписания перемирия, наши войска взяли Выборг. Солонин хотя и пишет в конце книги, что «отнюдь не считает себя компетентным в сугубо военных вопросах» (с. 464), но на протяжении всего фолианта только тем и занят, что поучает, как надо было бы действовать нашему командованию именно в сугубо военных вопросах: «гораздо проще и эффективнее было бы» (с. 43)... «бомбардировщики можно было бы быстро перебазировать» (с. 53)...

«6-ю армию Паулюса можно было бы разгромить, не дожидаясь выхода к Сталинграду»(с. 257) и т.д.

Вот и здесь: «Штурмовать Выборг было вовсе незачем — надо было бы спокойно дожидаться 12 часов 13 марта» (с. 319), т.е. времени прекращения огня. Это совет из разряда давно известных: не следовало защищать Ленинград, надо было бы объявить открытым городом (В.Астафьев); не следовало брать Берлин, надо было бы окружить и ждать, когда он сдастся и т.д. Солонину и в голову не приходит, что в суматохе и напряжении боёв командование могло не знать о достигнутой в далёкой Москве договорённости, что сообщение о ней могло задержаться и т.п.

Но больше-то всего изумляет здесь вот что: «Разумеется, финны не отказали себе в удовольствии проучить зарвавшегося агрессора» (с. 320). Что значит «проучить» — отбили наступление? удержали город? Ничего подобного, город взяли. Но, конечно, были с нашей стороны и жертвы. И речь здесь не о финнах, а о том, что автор не мог себе отказать в удовольствии поглумиться над павшими при этом соотечественниками.

Он клубится ненавистью. Родина для него — «большая зона» (с. 423). Хотя сам-то никогда за решёткой не был. Она для него — «страна нищих и людоедов» (с. 477). Хотя сам-то никогда нищим не был, но книгу его иначе, как людоедской, не назовешь.

Злобность и невежество соседствуют у Солонина с редкостной политической пошлостью путинско-медведевского пошиба: «учение карлы-марлы». Вы помните, как Путин на одном из заседаний с улыбоч-

кой авгура подарил Г.Зюганову в день его рождения «Коммунистический манифест»? Что, мол, осталось от вашего коммунизма после нашего предательства и погрома. А не забыли, что случилось с Медведевым, когда ему в Америке подарили советский плакат 20-х годов с призывом этого «Манифеста»: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Бедняга чуть не грохнулся замертво. Недавно китайцы отметили 90-летие своей компартии. В докладе по этому случаю Генеральный секретарь ЦК КПК тов. Ху Цзиньтао, в частности, сказал: «Китайские коммунисты глубоко убеждены, что основные положения марксизма являются неоспоримой научной истиной» («Правда», 5 июля 2011). Вам известно, пошляк самарский, чего достиг Китай за двадцать лет под знаменем этой истины и во что за тот же срок превратили Россию ваши братья по разуму, глумящиеся над этой истиной?

Из ненависти к родине естественно проистекает похвала её врагам и самому главному из них: «Гитлер объединил всех немцев в одном государстве, дал каждому рабочему работу и достойную зарплату, создал впечатляющую систему социальной поддержки материнства и детства, многократно расширил территорию рейха, провёл немецкую армию под триумфальной аркой Парижа, не обидел никого из представителей старой элиты Германии, кто согласился с новой властью» (с. 477). На недавнем Каннском кинофестивале примерно за такие речи о Гитлере известный датский режиссер фон Триер, несмотря на извинение, был освистан и изгнан с фестиваля. А этому Кулистиков даст премию.

Да, Гитлер много объединил под своей рукой, и не только немцев, но и австрийцев, поляков, чехов, хотел и русских — не удалось, а потом всё рассыпалось.

Да, он дал всем работу, в том числе — у газовых печей и в крематориях, в которых с особым удовольствием нацисты сжигали соплеменников Солонина.

Да, создал систему поддержки детства, чтобы потом формировать фольксштурм из подростков-смертников.

Да, расширил территорию рейха, чтобы потом всё испохабить и сдать.

Да, провел немецкую армию под триумфальной аркой в Париже, чтобы потом руководители этой армии подписали безоговорочную капитуляцию в Берлине.

Да, никого не обидел из элиты, поскольку элита его и поставила у власти и поддерживала изо всех сил. Точно так же, как у нас, только не старая, а новая элита грабителей.

Марк Семёнович, вы говорите, что раньше работали кочегаром. Ведь благородная профессия! Не вернуться ли вам к ней, когда вас выпустят из погреба? Ведь как отрадно! Может быть, Господь и вызвал вас из небытия именно для этого. И книжки свои могли бы использовать как топливо. Ведь в них столько пыла! И Пивоварова пригласили бы напарником. Я мог бы посодействовать с устройством вам обоим. У меня много друзей среди кочегаров.

Недавно зашёл ко мне старый односум Беркович, между прочим, еврей, взял у меня почитать вашу

книжечку, Солонин. Через несколько дней заглянул, чтобы вернуть. А мне накануне читатель с Кубани прислал пару бутылок прекрасного домашнего вина. Я позвал гостя в кухню и пригласил отведать. Выпили по одной. А потом гость мой сказал:

— Я просто обалдел от дури и наглости этого Солонина, если взять даже только еврейскую тему, которой я, понятное дело, особо интересовался. Пишет, что в директиве Ставки от 2 июля 41-го года «О порядке эвакуации населения и материальных ценностей» предусмотрено всё — как быть и с лошадьми, и с коровами, и со свиньями, а о евреях — ни слова! Да там же говорилось о населении, обо всём населении, а ему обязательно надо, чтобы о евреях — отдельно, особо и в первую очередь. И откуда такие берутся! Жалуется, что евреев не предупредили о лютом антисемитизме фашистов. Да ведь с тех пор, как Гитлер пришёл к власти, восемь лет только об этом и твердили. Помнишь фильмы «Профессор Мамлок», «Болотные солдаты», «Семья Оппенгейм»? Разве это не предупреждение?

— Между прочим, — сказал я, — их по сценариям да книгам евреев и ставили режиссеры-евреи: Раппапорт, Мачерет, знаменитый Григорий Рошаль... Но многие зрители-евреи им не верили. Вот критик Сарнов. У него на Украине жили дед и бабка. Он рассказывает, что, когда деду говорили о зверствах фашистов, он отвечал: «Не верю. Я знаю немцев, это культурный народ». И что же? В оккупации они погибли. И кого винит их учёный внук? «Это, скорее всего, русские, те самые, богоносные»... А что пи-

шет о Бабьем Яре! «Там убито 52 тысячи евреев». Да не пятьдесят, а все сто. И не только евреев.

— Даже известный юдофил Евтушенко, которого покойная Римма Казакова считала самого евреем, писал:

*Здесь русские лежат и украинцы,
С евреями лежат в одной земле.*

— Но особенно возмутил меня списочек тех, кто евреев спасали. Это 18 тысяч поляков, украинцев, белорусов, литовцев даже, которые особенно отличились в сотрудничестве с фашистами по истреблению евреев, — и ни одного русского! Да их спасали не тысячи, а миллионы русских солдат!

— Дело не только в спасении евреев, — сказал я.

— Нет! Всё дурью и злобой пропитано. Пишет, что и армия, и народ не желали воевать. А вот когда увидели, что немцы зверствуют, тогда народ и поднялся, тогда и началась Отечественная война.

— Это их любимая заточка.

— Защитники Брестской крепости, Одессы, лётчики Задорнов и Харитонов в первые дни войны сбившие тараном немецкие самолёты, первые Герои за время войны — никто из них никакого зверства немцев своими глазами просто увидеть ещё не успел, но знали, конечно, что они обрушили бомбы на наши города. Да если бы фрицы нагрянули только для того, чтобы обучить нас игре на губной гармошке, народ и тогда бы поднялся во весь рост.

— Ещё пишет, что если бы Гитлер ликвидировал колхозы, вот тогда народ возликовал бы и кинулся в объятья захватчиков.

— Ну, вот сейчас ликвидировали почти все колхозы. И что? Только там крестьяне и живут прилично, где колхозы сохранились.

— Как ты думаешь, Беркович?.. Вот сейчас страну потрясли одна за другой трагедии: под Петрозаводском разбился старый Ту-134, погибло 47 человек; через три дня в Волге затонул огромный и такой же старый теплоход «Булгария», погибло более ста человек, среди которых много детей; на другой день в Томской области потерпел аварию Ан-24, погибло 7 человек... Три чудовищные трагедии... Как, потвоему, встретил эти известия человек, который не отказал себе в удовольствии?..

— Как? — перебил меня приятель. — В таком духе, как его создатели, сидящие в Кремле: пошлют телеграммку, поставят свечечку и деньжат подкинут, назвав это «компенсацией». А? Миллион компенсации за мать, миллион компенсации за дочь, компенсация за жену, компенсация за пятилетнего сына... Разбогатеть можно на таких компенсациях. Вот до какой степени они одичали, озверели, потеряли человеческий облик. Но при всём этом хватает сообразительности не поехать туда. Боятся, что мордобоем дело может не ограничиться. И ведь так повелось с самого начала.

— Да я помню, что Путин сказал, когда «Курск» затонул, но ещё был жив: «Зачем мне туда ехать? Я же не водолаз, не специалист, я только дзюдоист и только мешать буду».

Тут с «Комсомольской правдой» в руке вошла жена. Она, видимо, вполуха слышала наш разговор и потому сказала:

— Три трагедии? А вот четвёртая! — и протянула газету. В газете сообщалось, что 10 июля 74-летний писатель Эдвард Радзинский очень спешил на своём «вольво» на дачу в Красновидово. Так спешил, что на крутом спуске у Аносинского монастыря решил обогнать мешавшую ему машину и с этой целью выскочил на встречную полосу. И тут — лоб в лоб врезался в «ниссан», в котором ехала молодая пара. 24-летняя Мария Куликова погибла на месте. Возбуждено уголовное дело. Любитель быстрой езды в больнице: у него подскочило давление. Было, как у космонавта 120, и вдруг — 180. И ещё впервые в жизни — сотрясение мозга. Однако первое интервью «Комсомолке» уже дал: «Я сейчас один. Никого не желаю видеть. Дорогие мои, мне сейчас плохо, никто не может мне помочь. Девушка погибла...»

— Ну, нет! — сказал Беркович. — Помощники сыщутся. Он же любимый писатель Путина, и с Бушем на дружеской ноге, посылал ему свои сочинения, переписывался. Сыщутся!

Я вспомнил, что в своё время писатель Александр Межиров задавил одного артиста. И что? Удрал в Америку. Говорят, помог ему в этом Евтушенко. И продолжал печататься в «Литературке».

— Но как ему теперь жить с сознанием, что своими руками убил человека! — сокрушалась жена.

— Да, своими руками, державшими руль машины, он убил одного человека. А кто подсчитает, сколько человек, особенно стариков-ветеранов, он и такие, как Солонин, убили своим словом — ложью, клеветой на Советское время, на Великую Отечественную

войну, на Сталина! Если Солонин клеветает на отца Сталина, то Радзинский грязно оклеветал его мать, тихую, богобоязненную женщину. А теперь ему, убийце, плохо...

Я разлил остатки вина. Не чокаясь, выпили за помин души Марии Куликовой.

ВАНЯ ГОЗМАН - ВУРДАЛАК

Как и многие мои сограждане, я уже давно почти не смотрю телевидение, это, в общем и целом, гнусное творение Эрнста, Добродеева и Кулистикова, вполне заслужившее оценку покойного академика В.Гинзбурга, нобелевского лауреата: «Преступная организация». Естественно, что президент Медведев в восторге от этой организации. Не так давно он дружески беседовал с вышеназванными главарями её, и даже когда один из них отчебучил тупоумную хамскую шуточку по адресу Пушкина, президент лишь улыбнулся загадочной улыбкой Джоконды. А до этого вручал им награды со словами: «У нас лучшее в мире телевидение». Ну, правильно, если у нас лучший в мире президент.

Так вот, смотрю только выпуски новостей. Но есть у меня заботливый молодой друг Александр М., который смотрит телевидение много, и, когда есть что-то интересное, звонит мне: «Владимир Сергеевич, включите...» Так было и вечером 21 апреля, в Чистый четверг. Не хотелось поганиться после обязательной в такой день бани, но всё же рискнул. На канале «Россия» шёл поединок Геннадия Зюганова с Леонидом Гозманом по вопросу «десталинизации сознания народа», с одобрения президента затеянной Федотовым и Карагановым. Геннадия Зюганова знают все, а кто такой этот Гозман? Какого рода-племени? Оказывается, сподвижник Чубайса, в характеристике не нуждающегося. Впрочем, напомним, что именно Чубайс на съезде своего «Союза

правых сил» начертал на штандарте этой партии её главный девиз — «Больше наглости!» И ведь никто из членов «Союза», включая седовласого Гозмана и юную красавицу Аллу Гербер, не осудил горлопана, не отстранился от его призыва, не попытался хоть как-то скрасить бандитский клич, допустим, выдумкой о том, что бандюга был пьян. После этого такую партию следовало разогнать, но Путин и не подумал, видно, ему этот девиз по душе. «Союз правых» околел естественной смертью. Но почти в том же составе появилось «Правое дело». И там Гозман получил какую-то важную должностишку.

Ну, стал я смотреть. Некоторое время счёт голосов единомышленников Зюганова и Гозмана выглядел прилично: 105:100...120:105... 128-108... 160:120... Это пока православные из бани не вернулись, а как вернулись да как включили телевизор, тут и понеслось: 180:130...240:151... 300:175... В конечном итоге 100.094:13.132. Почти «эффект Кургиняна», который трепал гозмановых единоутробных братьев Сванидзе и Млечина со счётом 95:5. Но с другой стороны, у победителя никогда не было столько единомышленников: за полтора часа успели проголосовать больше 100 тысяч!

Честно говоря, это был не поединок, а избиеение младенца. А уж если поединок, то один — с дубиной, а другой — с дамской шпилькой. Беспомощность, невежество, убогость Гозмана не поддаются описанию. При всём отвращению к его вранью, младенца было просто жалко. Неужели его партия не могла послать кого-то покрепче, поумней и хотя бы не той нацио-

нальности? Уж этой-то — до того перебор... И снова слать в бой такого, как Гозман, это просто акт сознательного антисемитизма, ибо на глазах всего народа был учинён настоящий погром.

Гозман начал с того, что сразу вывалил на Сталина кучу грязных оскорблений вплоть до того, что Сталина место в аду рядом с Гитлером, главной жертвой культа личности. Подумал бы, можно ли помещать рядом палача и жертву. И с какой лёгкостью и охотой они помещают нас туда. Вот и великий Бродский упёк в «адскую область» не кого-нибудь, а маршала Жукова и всех погибших на войне.

А самым мягким из гозмановских аттестаций было «вурдалак», повторенный несколько раз. Да кто ж так работает, лапоть? Я сам не пренебрегаю крепким словом, но его употребление надо же обосновать, надо настроить читателя, подготовить должными убедительным фактами. А где они у тебя?..

У Пушкина есть переводное стихотворение «Вурдалак»:

*Трусоват был Ваня бедный:
Раз он позднею порой,
Весь в поту, от страха бледный,
Чрез кладбище шёл домой.
Бедный Ваня еле дышит,
Спотыкаясь, чуть бредёт
По могилам; вдруг он слышит —
Кто-то кость, урча, грызёт.
Ваня стал. Шагнуть не может.
Боже! Думает бедняк,
Это, верно, кости гложет*

*Красногубый вурдалак.
 Горе! Малый я не сильный;
 Съест упырь меня совсем,
 Если сам земли могильной
 Я с молитвою не съем.
 Что же? Вместо вурдалака
 (Вы представьте Вани злость!)
 В темноте пред ним собака
 На могиле гложет кость.*

Сдаётся мне, что поэт-пророк, знавший «и горный ангелов полёт, и гад морских подводный ход», в этом стихотворении провидел нынешнее положение родины и работу гадов в ней. Что за могилы у него, что за кладбище? Это могилы жертв путинских-медведевских реформ. Что за собака? Да сам Чубайс! Сейчас по всей Руси сторожевых собак, чтобы злее были, называют Чубайсами. Что за кость он гложет? С одного конца — недра России с их несметными богатствами, с другой — сам народ, гибель 30 миллионов которого он предопределил ещё в начале грабежа, поскольку, мол, они не смогут «вписаться» в его реформы и потому, дескать, сами и виноваты в своей гибели. Ну, а бедный Ваня — сам горемычный Гозман, которому для спасения надо есть могильную землю на кладбище жертв перестройки.

И вот Гозман яростно голосит: вурдалак!.. вампир!.. упырь! То бишь, кровопийца. Почему-то воздержался от живоглота. Но если ты, Ваня Гозман, так выражаешься по адресу человека, под руководством которого родина стала второй в мире сверхдержавой, спасла мир от фашизма, первой послала

человека в космос, то ты, Ваня, лишаешь себя права протестовать, если тебя тоже назовут вурдалаком, а «Союз правых», пославший тебя на поединок, — партией зазранцев и мутаков. А уж я-то лично, как служивший под командованием Сталина, как имеющий несколько военных медалей с его профилем и три ордена Сталина, — я просто обязан величать тебя вурдалаком. Тем более, что словцо это из всей твоей злобной похабщины, повторяю, звучит почти ласкательно.

Сограждане, откликнувшиеся в интернете на затею «десталинизации», прежде всего отмечают гомоедский уровень ума и знаний затейников. Так, некто Тавр воскликнул: «Да ведь Гозман же совершенная бездарь и неуч. Не знает всем известных фактов». В самом деле, он заявил, например, что Сталин лгал, когда докладывал об огромном росте выплавки стали, добычи угля и т.п. Но вот вам цифры. В 1913 году выплавка стали в России составляла примерно 8 млн. тонн, а в 1940-м — 18,3. В 1984 мировая выплавка — примерно 700 млн. тонн, в СССР — 154 (СЭС, 1986, с. 1492 и 1267). Посчитайте, какая это доля мировой выплавки. Таков был сталинский «разгон», признанный даже Солженицыным.

Да ведь и без энциклопедий понятно: сталь и чугун — это хлеб промышленности. И если его не было, то с чем же мы встретили фашистов — с дрекольем? Как выстояли — за стогами сена? Чем погнали с родной земли — вилами, как уверял Д.Гранин? Так ведь и для вил нужна сталь. А вы ничего этого не сообщаете.

Алексей уточнил: «Сталин — это вечный упрёк бездарным политическим импотентам. Он ставил задачи, создавал коллективы и побеждал».

Свентояр вторит: «Сталин — упрёк умственному убожеству и душевной низости. Для них он враг именно потому, что Творец, а не тупица. Любая мразь всегда пытается опорочить творцов».

Гриша Д. изумлён: «Гозман — феерический идиот!» С ним трудно не согласиться, дорогой. В самом деле, вот вы заявили, что Сталин, умерший почти шестьдесят лет тому назад, виновен в нынешнем разгуле коррупции, и вы изображаете себя борцом против неё. Но ведь гораздо разумнее было бы заявить: «Я проклинаяю своего недавно почившего учителя Гайдара, который в самом начале заварухи объявил, что взятка — устаревшее понятие, плод сталинской пропаганды, никаких взяток никогда не было и нет. Это всего лишь плата за услуги. Проклинаю! Отрекаюсь! Пусть земля ему будет камнем!» Но ведь вы ничего подобного не сказали.

А есть и такие читатели в интернете, которые, как принявший участие в передаче профессор Валерий Соловей, требуют суда над всей вашей братией за учинённый в стране геноцид. Вы же не будете отрицать, что когда население убывает почти по миллиону в год, то это настоящий геноцид.

Вы, Гозман, больше всего вызываете изумление и жалость тем, что во всём, что говорили, кричали, верещали, не было ничего нового, ни слова своего, ни маковой росинки свежего — всё взято на один вечер у других: у Радзинского, Сванидзе, Млечина, Нем-

цова, Жириновского... Вы не умеете и не привыкли работать, искать факты, думать, анализировать. Вы сочиняете вздор и снабжаете им друг друга и ликуете, получая протухшие подарки. Например, из ваших сахарных уст все услышали: «Мы победили в войне не благодаря, а вопреки бездарному и преступному руководству Сталина». Это вы плетётесь в хвосте у Радзинского и множества других. Последний раз мне довелось это слышать от думской дамы Ирины Яровой. Сходите к ней в гости. Вам с ней вдвоём (больше-то уж едва ли кто ныне присоединится) не так тоскливо будет противостоять маршалам Жукову, Василевскому, Рокоссовскому, генералам Штеменко и другим высочайшим военным авторитетам, достойно оценившим сталинское руководство... Ну, напрягите на минуту воображение: хотя бы один Рокоссовский, воевавший под руководством Сталина, и вы, даже в армии не служивший и книг о войне не читавший и не знающий даже, что такое мулёк. И кому люди поверят? Откуда в вас такая самоуверенность? Конечно, от невежества и такого притом, что порядочные люди, чтоб избавиться от него, в Язуе топятся.

Или вот вы бросили Зюганову: «Это ваш кумир заявил, что неважно, как проголосуют, важно, как подсчитают». Собеседник, к сожалению, не спросил вас: где, когда, кому говорил Сталин такой вздор? Вам же нечего ответить. Пользуясь податливостью вашего темечка, вам вдолбили собратья эту чушь, и вы храните её как великую драгоценность. И в голову не приходит поразмыслить, сопоставить. Вот недавно прошли

президентские выборы в Беларуси и Казахстане. За Лукашенко и Назарбаева проголосовали 85% и 95% избирателей. Ничего удивительного. Так голосовали и за Сталина. Например, на XVII съезде партии против его избрания в ЦК было не 257 голосов, как врал известный Рой, которого А.Пушков считает историком, а всего три голоса. Это уже в нынешнее время подтвердила проверка, о чём поведал журнал «Известия ЦК КПСС». Да просто и нужды-то не было в каких-то фокусах, как у нынешней власти.

Вы изображаете Сталина извергом, но ума-то его никто из вас, кроме мадам Мирошниченко, не отрицает. И, однако же, измышляете и приписываете ему вопиюще тупоумные откровения. К тому, с которым вылезли вы в поединке, можно вспомнить ещё такие: «Нет человека — нет проблемы», «У нас нет пленных, у нас есть предатели», «Я солдата на фельдмаршала не меняю» и т.п. В некоторых случаях удаётся установить первоисточник. Так, первый афоризм изобрёл известный Анатолий Рыбаков, в своих «Детках», после чего отбыл в Америку, где и преставился, не дождавшись мировой славы. Последний замызганный афоризм безграмотен и просто нелеп по смыслу: во-первых, Яков, попавший в плен сын Сталина, был не солдатом, а старшим лейтенантом; во-вторых, уж если зашла бы речь об обмене, то Сталин должен бы сказать вот как: «Я фельдмаршалов на лейтенантов не меняю».

Тут недавно вылез на экран телевидения старенький Валентин Фалин, бывший секретарь ЦК, зав международным отделом, давно и благоразумно об-

ретающийся в Германии: «Как Сталин мог быть отцом народа, если он был таким отцом своему сыну — не пожелал его спасти!» Можно представить какой вопёж закатили бы на весь мир эти фалины, если бы Сталин из трёх миллионов пленных вызволил своего сына. О!.. Он не мог этого сделать именно потому, что был отцом народа.

То, что вы лепетали о войне, особенно гнусно и тупоумно. «Мы потеряли 127 миллионов!» Народный артист Юрий Назаров тут же справился о вашем здоровье. «Ах, я оговорился: не 127, а 27, но немцы — только 7». Во-первых, оговорочка-то очень характерная. И всегда ваша шарага оговаривается в эту сторону — против родины. Во-вторых, ведь знаешь, что большая доля этой страшной цифры — истребление мирного населения, что было целевой программой немецкого фашизма. Попробуй кто-нибудь сказать, что холокост — это не 6 миллионов, а 200 тысяч, — о, какой поднимется вой! А сами с трагическими цифрами советской истории вытворяют, что вздумается. Вот тут же его подручный Соколов, такая же лживая бездарь, заявил: и не 27, а 40! Жаль, не припожаловал на передачу вечно живой покойный классик Солженицын. Он бы подбросил еще миллионов 40. Ну, хоть бы раз пошевелили извилинами: если мы потеряли 40 миллионов, а немцы только 7, то почему же у них дело дошло до тотальной мобилизации, когда забривали подростков, и почему же капитулировали — безоговорочно! — не мы, а они?

Или вот это: «Наши пленные из немецких лагерей сразу попадали в советские». Это у кого спёр

— у Млечина или у Бродского? Я знал много бывших пленных, которые учились со мной или работали в Литературном институте сразу после войны: Николай Войткевич, Юрий Пиляр, Борис Бедный, Александр Власенко... Все они, конечно, прошли какую-то проверку, но потом поступили в престижный, как тогда говорили, идеологический столичный вуз, беспрепятственно издавали книги, по некоторым ставили фильмы. Смотрел фильм «Девчата»? Это по повести бывшего пленного Бориса Бедного. А ещё Степан Злобин и Ярослав Смеляков. Первый из них получил Сталинскую премию, второй — Государственную. И оба занимали в Союзе писателей важные посты председателей секций. Я не занимался этим специально, но по книге «Отчизны верные сыны» (М, 2000) могу назвать более двадцати писателей, побывавших в плену или ставших писателями после плена. По книге Игоря Пыхалова «Время Сталина» (Ленинград, 2001) могу привести суммарные цифры о судьбе пленных по всей армии. А что можешь назвать ты, партийная балаболка?

Загадочная вещь: особенно любят рассуждать об армии, о Сталине, о войне, всех громче визжат, яростней и невежественней всех врут об этом ни дня не служившие в армии евреи: Чубайс, Радзинский, Жуховицкий, Владимов, Сванидзе, Млечин, Радзиховский, Бродский, теперь вот и Гозман... Нет, нет, не только эти, есть и русские, и другие: покойные Волкогонов, Солоухин, Астафьев, Окуджава, благополучно здравствующие в этом ряду Путин, Медведев... Да, да есть и такие. Но всех громче и пронзи-

тельной, с самых высоких трибун голоса именно те, чубайсовидные. А ведь они представители великой, но численно малой в России нации. А.Ф.Козак в справочнике «Евреи в русской культуре» пишет: «Сегодня евреев в РФ около полумиллиона, то есть в 280 раз меньше, чем всех россиян... Евреи в РФ завершают свой короткий век»(с.7). Если евреи такая редкость ныне, то надо же понимать, что люди склонны по каждому из них судить о всех евреях.

И вот некто РБ заявляет в интернете: «Гозман лжёт, когда говорит, что они хотят заботиться о людях. Он просто умалчивает, что Люди — это только евреи, остальные — нелюди». Неужели никто из названных мною евреев не соображает, что при поддержке власти, которая в нужный момент их предаст, они своей злобностью и невежественной клеветой разжигают антисемитизм, орудуют как провокаторы против самих себя. В частности, приведённую фразу РБ спровоцировал Гозман. Мало вам того, что Ленина и Сталина народ поставил в первую пятёрку политиков России за всю её историю? Мало вам кургиняновского погрома со счётом 95:5? Мало вам победных зюгановского 100 тысяч на 13 тысяч? Мало провокаторам не покажется...

ЗАДЕЛО!

Памятники знаменитым и великим людям разумно ставить там, где этот человек родился, или прожил значительную часть жизни, или совершил что-то очень важное, или, наконец, умер. Так, первый памятник Петру Великому, естественно, был поставлен в городе, который он основал; Пушкину — в городе, где он родился, в Москве; Александру Первому — в Таганроге, где он умер.

Надо признать, что в советское время этому разумному обыкновению прошлого следовали далеко не всегда. Конечно, тогда был переизбыток некоторых памятников. Кроме того, стали ставить памятники сугубо идеологического характера, как, скажем, Марксу и Энгельсу в Москве, или в знак уважения к другому народу, к его культуре, — таковы памятники Сервантесу (1991), Руставели (1966), Шевченко в той же Москве. Но другое дело, что ныне памятники Ленину, Сталину, Дзержинскому, советским солдатам и полководцам, как символы великой эпохи, стали объектами борьбы между патриотами и антисоветскими оборотнями. Тут уж не до разговоров об излишествах. Такие памятники защищают от вандалов и даже ставят новые, как было недавно в Запорожье: патриоты воздвигли памятник Сталину, оборотни его разрушили, патриоты восстановили и поставили у него охрану.

Но вот в центре Москвы на Новинском бульваре сейчас поставлен памятник поэту Иосифу Бродскому работы Георгия Франгуляна. Что, поэт родился в

Задело!

Москве? Нет, в Ленинграде. И там ещё с 2005 году во дворе филологического факультета ЛГУ уже стоит «бронзовый монумент работы Константина Симуна». Что ж, по нынешним временам в Ленинграде на Фонтанке поставили памятник и «Чижику-пыжику», который на той самой Фонтанке воду пил. А кому ещё из русских писателей во дворе ЛГУ стоят памятники? Никому. Интересно.

Может, Бродский умер в Москве? Нет, он заверял:

На Васильевский остров

Я приду умирать.

Однако, обещания не сдержал, умер не в родном Ленинграде, а в приютившем его Нью-Йорке.

Примечательно, что Есенин предсказывал:

В зеленый вечер под окном

На рукаве своём повешусь.

И повесился, да ещё именно под окном.

Маяковский размышлял:

Всё чаще думаю,

не поставить ли лучше

точку пули в своём конце?

И поставил точку пули.

Николай Рубцов уверял:

Я умру в крещенские морозы...

И как в воду глядел: умер 19 января, именно на Крещение.

А Бродский только сказал красиво о родине, но умер на чужбине, в Америке, а похоронили его в Венеции. Место, конечно, поэтическое. Ведь это там уже два века

*Старый дождь плывёт в гондоле
С догарессой молодой...*

Но для памятника Бродскому место выбрали самое подходящее — напротив американского посольства. Действительно, в США вышла первая книга Бродского, там он прожил почти половину всей жизни и без малого всю творческую жизнь, там много писал на английском языке.

Я не мог разобраться, когда именно открыли памятник. В выпусках новостей по телевидению этого, кажется, не было. По одним данным, 24 мая. Это День славянской письменности и день рождения великого русского писателя Михаила Шолохова, тоже Нобелевского лауреата. То-то порадовался бы Михаил Александрович собрату. По другим данным, 24-го всё-таки не решились и поставили 31 мая.

Но не важно, когда. Гораздо важнее, что министр культуры РФ француз г-н Авдеев сказал: «Нам очень повезло, что в нашей стране родился великий, не до конца понятный гигант эпохи Иосиф Бродский». Друг гиганта Евгений Рейн, знаменитый поэт, присовокупил: «Создание этого памятника в Москве — великое событие для тех, кто ценит русскую культуру».

Газеты сообщают, что великое событие произошло на глазах «нескольких сот человек, среди которых были замечены скульптор Зураб Церетели, артист Сергей Юрский и врач Леонид Рошаль».

Прекрасно, но тем, кто ценит русскую культуру, как не вспомнить, что первый памятник Пушкину, великому национальному поэту, родившемуся и умершему в России, был открыт почти 45 лет спу-

Задело!

стя после его смерти, Есенину в Москве — спустя 70 лет после смерти, Шолохову — спустя 18 лет. Да ещё где! В Текстильщиках. А тут поэту, по авторитетному мнению министра культуры, «не до конца понятному» и известному в России чуть больше, чем Симун или Франгулян, — всего через 5 лет поставлен памятник в одной столице и через 10 лет — в другой. И не в каких-то там Текстильщиках, а около университета и в центре столицы... Где будет третий? Да как же не поставить монумент в деревне Норенская Архангельской области, где года полтора жил высланный из Ленинграда поэт. Совершенно как Пушкин в Кишиневе и в Михайловском, где есть и музеи. И в Норенской должен быть! А директором музея хорошо бы назначить нынешнего министра культуры, когда сей гигант путинской эпохи выйдет в отставку.

Вот такая возвышенная суета вокруг имени почившего поэта. И это при всём том, что в Москве исчезли улицы Пушкина и Белинского, Герцена и Огарёва, Грановского, Станкевича и Чехова, площади Лермонтова и Маяковского... Именно этим — искоренением духа русской культуры — прежде всего и занялись в Москве оборотни первого призыва во главе с тогдашним мэром Гавриилом Поповым.

Исчезла и улица Горького, и памятник ему, самому знаменитому писателю XX века, а Союз писателей молчит, а на страницах «Литгазеты», украшенной восстановленным горьковским профилем, некоторые литературные дамы даже вопрошают недоуменно: «Горький? Да ведь он же не очень спешил

вернуться в СССР». Почему-то не добавляют: ещё и резко критиковал коммунистов, даже самого Ленина. И вот, говорю, при всём этом мне, человеку, который ценит русскую культуру, радоваться вместе с Рейном и Авдеевым «великому событию» — открытию памятника «гиганту эпохи» у американского посольства? Пробовал. Не получается.

ЗА ЧТО Ж ВЫ САШКУ-ТО ПОТЕЕВА?

Вот, докопались, наконец-то, до истины: десять наших экскурсантов-нелегалов в США во главе с секс-пушкой Чапман выдал полковник Александр Н. Потеев, заместитель начальника американского отдела Службы внешней разведки (СВР), лицо весьма высокопоставленное. Вообще-то, американцы, пожалуй, могли обойтись и без него, ибо, судя по всему, прикрытием великолепной десятки в США были только придуманные им нерусские имена да выученный ими английский язык. Причём сомнительно, что выучили они его как требуется. В самом деле, если у нас «Булава» раз за разом то летит не туда, то вообще не летит, если пожары полыхают от Якутии до Рязани, если президент уверяет иностранцев, что именно его красивое и умное, хорошо выбритое лицо — это лицо сегодняшней России, до языка ли тут?

А радоваться были у американцев большие основания: за десяток русских пентюхов они получили двоих настоящих ценных разведчиков. Известно, что были предательства и в Советское время. И кара Родины за это была сурова. Но вот наступила пора благоухающей демократии. Казалось бы, уж теперь-то чего суетиться негодьям? Ведь здесь то же самое, что там. Нужны деньги? Да при таких ловкости и бесстыдстве и здесь можно открыть доходное дело. Однако в 1998 году была раскрыта группа офицеров Главного разведывательного управления (ГРУ), которые продали израильской разведке «Моссад» около 200 секретных документов. И какова кара? Подпол-

ковнику Владимиру Ткаченко суд Московского военного округа вклеил три страшных года, подполковник Геннадий Спорышев огрѣб аж два года условно, а организатор бизнеса на торговле государственными тайнами полковник Александр Волков, т.е. самое главное лицо, и вовсе прошѣл по делу как свидетель, хотя при обыске у него дома обнаружили 345 тысяч — не шекелей, конечно, а долларов. Видимо, это и послужило главной причиной милосердия.

В 2002 году тот же суд Московского военного округа дал полковнику Александру Сыпачѣву восемь лет. Этот кадровый разведчик не был завербован по оплошности на основе какой-то ошибки, промаха, трудного положения. Нет, он сам обратился в посольство США и предложил свои услуги («Советская Россия», 24.05.2011).

Все осуждѣнные давно отбыли срок, и нет ничего удивительного, если они восстановлены в прежних должностях, да ещё с повышением званий.

И вот уже нынешние дни. Какая впечатляющая инновация, какая эффектная модернизация! Если в замшелом СССР эти тупые коммунисты однообразно выменивали иностранных шпионов на наших советских разведчиков, то на сей раз обменивали русских на русских! Начало положено. Это ли не воплощение призыва президента «Россия, вперѣд!». И естественно, что сам президент поздравил экскурсантов с удачным, без потерь, возвращением на родину, а 18 октября прошлого года он лично вручил им высокие государственные награды. Глава же правительства провѣл с пентюхами чудную корпоративную вече-

За что ж вы Сашку-то Потеева?

ринку, во время которой все участники задумчиво спели прекрасную советскую песню «С чего начинается родина», модернизированную в духе времени:

А может, она начинается

С признанья, что пентюх — герой...

Впрочем, должен оговориться: не 10 пентюхов, а 9, ибо среди арестованных оказался один настоящий разведчик — Михаил Васенков (Хуан Лазаро), Герой Советского Союза, работавший под фотографа. Газеты писали, что американцы жестоко избили его, а когда выпустили, он не пожелал вернуться на родину, где ныне и в Кремле, и в СВР такие пентюхи. И надо ещё заметить, что те двое, которых мы отдали Обаме, были доставлены ему вовсе не из тюрьмы, не из лагеря — их Путин уже давно амнистировал.

Но вот что выяснилось. Оказывается, ещё в 2002 году дочь Потеева почти сразу после окончания вуза уехала в США. И вовсе не для того только, чтобы полюбоваться Ниагарским водопадом и вернуться в Москву. Нет, она заключила договор с одной из консалтинговых фирм и осталась жить в Америке, натурализовалась. В фирме, разумеется, были рады такой сотруднице, ибо прекрасно знали, что её батюшка не веники вяжет для Сандуновских бань. А кто тогда был у нас президентом? Да никак уже известный подполковник КГБ В.Путин. А кто ведал разведкой? Генерал Патрушев Николай Платонович, Герой России. А кто возглавлял Совет безопасности? Они, что же, не соображали, что произошло? Или даже и не знали? Если так, то кто же они такие? Кто? Да они, видите ли, фанатики безграничной свободы, энтузи-

асты всеобщей любви, они за право любого человека на перемещение по планете в любом направлении. Хорошо.

Идёт время, прошло два года, никто не ворохнулся. А в 2004 году отбыла в США уже супруга полковника Потеева. Кто у нас тогда был президентом? Да тот же подполковник КГБ, ставший ещё более известным. А кто ведал разведкой? Тот же Патрушев, уже не только Герой, но ещё и кавалер ордена «Мужество» и всех четырёх степеней ордена «За заслуги перед Отечеством». А кто возглавил Совет безопасности? Да его всегда и формировал и возглавлял президент. Кто в СВР? Ещё не Фрадков? И что же все они? Ведь уехали в Америку уже два члена семьи крупного начальника внешней разведки. А ничего. Они же фанатики любви к своей личной безмятежной жизни.

Прошло еще шесть лет. Шесть! Да не шесть, а уже восемь, если считать с дочки — и никто не чешется. Ни президент, ни руководитель разведки, ни председатель СБ, ни министр иностранных дел. Видя всё это, в начале 2010 года из сонного царства рванул в США уже сын Потеева, сотрудник Рособоронэкспорта. Оборон! Кто тогда был президентом? Уже молодой зоркий Медведев, поклонник иноземных бандуристов. Кто возглавлял ФСБ? Загадочный молчун Александр Бортников. Кто в Службе внешней разведки? Наконец-то Михаил Ефимович Фрадков. При его назначении Путин сказал: «Этот человек всем хорошо известен». Конечно. По телевидению. А до этого он ведал торговлей, сбором налогов, увлекался

За что ж вы Сашку-то Потеева?

рыбной ловлей. Правда, еще был главой правительства, но об этом уже едва ли кто помнит.

Итак, вся семья Александра Потеева уже за океаном. Что остаётся делать главе семьи, верному мужу и любящему отцу? Только одно: прихватить кое-какие бумажки из СВР и воссоединиться с семьёй. Она же скучает без него! И он скучает. Протестовать против воссоединения семьи — это мракобесие, сталинизм. Получив в июне прошлого года очередной отпуск, полковник и едет воссоединяться. Когда самолёт взлетел, он у иллюминатора соорудил рожу великому дзюдоисту Путину, знаменитому блогеру Медведеву, тихому обитателю Лубянки Бортникову и всех их во всём превосходящему Михаилу Ефимовичу, своему непосредственному начальничку.

Вы как хотите, а я не верю, что это могло произойти само собой, — вернее, только стараниями самого Потеева и членов его святого семейства. Тут или ещё неизученная форма массового служебного идиотизма всех упоминавшихся высокопоставленных чиновников, или их явный сговор, многолетнее содействие предателю. Скорее, второе. Тем более, что у Путина и опыт необходимый есть. Ведь это же он из-под носа у ленинградской прокуратуры и милиции увёл заинтересовавшего их Собчака и тайно на самолёте «Сессна» отправил его во Францию...

И вот Обама потирает ручки, а Путин делает вид, что рвёт и мечет: «Скотина Потеев! Как эта скотина будет жить с этим всю жизнь? Свинья! Как эта свинья будет смотреть в глаза своим детям? Какие бы 30 сребреников ему ни дали (дал дорогой друг Обама

побольше 30-ти. — **В.Б.**), они колом встанут в горле». Колом!

Поразительно! Ведь уже сколько скотов предательства он созерцал за эти долгие годы — и ничего не увидел, не понял, не раскумекал! Взять того же, скажем, Собчака, друга и учителя. Да это не свинья, а носорог предательства. Что там выданная группка несуразных наших экскурсантов во главе с секс-пушкой Чапман! Сперва Собчак предал многомиллионную партию, из которой сбежал и принялся на неё клеветать. Потом, как председатель Комиссии съезда народных депутатов, предал и оклеветал нашу армию, взвалив на неё вину за кровопролитие в Тбилиси. И, наконец, с помощью своего ученика бежал в Париж, наплевав на наше правосудие, которое им заинтересовалось. Тринадцать повесток получил из прокуратуры и все выбросил. И что, после этого он мучился, не знал, как жизнь дожить, не мог смотреть в глаза своей дочке Ксюше, известной скромнице?..

А ваш крёстный отец Ельцин? Это и не свинья, и не носорог, и не мамонт, а чудище предательства — обло, стозевно и беспробудно. Мало того, что предал державу, но ещё и напустил на неё орду вшивых грабителей. Да этот Потеев по сравнению ним просто резвый шалунишка. И что, у Ельцина тоже яства вставляли колом в горле? Ха! До последнего дня жрал в три горла'. А Горбачёв? И все эти три гнусных предателя почитаются вами с Медведевым как национальные герои. Двух последних вы наградили самым высшим орденом, какой только могли измыслить.

За что ж вы Сашку-то Потеева?

Да хоть и свои дела вспомни, милоч. После того, как ликвидировал российские военные базы во Вьетнаме и на Кубе, встал кол? А поперхнулся хоть разочек после того, как сбегал в Киргизию и уговорил Акаева согласиться на американские военные базы? Ну, сказано было, что всего на полгода-годик. А они там уже десять лет и не думают убираться. В таком возрасте любой кремлёвский идиот должен бы знать, что американцы никогда не уходят оттуда, куда пришли. Их войска после войны до сих пор, вот уже 66 лет, находятся и в Германии, и в Японии. А об Афганистане, об Ираке и говорить нечего.

Все эти дела различны по сфере приложения, по форме, но суть их одна — предательство родины в интересах Америки. Тут вы и Ельцина превосходите. Он же по своей дремучести порой просто не сообщал, что делает, не мог понять последствия. Да и многие поначалу не сознавали, например, что такое СНГ. Думали, что по сути так и останется Советский Союз, только под другим названием. Мысль о развале страны просто не умещалась в головах честных людей. Много в делах Ельцина объясняется и дуrolомным характером, и постоянными запоями. А вы двое, нет, вы гораздо моложе, вы аккуратисты, трезвенники, интернет знаете, с Михалковым дружите. Вот недавно Медведев был на встрече «восьмерки» во Франции, в городке Довиль. Разве он, допустим, позволил себе там мочиться на главной площади при всём народе, как ваш создатель Ельцин на аэродроме в Дублине у колеса самолёта на глазах встречавших его дам с букетами роз в руках? И вы, Путин, ни разу

не помочились публично во время визитов в США и Китай, в Германию и Финляндию, в Англию и даже Киргизию. Ни разу! Нет, вы оба отлично знаете, где туалеты и в совершенстве умеете пользоваться ими. И это ни что иное, как истинная модернизация ельцинщины.

Кроме того, ваш создатель просто ещё не успел, да и не мог, постоянно налитыми зенками увидеть, что натворил сам, и что уже после него напакостничали вы. Но вы-то, трезвенники и аккуратисты, вы видите картину на всю глубину двадцати лет грабежа и разбоя, вы всё знаете и, однако, прёте тем же самым ельцинско-чубайсовским путём. И когда вы начнете лепетать: «Я не знал, не понимал, не доглядел, ошибся... Меня Аркашка Дворкович обманул... Мне Тимакова не сказала... С кем не бывает!» — когда начнёте так, председатель Егорова скажет: «Я вас лишаю слова!»

Тютчев написал Николаю I такую эпитафию:

Не Богу ты служил и не России —

Служил лишь суете своей.

И все дела твои, и добрые и злые, —

Всё было ложь в тебе, всё призраки пустые:

Ты был не царь, а лицедей.

Поэт всё же находил у Николая какие-то неназванные добрые дела. А ведь у вас у всех, начиная с Горбачёва и Ельцина, ни единого доброго дела на благо народа, а только зло: наглый грабёж и подлые оскорбления, грязная клевета и бездарное лицедейство.

Во время последнего сеанса телевизионного лицедейства на тему любви к народу Путину была по-

За что ж вы Сашку-то Потеева?

дана записка: «Вам не стыдно перед нами?». Он мог не отвечать, и о записке никто, кроме её автора, не узнал бы. Но он ответил уверенно и твёрдо: «Нет, не стыдно!» Так же ответил бы и лицедей Палкин.

За что ж вы Сашку-то Потеева? Ведь он ни в чём не виноват... По сравнению с любым из вас.

ВСЕ ЗНАЮТ, КТО УБИЛ БУДАНОВА

10 июня на Комсомольском проспекте, давно родном мне и по Союзу писателей России, и по редакции «Завтра», был убит полковник Юрий Буданов. И вот первые спешные отклики по телевидению. Пресс-секретарь Генеральной прокуратуры Марков тотчас заявил, что один из двух убийц — «человек славянской внешности». Какой знаток этнографии и антропологии! Глаз — ватерпас. Откуда только Чайка берёт таких?! Ты на свою-то внешность глянь в зеркало. Ведь точно — человек лубянской внешности.

А на другой день ко мне на дачу зашёл давний знакомый и сосед. Поговорили о том, о сём, и вдруг он заявляет: «Я испытал глубокое удовлетворение, узнав об убийстве Буданова». Я обомлел... А сосед начал рассказывать мне какие-то новые кошмарные байки об убитом. Я — человек достаточно осведомлённый, и за этой историей следил пристально, но ничего не читал и не слышал о тех кошмарах, суть которых в том, что Буданов будто бы приказал расстрелять или сам расстрелял офицера своего полка. И когда мне говорят такое о человеке, я по мере возможности стараюсь проанализировать факты, сопоставить их, найти доказательства или хотя бы смягчающую вину обстоятельства. А он — нет! Он из числа тех ныне весьма многочисленных сограждан, что охотно, радостно, бездумно подхватывают любую чушь о своём народе, о его сынах, дочерях, героях и, ликуя, несут её дальше. Они лишены не только чувства национального родства, но даже солидарности. Кажется, президент

Все знают, кто убил Буданова

Рузвельт сказал: «Сомоса — мерзавец, но это же наш мерзавец». Вот до чего доходит солидарность, и об этом не стесняются говорить президенты великих держав. Нет, мерзавцев надо судить, и Сомоса в Никарагуа был, в конце концов, свергнут, приговорён к смерти и убит. Но всё-таки наши есть наши.

— Что ж получается? — сказал я. — Выходит, Буданова надо было ещё раньше судить за убийство русского, но не судили, а за убийство чеченки — сразу 10 лет? Где же справедливость?

— Ты же сам был на фронте, ты знаешь...

— Да, знаю. Мало того, я видел преступления на фронте и имел некоторое отношение к их последствиям. Так, однажды, будучи дежурным по роте, сам срезал погоны у старшины Ильина, которого отправляли в штрафную за воровство. Я его уважал, но следствие доказало его воровство. Не знаю, благополучно ли он отбыл месяц в штрафной. И был ещё случай, гораздо тяжелей и ужасней. 29 апреля 1944 года в белорусской деревне Кульшичи я стоял в строю и слушал приговор военного трибунала о рядовом Лаврове, который стоял около уже вырытой могилы и по приговору трибунала ждал пули. И выстрел грянул. За что? Он возглавил попытку трёх солдат убить своего командира отделения сержанта Поликарпова, и во время передислокации убили его по дороге. Лаврова расстреляли, а троих однодельцев отправили в штрафную. Это было жестоко, но ведь война, и всё было по закону военного времени. Не дай Бог ещё раз увидеть такое.

А тут? Если военнослужащий любого ранга совершил преступление, как совершил Буданов, да, его

надо судить. Судили же и расстреляли летом 41-го генерала Павлова и ещё несколько генералов Западного фронта за преступную безответственность, результатом которой стал развал фронта. Но во избежание самых нежелательных последствий для сражающейся армии и трудящегося тыла об этом не было даже краткого сообщения в газетах или по радио.

А тут из суда сделали шоу, судилище и не столько уголовного, сколько политического характера на потребу демократии. Да ещё где! В Северо-Кавказском военном округе. Чечня не входит в этот округ? Когда, в какой армии было, чтобы своего боевого офицера во время войны судили открытым судом в «Северо-Кавказском округе» и устроили из этого всенародный спектакль «Торжество справедливости»? Это могли учинить только при мёртвом молчании президента и главнокомандующего, у которого замутила небольшие медвежьи мозги болтовня чубайсов, латыниных и млечиных о правах человека. А ведь Буданов признал не только свою вину, но и справедливость приговора. Он с достоинством офицера сказал: «Я согласен с решением суда, за исключением двух пунктов. Первый: я не был насильником. Второй: мне ордена «Мужества» вручали, когда я не был преступником. Я свои ордена не под забором нашёл...» А «самое мерзкое», — сказал он, — было то, что в этой войне, развязанной преступными идиотами Ельциным и Грачёвым, убивали друг друга граждане одной страны.

Сосед мой молчит.

— Да, если офицер совершил преступление, его надо судить. Ведь ты за «диктатуру закона», правда?

Все знают, кто убил Буданова

— Конечно.

— Ты хочешь, чтобы всё было правильно, справедливо, чин-чинарём?

— Этого все хотят.

— Ну, далеко не все, но мне важно, что ты говоришь о любви к законности. Но у тебя же никак не сходятся концы с концами. Человек совершил преступление, признался, по закону отбыл срок. И после этого его линчуют. Так какой же ты законник? Ты за трансплантацию из Америки в Россию суда Линча. Впрочем, он уже давно сюда перенесён, и ты лишь пропагандируешь его, не соображая, что ныне на твоей родине суду Линча может быть подвергнут кто угодно. Как коммунисты Фомин, редактор газеты в Калуге, и Мартемьянов, депутат Думы, как антисоветчики Старовойтова и Юшенков, тоже депутаты, как генерал Лев Рохлин, как и Герой России полковник Руслан Ямадаев да ещё его брат Сулим...

И вспоминается ещё вот что. Когда недавно сообщили, что убит бен Ладен, даже вроде бы и умерший несколько лет тому назад, то в США безумно ликовали все: от президента до уличных мальчишек. А вот когда мы 30 апреля 1945 года узнали, что застрелился Гитлер — Гитлер, а не бен Ладушки! — никакого ликования у нас не было. И это убедительный показатель разницы уровней нравственности двух обществ. Только спустя много лет из воспоминаний маршала Жукова мы узнали, что Сталин сказал: «Доигрался, подлец!» И всё.

Мир праху твоему, советский офицер Буданов...

Владимир Сергеевич Бушин

И ВСЁ ИМ НЕЙМЁТСЯ!

Главный редактор — Алёшкин А. М.

Вёрстка — Булатов С. М.

Обложка — Алёшкина Е. Н.

При поддержке — Linux Mint Debian Edition, ХЭИТЕХ

Подписано в печать 10 января 2012 г.

Формат $84 \times 108^{1/32}$

Бумага офсетная №1. Печать офсетная.

Гарнитура Times, кегль 12 pt.

Усл. печ. л. 16.8. Уч.-изд. л. 10.93. Симв. 437325.

Тираж 2000 экз. Заказ № 102.

Издательство «Самотёка»

119049, г. Москва, Ленинский проспект, 6

Тел.: +7 495 518 18 05, +7 495 236 46 66

Сайт: www.osoznanie.su, www.samoteka.su

Электронная почта: info@osoznanie.su

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом печати — ВЯТКА» в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов.

610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

Факс: +7 (8332) 53-53-80, 62-10-36

<http://www.gipp.kirov.ru>; e-mail: order@gipp.kirov.ru

МИД

ОСОЗНАНИЕ